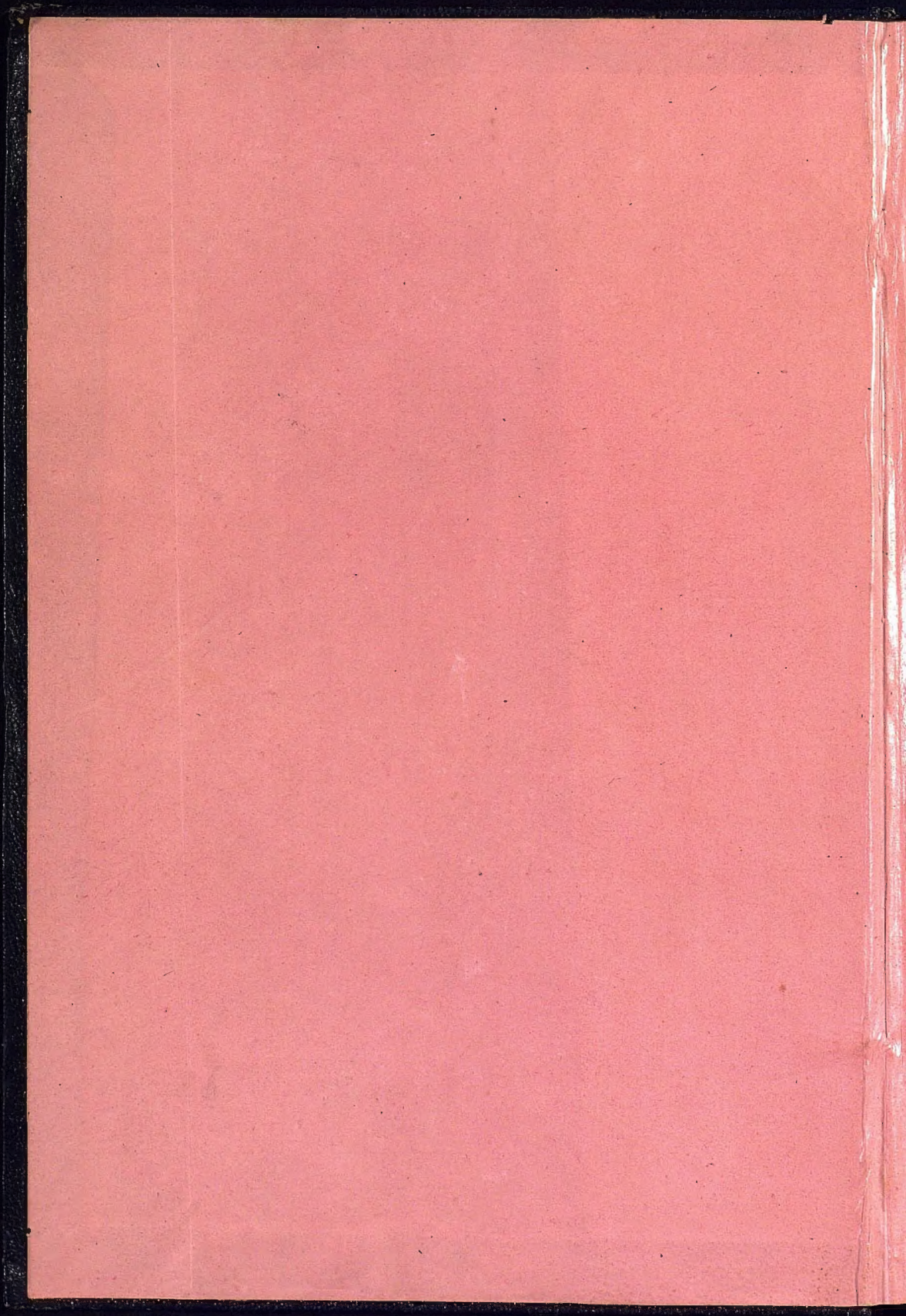

77³
43

443
77
43

7381

77.3
43

О

ВИДАХЪ РУССКИХЪ ГЛАГОЛОВЪ

ВЪ

СИНТАКСИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНИИ.

РАЗСУЖДЕНІЕ,

НАПИСАННОЕ ДЛЯ ПОЛУЧЕНІЯ СТЕПЕНИ МАГИСТРА КАНДИДАТОМЪ

С. Шафрановымъ.

048858

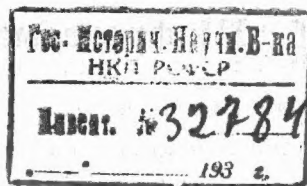
«Non ut solvisse te putes, sed ut securior debeas.»
Seneca. *De beneficiis*. Lib. II. cap. XXXV.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1852.

Печатать по опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Мос-
ковского Университета. Апрѣля 29-го дня, 1852 года.

Секретарь Совѣта Алексѣй Жигаревъ.

Преподавая Русскій языкъ въ теченіи десяти лѣтъ Нѣмецкому юношеству, убѣдился я на самомъ опытѣ, какъ трудно иностранцу уразумѣть особенности Русскаго глагола, по теоріи глагольных видовъ, принятой въ нашихъ грамматикахъ. Самыя основанія этой теоріи такъ шатки, излагаемыя въ ней опредѣленія видовъ такъ общи и самое раздѣленіе ихъ такъ произвольно, а потому измѣнчиво, что, въ примѣненіи къ живой рѣчи, она почти на каждомъ шагу оказывается несостоятельною. Между тѣмъ, по самому роду занимаемой мною должности, не могъ я, при объясненіи значенія и употребленія нашихъ глагольных формъ, ссылаться на факты, представляемые Исторіею нашего языка и другими Славянскими нарѣчіями; но долженъ былъ ограничиваться средствами, которыя можно получить, не выходя изъ круга предметовъ, преподаваемыхъ въ Гимназіяхъ Прибалтійскихъ губерній.

Нѣмецкій глаголъ представляетъ слишкомъ мало точекъ сближенія съ Русскимъ, и необходимо было прибѣгать къ помощи одного изъ древнихъ классическихъ языковъ, изучаемыхъ такъ тщательно въ тѣхъ Гимназіяхъ. Греческій языкъ въ этомъ отношеніи можетъ оказать наибольшія услуги, по самой родствен-

ности возрѣній у Русскаго народа съ древними Греками на разныя свойства дѣйствія и существеннѣйшіе моменты въ его совершеніи. На это соотвѣтствіе такъ называемыхъ видовъ глагола въ Славянскихъ языкахъ Греческимъ формамъ спряженія указывалъ еще Копитаръ (Грам. Краин. нарѣчія. стр. 306—307) и потомъ Гриммъ (Предисл. къ Сербской Грам. Вука С. К. стр. I.). Въ подлежащемъ сочиненіи разсмотрѣно значительное число точекъ соприкосновенія (по значенію) между Греческими и Русскими формами спряженія, которыми въ обоихъ языкахъ съ художническою вѣрностію уловлены и отмѣчены всѣ тончайшія черты дѣйствія. Этотъ предметъ заслуживаетъ обширнаго, всесторонняго изученія и подробнѣйшаго изложенія, нежели какое позволяли предѣлы этого Разсужденія. Новость же опыта да послужить Автору извиненіемъ въ не маломъ, вѣроятно, количествѣ недосмотровъ, которые впрочемъ едва ли могутъ измѣнить сущность дѣла или уронить основную мысль Разсужденія.

I.

«In der Etymologie als Formenlehre. . . es wäre falsch, was die Sprache vereinigt, trennen, was sie getrennt, vereinigen zu wollen.»

(Pott's Etymologische Forschungen.
2г. В. S. 370).

Мелетій Смотрицкій* въ числѣ послѣдующихъ глаголу (т. е. его принадлежностей) различаетъ *начертаніе* и *видъ*.

Начертаніе *отъ* находитъ въ глаголахъ тройкое: 1) *простое* напр. емлю, 2) *сложенное* приемолю и 3) *пресложенное* восприемолю.

По виду глаголы делятся у него на два разряда: 1) *Первообразные* (иначе *совершенные*) напр. чту, 2) *производные*, подразделяющіеся на а) *начинательные* каменью, трезвю, б) *учащительные* читаю, ставаю (?).

Времена спряженія производятся отъ всѣхъ трехъ темъ глаголовъ: 1) первообразныхъ, 2) производныхъ учащательныхъ (а не начинательныхъ), 3) сложенныхъ. Временъ шесть:

* Грамматика. Москва 1648. стр. рѣг и слѣдующія.

1. Настоящее: а) первообразное *бію, чту*, б) учащательное *бію, читаю*.

2. Преходящее (imperfect) *бихъ, чтохъ*.

3. Прешедшее (perfect) *біяхъ, читяхъ*.

4. Мимошедшее, имъ же древле совершенно прешедшее дѣйство или страданіе знаменуемъ (слѣд. plusquamperfect) *біахъ, читаахъ*.

5. Непредѣльное, имъ же вмаѣ совершенно прошлое дѣйство или страданіе знаменуемъ (слѣд. аористъ) *побихъ, прочтохъ*.

6. Будущее *побію, прочту*.

«Будущее (стр. сѣ) глаголъ всяческихъ составляется «тожде съ настоящимъ, развѣ наращенія суще. Нараченіе же будущаго, ови предлози бывати обыкоша: *у, изъ или сѣ, в, со, на, о, по, при, за, вос, рас*. Излѣ: Суть «нѣкіи глаголы, ихже будущее самосоставно имуть: *яко, плюю, плюну, дышу, дхну* и проч. со всѣми своими «сложными» (1)

Значить въ Церковно-Славянскомъ спряженіи, по Смотрицкому, первообразная тема глагола проявляется въ двухъ временахъ: 1) настоящимъ первообразномъ, — *бію, чту*, 2) въ преходящемъ, — *бихъ, чтохъ*. Отъ производной — учащательной темы глагола составляются три времени его спряженія: 1) настоящее учащательное, *бію, читаю*, 2) прешедшее, *біяхъ, читяхъ*, 3) мимошедшее, *біахъ, читаахъ*. 3-я тема глагола, сложенная, даетъ отъ себя въ спряженіе два времени: 1) непредѣльное, *побихъ, прочтохъ* и 2) будущее, *побію, прочту*.

«Схематизмъ составленія глаголовъ сложныхъ:

«1. Разбію, 2) разбихъ (значить, преходящее и вмѣстѣ непредѣльное), 3) разбіяхъ, 4) разбіахъ, 5) разбію.

« *Увѣщеніе* (стр. рѣх). — Сложеніе глаголовъ пошеже отъ «вида производна учащательна быти обыче, за се и сло-
«женіи глагола отсюду, сі есть, отъ настоящаго времени
«вида учащательна скланяеми быти начинаютъ, непредѣль-
«ное и будущее отъ совершенныхъ (т. е. первообразныхъ)
«заемлюще».

Ломоносовъ,* положивъ въ основаніе дѣленію глаголовъ въ Русскомъ языкѣ (относительно къ числу ихъ временъ) также ихъ несложность или сложность, не принявъ отъ Смотрицкаго особенныхъ терминовъ, для означенія разныхъ темъ глагола, входящихъ въ его спряженіе.** Въ спряженіи нашемъ нашель онъ десять временъ, въ томъ числѣ два, сложенныхъ съ предлогами:

1. Настоящее: *трясу, глотаю, бросаю, плещу.*
2. Прошедшее неопредѣленное: *трясъ, глоталъ, бросаь, плескаь.*
3. Прошедшее однократное: *тряхнулъ, глотулъ, бросилъ, плеснулъ.*
4. Давнопрошедшее 1-е: *тряхивалъ, брасывалъ* и пр.
5. Давнопрошедшее 2-е: *бывало трясъ* и пр.
6. Давнопрошедшее 3-е: *бывало трясывалъ* и пр.

* Россійская Грамматика. Спб. 1755. стр. 105 и слѣдующія.

** Впрочемъ и Ломоносовъ выставилъ сложенные времена на отлѣтъ, первообразныя же не отличилъ отъ производныхъ — учащательныхъ, вѣроятно, потому, что учащательная тема въ настоящемъ времени у насъ или неупотребительна, какъ напр. *бѣлю*, или производность ея забыта, какъ напр. въ формахъ: *читаю, читалъ*. Можетъ также быть, что смѣшеніемъ глагольныхъ темъ Ломоносовъ имѣлъ въ виду показать ихъ подчиненную должность въ спряженіи и отсутствіе въ нихъ самостоятельности, по которой они могли бы стать въ ряды полноправныхъ глаголовъ (Ломон. Грамматика § 279).

7. Будущее неопредѣленное: *дуду трлети, стану бросать* и пр.

8. Будущее однократное: *тряхну, гложу, брошу, плесну*.

9. Прошедшее совершенное: *написалъ отъ тишу*.

10. Будущее совершенное: *напишу*.

Значить, кромѣ цовой терминологіи, по которой Смотрицкаго преходящее равно прошедшему неопредѣленно-му, мимошедшее давнопрошедшему 1-му, непредѣльное прошедшему совершенному, будущее будущему совершенному, у Ломоносова составъ спряженія отличается тѣмъ, что въ него не приняты приводимыя Смотрицкимъ формы: 1) настоящее учащательное, 2) прошедшее (которыхъ и дѣйствительно въ Русскомъ языкѣ не существуетъ), и введены: 1) прошедшее однократное, 2) будущее неопредѣленное, 3) будущее однократное и наконецъ 4 и 5) давнопрошедшія 2-е и 3-е.

Эти два послѣднія въ спряженіи, конечно, совершенно излишни, и хотя Ломоносовъ находитъ между своими тремя давнопрошедшими то различіе, что одно изъ нихъ старѣе другаго; но на самомъ дѣлѣ второе его давнопрошедшее по значенію совершенно тождественно съ первымъ, а третье есть плеоназмъ, допускаемый развѣ только по небрежности. Самое названіе той формы *давнопрошедшимъ* нельзя признать вполне удачнымъ: Ломоносовъ не указалъ различія по значенію между формами прошедшаго неопредѣленного и давнопрошедшаго, кромѣ развѣ давности, будто бы выражаемой въ этой послѣдней. Но въ связи рѣчи ей можетъ предшествовать любая изъ формъ прошедшаго и тѣмъ самымъ уничтожать понятіе о давности, напр.: *прежде жилъ онъ въ деревнѣ и занимался хозяйствомъ, но въ прошломъ году переселился въ*

Москву, купилъ себѣ домъ, не далеко отъ моего и часто ко мнѣ хаживалъ.

Форму прошедшаго неопредѣленнаго Ломоносовъ и называлъ весьма счастливо и объяснилъ очень точно: «Прошедшее неопредѣленное время (§ 264) заключаетъ въ себѣ нѣкоторое дѣяніе продолженіе или учащеніе и значить иногда дѣло совершенное: Гомеръ писалъ о гнѣвѣ Ахиллесовѣ: иногда несовершенное; онъ тогда ко мнѣ пришелъ, какъ я писалъ.» Въ послѣдующихъ Грамматикахъ употребляли этотъ терминъ (неопредѣленный) столь неразборчиво, что теперь онъ совсѣмъ обезличился.

Предложныя формы спряженія простыхъ глаголовъ (формы совершеннаго дѣйствія въ прошедш. и будущемъ времени) Ломоносовъ бѣльшею частію заимствуетъ изъ спряженія глаголовъ сложных (§§. 306. 326. 355. 372), такъ что напр. глаголы: *двигаю* и *привиню*, *хваляю* и *похваляю*, *колю* и *покалываю* у Ломоносова имѣютъ тождезвучныя и тождезначащія формы совершеннаго дѣйствія: *привинулъ*, *привину*; *похвалилъ*, *похвалю*; *поколю*, *покою*.

Противъ этого смѣшенія совершенныхъ формъ въ спряженіи глаголовъ простыхъ съ таковыми же формами глаголовъ сложныхъ наиболѣе вооружались противники Ломоносовскаго спряженія, и не безъ причины. Въ самомъ дѣлѣ можно ли относить форму *привинулъ* къ спряженію глагола *двигаю*, если въ значеніи послѣдняго отнюдь не заключается понятія о направленіи дѣйствія, которое ясно сознается въ формѣ *привинулъ*? Значитъ, *привинулъ* есть форма прошедшаго совершеннаго въ спряженіи такого глагола, которымъ бы означалось тоже самое направленіе дѣйствія, т. е. глагола, сложеннаго съ тѣмъ же самымъ предлогомъ; этотъ глаголъ — *привиню*. Но какой же предлогъ

поможетъ глаголу *двигаю* образовать для себя формы совершеннаго дѣйствія? Переберемъ всѣ предлоги, съ которыми тема (предполагательная) *двигаю* способна соединиться: *в, воз, вы, до, за, на, над, от, по, под, пере, при, про, раз, с*. Всѣ эти предлоги, присоединяясь къ глагольной темѣ *двигаю*, показываютъ лишь различныя направленія движенія, исключая впрочемъ предлога *по*: въ словѣ *подвигаю* лежитъ понятіе лишь объ участвующемъ совершеніи дѣйствія. Но пристальнѣе вдумываясь въ смыслъ формъ: *завдвигалъ, отдвигалъ, выдвигалъ*, мы найдемъ въ каждой изъ нихъ по два значенія: кромѣ разныхъ направленій движенія, принятыхъ за самостоятельныя понятія, предлоги *за, от, вы*, въ сложеніи съ темою *двигаю*, могутъ также означать не болѣе, какъ начало, конецъ и результатъ движенія, такъ что: *завдвигалъ, завдвигаю* могутъ значить: принялся, примусь за двиганье; *отдвигалъ, отдвигаю*, тоже, что: кончилъ или кончу двиганье; *выдвигалъ* — приобрѣлъ себѣ что нибудь посредствомъ двиганья. Начало, конецъ и результатъ этого дѣйствія языкъ не призналъ за особыя, самостоятельныя понятія; для выраженія ихъ не составилъ особыхъ глаголовъ; потому формы тѣ должны быть отнесены къ спряженію глагола *двигаю*, въ качествѣ формъ совершеннаго дѣйствія.

Тѣмъ же самымъ путемъ можно рѣшить, относится ли форма *похваляю* къ спряженію простаго глагола *хвалю*, или сложнаго *похваляю*. Тема *хвалю* способна соединиться съ предлогами: *вы, воз, по*; впрочемъ въ народной рѣчи она мало употребительна и обыкновенно замѣняется другою: *хваливаю*, которая является въ сложеніи съ предлогами: *вы, до, за, на, от, по, под, пере, при, рас* и даетъ такимъ образомъ десять видоизмѣненій одного и того же

понятія, Есть однако формы: *ухвалимъ, ухвало* (т. е. склонилъ, склоню кого нибудь на свою сторону, расточая ему похвалы), которыя, выражая только результатъ дѣйствія, означаемого глаголомъ *хвало*, могутъ быть отнесены къ его спряженію.

Наконецъ форма *покололъ*, изъ спряженія глагола *колю*, хотя тождезвучна съ другою, изъ спряженія глагола *покалываю*, по значеніемъ отъ ней различается, въ чемъ можно убѣдиться, сопоставивъ ихъ напр. такъ: *я покололъ себѣ палецъ; въ правомъ боку у меня начало было покалывать, однако покололо, да и затихло*. Въ первомъ случаѣ говорится объ *результатѣ* дѣйствія единичнаго, во второмъ же объ окончаніи (но безслѣдномъ!) дѣйствія учащательнаго.

Занимаясь изслѣдованіемъ свойствъ Русскаго глагола, на каждомъ почти шагѣ имѣешь поводъ удивляться необычайной ясности воззрѣній въ Русскомъ народѣ, и проиницательности, многообъятности и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтлости его мышленія. Потому-то изученіе логики народа, вполне изложившейся въ языкѣ его, есть пища весьма здоровая для ума, который можетъ почерпнуть надежныя силы въ этомъ неизсякаемомъ источникѣ.

Касательно формъ совершеннаго дѣйствія въ спряженіи простыхъ глаголовъ, есть основаніе думать, что языкъ, для образованія ихъ, прежде гораздо чаще пользовался предлогами; но потомъ, принимая совершеніе дѣйствія за особое понятіе, постоянно создавалъ и продолжаетъ создавать множество глаголовъ полныхъ, присоединяя предлоги къ удлинненнымъ глагольнымъ темамъ, и чрезъ то обозначая разнообразныя пути или способы совершенія дѣйствія. Такъ Ломоносовъ въ Грамматикѣ своей (§§ 307,

373), говоря о глагольныхъ предложныхъ формахъ совершеннаго дѣйствія (безъ формы настоящаго), приводить въ числѣ ихъ слѣдующія, которыя теперь несомнѣнно принадлежать къ числу полныхъ глаголовъ, съ весьма употребительною формою настоящаго :

Возвеселяю, возмoгаю, вскипаю, вспоминаю; выбѣливаю, выкрашиваю, вымуживаю, выпучиваю, выскабливаю, выстрачиваю, высушиваю, выутюживаю, вычеканиваю, вычерпываю; завладѣваю, замарываю, замасливаю, замораживаю, запрягиваю; изгаживаю, издираю, искрашиваю, истолковываю, испоганиваю, истрачиваю, искошаю (Смерть: «Гдѣ кого застапу, — искошаю! Въ пути, на дорогѣ застану, — искошаю!»); *накармливаю, накуриваю, огорчаю, одолжаю, ожесточаю, опаздываю, оспѣдываю, овладѣваю, окольваю, оплмываю, основываю, оголяю, ознобляю, ослабляю; отстряпываю; поспѣваю* (народн. *посѣиваю*), *побарываю, повисаю, погубляю; протолковываю; сосватываю, сыскиваю, смѣиваю, сквашиваю, скорчиваю, скоплю; удавляю, ужаливаю, успокоиваю, утоплю.*

Съ другой стороны нѣкоторыя безпредложныя формы совершеннаго дѣйствія или совсѣмъ вышли теперь изъ употребленія, напр.: *свободилъ; стрѣлю, стрѣмилъ*, или получили значеніе несовершенныхъ, напр. *видѣлъ, вредилъ* (§ 373).

Собственно совершеніе дѣйствія, въ смыслъ perfectum, выражается въ народной рѣчи всего охотѣе страдательнымъ оборотомъ, т. е. переводеніемъ дѣйствія въ состояніе, какъ слѣдствіе окончанія того дѣйствія; но письменная рѣчь наша какъ бы брезгаетъ этимъ способомъ выраженія. Вотъ нѣсколько примѣровъ, гдѣ совершеніе дѣйствія выражено упомянутымъ способомъ, который вполнѣ соотвѣтствуетъ хоть Нѣмецкой напр. формѣ perfectum:

« У меня ли у молодой въ домѣ *убрано*:

Ложки вымыла — во щи *вылила* »

Eine junge Frau, wie ich bin, habe ich im Hause Alles in schöne Ordnung gebracht: Die Löffel hab'ich reingewaschen, und das Spülwasser in die Kohlsuppe gegossen.

— « У дороднаго добра молодца

Много было на службѣ *послужено*:

На печи было въ волю *полежано*,

Съ кнудомъ за свиньями *похожено*;

Много цвѣтнаго платья *поношено*:

По подоконью онучей было *попрошено*;

И сахарнаго куска *поѣдено*:

У ребятъ корокъ *поотымано*.

На добрыхъ коняхъ *пользано*:

На чужія дровни присѣдаючи.

У дороднаго добра молодца

Много было на службѣ *послужено*:

На поварняхъ было *посижено*,

Кусковъ и оглодокъ *попрошено*,

Потихоньку, безъ спросу *потаскано*:

Голликами глаза *повыбиты*;

Ожегомъ плеча *поранены*. »

— Ich stattlicher, braver Junge habe viel dem Vaterlande *gedient*; auf dem Ofen hab'ich nach Herzenslust *gelegen*; hinter den Schweinen bin ich *hergegangen*. Eine Masse buntes Gewand habe ich *getragen*; unter allen Fenstern Lappen *gebettelt*. Auch mit Zuckerbissen habe ich mich *vollgegessen*: kleinen Kindern Brodrinden aus der Hand *gerissen*. Mit flinken Rossen hab' ich wohl *herumgejagt*: auf fremden Schlitten hinten aufsitzend.

Ich stattlicher, braver Junge habe viel dem Vaterlande *gedient*: in allen Küchen habe ich zu sitzen *gepflegt*, allerlei Bissen und Speisereste *erbettelt*, oder in's Geheim, ohne zu bitten, *gemaust*: von Schlägen mit dem Besen hab ich immer blaue Augen, und von Hieben mit der glühenden Ofenkrücke wunde Schultern.

Но наша форма совершеннаго дѣйствія въ дѣйствитель-

номъ залогъ, не можетъ быть выдержана Нѣмецкою формою perfectum.

«Неправдива малина: сказывала,
Будто цвѣсти не будешь:
Зеленаго листика не *пустишь*,
Алаго цвѣтика не *выцвѣтишь*.
Какъ *пришла* та пора, —
Малинушка *расцвѣла*:
Зелены листики *пустила*,
Алы цвѣты *расцвѣтила*.
Не правдива (нѣркъ): сказывала:
«За мужъ не *пойду*, не *подумаю*!»
Какъ *пришла* та пора,
N. N. за мужъ *пошла*.»

— Du hast dich verstellt, o Himbeerstrauch, da du sagtest, niemals werdest du blühen, kein grünes Blättchen treiben, kein rothes Blüthchen entfalten. Aber da die Zeit gekommen war, fingst du Himbeerstrauch, zu blühen an: die grünen Blättchen hast du *getrieben*, und die rothen Blüthchen *entfaltet*. Sie hat sich verstellt, unsere N. N., da sie sagte: «heirathen werde ich nicht, ich will daran nicht denken!» Aber da die Zeit *gekommen* ist, — hat unsere N. N., *geheirathet*.

Шлецеръ, первый, кажется, изъ вмѣшавшихся въ дѣло Русскаго языка иностранцевъ, по извѣстному злоязычю своему, называлъ Грамматику Ломоносова *жалкою* (eine elende Grammatik); но унижалъ ее, вѣроятно, съ благонамѣренною цѣлю проложить дорогу своей собственной, не увидавшей впрочемъ свѣта, Конштаръ также возставалъ противъ совмѣщенія нѣсколькихъ темъ въ одно спряженіе и называлъ это путаницею (eine Verwirrung). Подобное же мнѣніе высказалъ и Фатеръ*. Вотъ слова его въ Русскомъ

* Въ Предисловіи къ 1-му изданію Русской Грамматики. Лейпцигъ. 1808.

переводъ: «Въ Русскомъ языкѣ (стр. XXII) обыкновенно «отъ одного корня идутъ многіе глаголы, каждый съ своимъ временемъ: настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ; «съ повелительнымъ и неокончательнымъ наклоненіями, «причастіями и дѣспричастіями. Пытались соединить эти «разные глаголы; скучивая (*zusammenwerfend*) ихъ въ «однѣ; но, конечно, *движу* не находится въ непосредственной связи (?) съ *двигаю*, и по формѣ не имѣетъ къ «нему никакого отношенія, и тѣмъ менѣе къ *движемъ*, формѣ, признаваемой во всѣхъ Грамматикахъ за страдательное причастіе (?). Первая форма (*движу*) идетъ отъ *движу*, а послѣдняя отъ *движу* (?) и обѣ суть точно также «формы настоящаго, какъ и *двигаю*; хотя *движу* въ языкѣ «(шутка сказать!) имѣетъ значеніе будущаго, а *движу* уже «(?) вышла изъ употребленія.»

Въ собственной Грамматикѣ * Авторъ не только удержалъ столь гонимое теперь *давнопрошедшее*, но еще значительно обогатилъ эту форму примѣрами, какъ: *дрывалъ* (отъ *орю*), *стильвалъ* (стр. 93), даже *движиванный* (Tab. VII), чего не найти у Ломоносова. Подобно тому и въ глаголь *быть*. Фатеръ находитъ два настоящихъ: *есмы* и *бываю* (*mit ausdrücklicher Bezeichnung der Dauer (?)*), два прошедшихъ: *быль* и *бывалъ*, и давнопрошедшее: *бывывалъ* (?).

Но обогативши съ этой стороны Русское спряженіе, Авторъ вздумалъ сильно потревожить его съ другой. Изъ совершенныхъ формъ прошедшаго и будущаго (какъ было у Ломоносова) онъ сотворилъ *было* глаголы подъ именемъ: *verba für die völlig (?) vollendete Handlung*, а потому

* Praktische Grammatik der Russischen Sprache in bequemen und vollständigen Tabellen, v. I. S. Vater. Leipzig. 1814. 2-te Aufl.

переводилъ: *я сдвинулъ ich habe völlig bewegt; я укололъ ich habe völlig zerstoehen (?)*.

Подобно тому изъ Ломоносовскихъ однократныхъ временъ Фатеръ составилъ *было* особое спряженіе, признавъ въ формѣ будущаго на *ну* извѣстность, неопредѣленность дѣйствія: *когда ich werde gewiss (?) stechen*. Между тѣмъ какъ эта форма не гнушается у насъ и сосѣдствомъ съ *авось*.

Открывъ такимъ образомъ цѣлыя полки безголовыхъ глаголовъ, нигдѣ въ свѣтъ дотолъ невиданныхъ, Фатеръ изложилъ свое *практическое* объ Русскомъ глаголѣ ученіе на 122 страницахъ, въ 16 отдѣлахъ, съ 14 таблицами, по которымъ спрягающійся глаголъ обязанъ скакать изъ одной въ другую, изъ пятой въ десятую. Тутъ, кромѣ несмѣтнаго числа правилъ, помѣщено семьдесятъ семь (сочтено) однихъ примѣчаній, не считая замѣтокъ, исключеній, списковъ уклоняющихся словъ и т. п. Авторъ, какъ бы ужаснувшись мукъ, изготовленныхъ имъ учащемуся юношеству, подъ конецъ самъ отрекся отъ своихъ нововведеній, сперва не охотно (2), но потомъ великодушно рѣшился принять всѣ 10 временъ Ломоносовскаго спряженія, въ томъ числѣ даже и всѣ три давнопрошедшихъ, хотя 2-е и 3-е изъ нихъ справедливо отвергнуты были еще Академическою Грамматикою*.

Черезъ два года послѣ перваго изданія вышеупомянутой Грамматики явилась въ свѣтъ Грамматика Ав. Вильг. Таппе**, еще разъ (а считая съ Мелетія Смотрицкаго, это будетъ уже въ третій разъ) открывшаго въ Русскомъ гла-

* Россійская Грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою Академіею. Спб. 1802. § 213. Примѣч.

** Theoretisch-Praktische Grammatik. v. D. A. W. Tappe. S.-Petersb. 1810.

голь *виды*; два таковыхъ (однократный и совершенный) мы видѣли уже у Фатера; но Таппе увѣряетъ (§ 103, 5-го изданія), что онъ и до этихъ самъ дошелъ, да еще до двухъ, совершенно новыхъ: *неопредѣленнаго* и *унащательнаго*. Что въ то время за *границей* чувствовали сильную потребность въ разъятіи нашего спряженія, свидѣлствуютъ приведенныя въ Грамматикѣ Таппе слова Якоба изъ его Всеобщей Грамматики со стр. 187: «Четыре различныя формы неопредѣленнаго наклоненія настоящаго времени (?) въ Русскомъ языкѣ выражаютъ совсѣмъ не различія времени, а лишь постороннія (?) обстоятельства дѣйствія.... Въ системѣ Русскаго спряженія было бы гораздо болѣе ясности, еслибы различныя глаголы (?) отдѣлили другъ отъ друга и разъединили формы, выражающія не время, а постороннія лишь обстоятельства.»

Таппе думаетъ оправдаться въ учиненной имъ диссекціи Русскаго спряженія вышеприведенными словами извѣстнаго ученаго Германца, но мы сей часъ увидимъ, сколько въ нихъ самихъ есть правды. Якобъ говоритъ, что въ Русскихъ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ не содержится собственно никакого опредѣленія времени (но вѣдь за то, между прочимъ, они и названы неопредѣленными), а передъ тѣмъ отнесъ всѣ четыре формы ихъ къ настоящему времени. Изъ этихъ двухъ взаимно противорѣчащихъ положеній одно непременно ложно, и ложно послѣднее. У насъ никогда не бывало четырехъ формъ для настоящаго времени неопредѣленнаго наклоненія, которому и вообще нѣтъ дѣла до опредѣленія времени. Удивительно лишь, какъ ученому Якобу неизвѣстна была доказанная еще въ концѣ прошлаго столѣтія Вольфомъ истина, что отнюдь не всѣ формы спряженія опредѣляютъ время, но поло-

вина изъ нихъ означаетъ разные отдѣлы самого дѣйствія, въ его поступательномъ движеніи къ совершенію. Про неопредѣленное же наклоненіе Вольфъ училъ*: «Неопредѣленное наклоненіе выражаетъ не время, а только различіе дѣйствія» и проч.

Переворотъ, который заграничные люди замыслили про- известъ въ Русской Грамматикѣ, нашелъ и у насъ сильное со- чувствіе. Въ пользу его отозвался усердный голосъ извѣ- стнаго нашего ученаго, Профессора А. Болдырева. Въ Тру- дахъ Общества Любителей Россійской Словесности помѣще- ны были: «Разсужденіе о средствахъ исправить ошибки въ глаголь,» А. Болдырева (1812 г. Часть 2-я и 3-я); по- томъ возраженіе на это Разсужденіе отъ неизвѣстнаго ли- ца, вмѣстѣ съ отвѣтомъ А. Болдырева (1816 г. Ч. 6-я), и наконецъ примѣчанія на то же самое Разсужденіе отъ лица А. М. Б. (1819 г. Ч. 15-я). Противники А. Бол- дырева, разрушавшаго Ломоносовское спряженіе, надѣ- лали въ свою очередь не мало важныхъ промаховъ, и тѣмъ, можетъ быть, уронили то, что взяли было под- держивать. Не распространяясь здѣсь объ ихъ промахавъ, я не преминую однако воспользоваться ихъ дѣльными замѣчаніями.

* Fr. Aug. Wolff's Encyclopädie der Philologie, nach dessen Vorlesun- gen vom Jahre 1798—1799, herausgegeben von Stockmann. Leip- zig. 1831.

Сюда же можно отнести замѣчаніе Вильгельма фонъ Гумбольд- та (Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues. Berlin. 1836. стр. 263).

«Глаголь есть совокупленіе дѣйствующаго прилагательнаго («des energischen Attributivum's»), а не просто только качествен- наго, съ понятіемъ глагола *быть*. Въ дѣйствующемъ прила- гательномъ выражается степень дѣйствія (Stadium der Hand- lung), а въ глаголь *быть* степень времени.»

А. Болдыревъ, рѣшившись *исправить ошибки въ глаголы* (предпріятіе, если понимать его буквально, право, весьма странное!), разбираетъ Русское спряженіе, какъ оно изложено въ Академической Грамматикѣ (1802 г.), и дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

«1. Очень мало найдется глаголовъ, которые бы имѣли «всѣ восемь временъ, назначенныхъ Академическою Грамматикою; число недостаточныхъ чрезвычайно велико. «Мы находимъ множество глаголовъ, которые не имѣютъ «давнопрошедшаго (*поражать, страдать, влинуть, дорожить, гибнуть, выглядывать, свидѣтельствовать* и пр.), «или прошедшаго и будущаго однократнаго (*знать, дѣлать, беречь, стряпать, думать, прятать* и проч.), или «прошедшаго и будущаго совершеннаго (*разжигивать, здравствовать, бывать, быть, существовать* и пр.), или «настоящаго (*нагуляться, наблѣяться, наемотрѣться, заснуть, прорыдать* и пр.), или вдругъ многихъ временъ «(*имѣть, ожидать, журчать, вѣсть, цѣлсти, ржать* и пр.).»

Разберу приведенные Авторомъ глаголы и посмотрю: имѣютъ ли они, или не имѣютъ, и, въ такомъ случаѣ, почему не имѣютъ тѣхъ или другихъ формъ Ломоносовскаго спряженія.

— Давнопрошедшаго времени не могутъ имѣть: *влинуть, гибнуть* (укажу еще: *тонуть*) потому, что эти дѣйствія могутъ быть мыслимы не иначе, какъ единичныя; всякій предметъ, разъ *увядшій, погибшій, утонувшій*, уже не имѣетъ возможности повторить надъ собою это дѣйствіе, по народной пословицѣ: двухъ смертей не бываетъ, а одной не миновать. Глаголы: *поражать, выглядывать, страдать* не имѣютъ той формы потому, что содержать ея характеръ и отчасти ея значеніе въ самомъ своемъ

составъ; и притомъ такая форма, какъ *выглядывалъ*, не безопасна для цѣлости уха. У глаголовъ: *дорожить*, *свидѣтельствовать* недостаетъ той формы, какъ и у многихъ другихъ отрицательныхъ глаголовъ; подобно тому у Греческихъ отрицательныхъ недостаетъ формъ спряженія, стоящихъ въ связи съ краткою темою.

— Форма прошедшаго и будущаго однократнаго не имѣютъ глаголы: *дѣлать*, *беречь*, *стряпать*, потому что такія занятія и множество другихъ, имъ подобныхъ, въ одинъ мигъ исполнены быть не могутъ. Глаголы *знать*, *думать* означаютъ дѣятельность, исключительно умственную, которая не всегда можетъ быть подведена подъ мѣрку дѣйствій объективныхъ, наглядныхъ: въ отношеніи къ духу съ одной стороны мигъ и вѣкъ можно принимать за понятія тождественныя; съ другой же стороны душевная дѣятельность есть нѣчто непрерывное, именно то *perpetuum mobile*, котораго искали вездѣ, не справившись прежде у себя въ головѣ.

— Времена прошедшее и будущее совершенныя у глаголовъ: *бывать* и *быть* есть; у перваго: *побывалъ*, *перебывалъ*; *побываю*, *перебываю*; у втораго: *побылъ*, *побуду*. Глаголь *расхаживать*, принятый въ извѣстномъ смыслѣ, тѣ времена имѣть можетъ, напр. *я расхаживалъ*, *расхажую себя сапоги*, то есть такъ, что они сдѣлались или сдѣлаются мнѣ просторными. Если же глаголу тому, въ смыслѣ *гулять*, народная логика въ свое время не присудила имѣть тѣхъ формъ, то такъ ему, вѣрно, и придется безъ нихъ остаться; потому что «думаного не передумаешь.» Что касается глаголовъ *здоровствовать* и *существовать*, у которыхъ также недостаетъ совершенныхъ формъ; то, конечно, Русскій народъ объ нихъ не подумалъ, и очень естест-

вещно: кто же захочет *перестать здравствовать*, и тѣмъ менѣе *перестать существовать*!

— Форму настоящаго всякій глаголѣ имѣть долженъ; безъ нея онъ не глаголѣ, а лишь уцѣлѣвшій обломокъ древняго глагола, или непозволительный отрывокъ отъ спряженія. Каждый глаголѣ выражаетъ какое-либо самостоятельное понятіе; понятіе же родится вмѣстѣ съ словомъ, какъ челоуѣкъ съ тѣломъ; мы уже мыслимъ словами. Теперь, всякое глагольное понятіе способно выразиться въ трехъ главныхъ формахъ времени: настоящимъ, прошедшемъ и будущемъ, и непременно имѣеть ихъ такъ или иначе. И хотя первоначально, какъ думаютъ, настоящее и будущее дѣйствіе означались одною и тою же формою; однако едвали можно найти примѣръ въ языкахъ нашей породы, что бы одно прошедшее замѣняло и настоящее и будущее. Конечно въ древнѣйшихъ языкахъ терпятся обломки глаголовъ допамятной формаціи, хотя бы они и могли быть замѣняемы другими, повѣйшими формами; но въ хозяйствѣ живаго языка такихъ развалинъ не можетъ быть много. Въ Греч. языкѣ встрѣчаются одинокія формы *ἔειπτο* (схватилъ, — яль?) *ἐκχεύοντα*; у насъ: не *иметь-ся* *ринулся-ться*, *хлынуть* (срав. хлыстать, хлостать, хлюбовать, хлябь, глубь); больше я у себя не нахожу*. Авторъ не признаетъ кровнаго родства, по спряженію, между формами настоящаго: *засматриваюсь*, *пагуливаюсь*, *засыпаю* и т. д. и формами прошедшаго: *засмотрѣлся*, *пагулялся*, *заснулъ*; но если напр. хотъ Пѣмецъ:

* Востоковъ приводитъ еще: *очнуться*, *хлобыснуть* и *бацнуть*; по эти формы должны быть отнесены къ существующимъ: *очуи-и-ться*, *хлобыстать*, *бацать*.

ich schlief ein есть форма прошедшаго при настоящемъ *ich schlafe ein*: то для какихъ причинъ разводить намъ по разнымъ спряженіямъ *засыпаю* и *заснулъ*?

— Наконецъ Авторъ ставитъ въ вину Грамматикъ и то обстоятельство, что у глаголовъ: *имѣть*, *журчать*, *величь*, *ржать*, *существовать* и пр. недостаетъ вдругъ по нѣскольку формъ. Грамматика въ томъ не виновата, да и языкъ правъ, потому что ему не передъ кѣмъ отвѣчать. Не изъ умозрительныхъ, своихъ личныхъ, началъ долженъ выводить филологъ законы для языка своего, но долженъ самъ подчиняться его логикѣ, логикѣ народа, создавшаго этотъ языкъ. Въ языкъ свой положилъ народъ всю душу свою; онъ весь въ немъ и сердцемъ и мыслию, и всемъ умственнымъ и нравственнымъ существомъ своимъ. Изучать и сознать логику роднаго языка есть высокое наслажденіе; эта логика народа опредѣляетъ и объясняетъ его исторію и настоящее величавое его положеніе.

Понимая значеніе глагола напр. *существовать*, можно ли искать въ его спряженіи формы такъ называемой многократной, или однократной? Возьму еще изъ тѣхъ недостаточныхъ глаголовъ хоть одинъ, *ржать*. По Ломоносовскому спряженію у него недостаетъ трехъ слѣдующихъ формъ: 1) прошед. однократнаго *ржнулъ*, 2) будущаго однократнаго *ржну*, и давнопрошедшаго *рживалъ*. Похвалимъ же свой родной языкъ, что онъ не допустилъ первыхъ двухъ формъ ради самого смысла, а послѣдней — изъ жалости къ слуху!

«2. Въ Грамматикахъ всѣхъ языковъ вычислены глаголы недостаточные, и показано, какихъ временъ недостаетъ въ нихъ; наша не говоритъ объ этомъ ни слова. Какъ же узнать, особливо иностранцу (а еще-то ко-

«му бишь?»), что такой-то глаголъ не имѣеть того или «другаго времени?» Изъ Словаря (отвѣчаю), или, пожалуй, изъ Грамматики, нарочно для иностранцевъ написанной; какъ это и дѣлается въ Греческихъ Грамматикахъ и Словаряхъ. Но для облегченія иностранцевъ все же не слѣдуетъ передѣлывать свое спряженіе на ихъ ладъ; языкъ, при созданіи спряженія, конечно не имѣлъ въ виду удобства его изученія для иностранцевъ.

«3. Мы не найдемъ ни въ одномъ языкѣ того, что бы «одинъ и тотъ же глаголъ имѣлъ 4 неопредѣленныхъ наклоненій, которыя бы не показывали различнаго времени; чтобъ онъ имѣлъ столько же (?) повелительныхъ, «дѣспричастій и причастій. Отъ чего же въ нашемъ языкѣ такая странность?» Такой вопросъ еще не странно было слышать отъ Фатера и Таппе, не появившихъ ни Ломоносова, ни Русскаго языка. Но надобно очень и очень отвыкнуть отъ роднаго языка, чтобъ воображать себѣ такія формы, какъ *двигивай, двигивавъ, и, какъ увидимъ ниже, смол, смоющій, возведущій!*

«4. Въ другихъ языкахъ не видимъ мы примѣра, чтобъ «въ спряженіе простаго глагола входили времена его сложнаго (т. е. здѣсь говорится, вѣроятно, о предложныхъ «формахъ въ спряженіи глаголовъ простыхъ); между тѣмъ «какъ въ нашемъ считается это правиломъ.» Изъ этого слѣдуетъ только, что народъ нашъ, при составленіи себѣ спряженія, слушался только своего царя въ головѣ. Но хорошо бы спросить всѣхъ воздѣлывателей видовъ: по примѣру какого языка накроили они у насъ нѣсколько десятковъ тысячъ глаголовъ безъ формы настоящаго времени, а также изрядное количество жалкихъ глаголовъ съ однимъ только временемъ, да и то давнопрошедшимъ?

«5. Наконецъ, если бы это было особеннымъ свойствомъ Русскаго языка, для чего Грамматика не говоритъ намъ, «отъ какого изъ сложныхъ (т. е. съ помощію какого предлога и пр.) простой глаголъ долженъ заимствовать до-полнительныя свои времена?» Такъ слѣдовало бы помочь Грамматикѣ посильными разысканіями; хотя это труднѣе, но за то полезнѣе, чѣмъ своенравныя теоріи.

Послѣ этого Проф. Болдыревъ предлагаетъ свою теорію Русскаго глагола, которая оказалась тою же самою, какую мы видѣли сперва у Фатера, потомъ сейчасъ увидимъ у Таппе и т. д. Это сходство объясняетъ Авторъ тѣмъ, что въ бытность свою въ Германіи, имѣлъ онъ переписку объ Русскихъ глаголахъ съ Фатеромъ, сочинявшимъ тогда Русскую Грамматику, и что оба они, «стараясь открыть истину, открыли ее въ одно время (ч. 6-я стр. 114).» Мы не можемъ обойти молчаніемъ доказательствъ Автора, касательно глагольной полноправности формъ спряженія на *ывалъ* и *нулъ*. Но прежде приведу нѣкоторые изъ опроверженій, представленныхъ его противниками.

А. М. Б. такъ отзывается объ теоріи глаголовъ Болдырева: «Желая распутать глаголы, Авторъ не раздѣляетъ ихъ, «но раздробляетъ: раздробляетъ и дѣйствія. Предложенный имъ способъ отнимаетъ у однихъ глаголовъ настоящее, у «другихъ прошедшее и будущее время.» Доказывая принадлежность къ одному спряженію формъ *дую*, *дунулъ* и *подулъ*, неизвѣстный Авторъ сравниваетъ ихъ съ Французскими формами спряженія: «Онъ *дуетъ* ему въ лицо *il lui souffle au visage*; онъ *дунулъ* ему въ лицо *il lui souffla au visage*; прохладный вѣтеръ *подулъ* un vent frais souffla. Французское *il commença á souffler*, какъ и Русское *началъ дуть* «не выразило бы настоящей мысли; ибо можно было бы

«понять, что вѣтеръ началъ дуть по временамъ, а не сряду». Незвѣстный, отвергая новую теорію глаголовъ, выражается такъ: «По новой теоріи (ч. 6-я стр. 111) «попытаемъ перевести хоть слѣдующую бездѣлицу: *multi faciebant periculum in rebus Grammaticis, pauci vero periculum faustum fecerunt: faciebant* будетъ значить глаголъ *дѣлать*, «а *fecerunt* другой — *сдѣлать*; но въ Латинскомъ одинъ и тотъ же глаголъ. Разница чрезвычайная и удивительная!...» Это довольно ловко и мѣтко. Но вотъ что напр. ужъ крайне не ловко (тамъ же стр. 106):

«Производныя слова обыкновенно перемѣняютъ значеніе, напр. *день*, *деньщикъ*, но глаголы *колотъ* и *колнуть* удер-живаются одно и то же (До сихъ поръ очень хорошо, «но потомъ...»). Глаголы показываютъ дѣйствіе, какъ прилагательныя свойство: но перемѣняется ли *добрый*, когда «говоримъ *лучше*? Здѣсь разность состоитъ въ *степени* «одного и того же свойства.... Въ глаголахъ *хлопать* и «*хлопнуть*, *рубить* и *срубить*, такая же *постепенность* дѣй-«ствія, какая постепенность свойства въ уравненіяхъ: *бѣлъ*, «*бѣленекъ*, *бѣлехонекъ*». Это неудачное сравненіе А. Болды-ревъ не упустилъ обратить въ свою пользу: «Мы знаемъ, «что прилагательная *бѣлъ*, *бѣленекъ* имѣютъ свое сходство «и свое различіе въ свойствахъ; что они должны скло-«няться отдѣльно, слѣд. и глаголы *хлопать* и *хлопнуть*, «*рубить* и *срубить*, имѣя свое сходство и свое различіе въ «дѣйствіи, должны спрягаться особенно, а не вмѣстѣ; а «потому и должны быть отдѣлены другъ отъ друга.»

Кому не извѣстно, что это не ловкое сравненіе глаголь-ныхъ формъ съ степенями именъ прилагательныхъ, пред-ложенное какимъ то неизвѣстнымъ лицомъ, черезъ сорокъ

безъ малаго лѣтъ, явилось снова на свѣтъ, но уже въ видѣ цѣлой системы глагольныхъ степеней!

Болдыревъ такъ доказываетъ самостоятельность глагольной формы *дуютъ* (Ч. 2-я стр. 74). «Глаголь *дуютъ* имѣетъ настоящее *дую*, которое, будучи неупотребительна само по себѣ, служитъ къ составленію сложныхъ глаголовъ, напр. *раздую*, *продую* и пр. Слѣд. онъ не можетъ принадлежать къ спряженію глагола *дуть*, потому что въ одномъ и томъ же спряженіи было бы два настоящихъ времени, а это противъ всѣхъ правилъ». Положимъ, что это было бы противъ правилъ т. е. Грамматикъ Французской и Нѣмецкой; въ Греческомъ же и Русскомъ языкѣ такой избытокъ глагольнаго развитія, въ слѣдствіе полноты жизни самихъ языковъ, иногда встрѣчается. Но я не понимаю, откуда же въ спряженіи глагола *дуть* взялись бы двѣ формы настоящаго, если форма *дую*, какъ говоритъ самъ А. Болдыревъ, неупотребительна, и слѣд. есть не иное что, какъ призракъ. И если ради этого то призрака мы выведемъ изъ спряженія форму прошедшаго на *дуалъ*, и признаемъ ее самостоятельнымъ глаголомъ; то вѣдь тоже самое обязаны мы сдѣлать и съ Греческимъ аористомъ II-мъ напр. *ἔλαβον*, потому что онъ состоитъ въ такой же самой связи съ предполагаемою темою *λάβω*, въ какой нашъ аористъ *дуалъ* съ своею идеальною темою *дую*.

Равноправность глагольныхъ формъ (какъ глаголовъ, равно самостоятельныхъ) *дую* и *душу* доказываетъ Авторъ тѣмъ, что послѣдняя одинаково съ первою: «1) всегда кончится на *у* или на *ю*, напр. *везу*, *дерю*, 2) во всѣхъ случаяхъ подвергается одинакимъ измѣненіямъ, напр.

«везу, везешь; беру, берешь и пр. 3) повелительное наклонение выражается одинакимъ образомъ, напр. беру, бери; толкну, толкни.» Но какъ же можно было ожидать для двухъ этихъ формъ особаго окончанія и особой флексіи, если, какъ самъ Авторъ увѣряетъ (стр. 39), первоначально языкъ не различалъ будущаго дѣйствія отъ настоящаго? Если филологъ не хочетъ внимать голосу самаго языка, очень ясно уже различающаго теперь въ тѣхъ двухъ формахъ, въ одной дѣйствіе настоящее, въ другой предстоящее; то родственное намъ во многихъ отношеніяхъ спряженіе Греческое можетъ подать голосъ въ защиту Русскаго. Тамъ форма будущаго $\tau\acute{\upsilon}\psi\omega$ и оканчивается и спрягается точь въ точь какъ форма настоящаго $\tau\acute{\upsilon}\lambda\tau\omega$, что однако не мѣшаетъ одной изъ этихъ формъ слыть будущей, а другой настоящей.

Какъ скоро мы захотимъ выбрасывать изъ спряженія всѣ формы, образованныя аналогически съ другими формами того же спряженія, тогда придется и Греческое спряженіе разсѣчь на три (какъ это и происходитъ кое-кому въ голову, а надъ нашимъ учинено уже и на самомъ дѣлѣ); потому что тамъ еще imperfect. соответствуетъ и окончаніемъ и флексіею аористу II-му, а perfectum аористу I-му (исключ. 3 л. множ. ч.), не упоминая уже о будущемъ II-мъ и perfect. II. Но Авторъ до того проникся идеей о тождествѣ *дуну* и *дую*, что и самую форму настоящаго напр. *дѣлаю* называетъ уже не настоящей, а *изъявительною неопредѣленною*, вѣроятно опасаясь, что эта форма *дѣлаю* каждую минуту можетъ получить значеніе будущаго времени. Правда, что нашими глагольными формами: *вело*, *жсню*, *казню* равно означаетъ дѣйствіе будущее, какъ и настоящее, но этими немногими примѣ-

рами языкъ не уполномочиваетъ еще филолога не различать этихъ двухъ формъ и во всѣхъ другихъ глаголахъ. Греческій языкъ и тутъ становится на сторону Русскаго. Въ немъ напр. форма будущаго *τίομαι* употребляется и въ значеніи настоящей, точно также *ἔδω*—*ἔδομαι* и н. др.

Перехожу къ мнѣнію Болдырева о предложныхъ глагольныхъ формахъ спряженія. Авторъ считаетъ совершенно одинаковыми тождезвучныя глагольныя формы въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *онъ проноситъ картину мимо меня* и *онъ проноситъ еще домо свое платье*, а также между: *ты походишь на отца* и *ты походишь по роцъ*; и заключаетъ такъ (стр. 37): «Извѣстно, что во всѣхъ языкахъ, какъ скоро къ настоящему времени простаго глагола прибавить частицу, перемѣняющую его въ глаголь «сложный, то время не перемѣняется, напр. *λέγω*, *συλλέγω*; «*voco*, *advoco*, *convoco*» и пр. Какое же изъ этого должно вывести заключеніе? Конечно то, что и въ Русскомъ языкѣ, при переведеніи простаго глагола въ сложный, время тоже не перемѣняется, а потому *συλλέγω* значить *собираю*, а не *соберу*, и *advoco*, *convoco* значать *призываю*, *созываю*, а не *призову*, *созаву*. Отсюда строго логически вытекаютъ слѣдующія два заключенія: 1) Въ Русскомъ языкѣ, какъ скоро глагольное понятіе должно видонзмѣниться, то предлогъ прилагается не къ краткой темъ, а къ удлиненной. 2) Если же предлогъ приложенъ не къ удлиненной темъ, а *лишь* къ краткой, значить онъ глагольнаго понятія не видонзмѣнилъ, а помогъ лишь тому кратко-начальному глаголу составить себѣ ту или другую форму спряженія. Но Болдыревъ выводитъ изъ того же положенія совершенно неожиданное заключеніе: «Равнымъ образомъ и въ Русскомъ языкѣ формы: *ношу*, *подношу*;

гоию, загоию и пр. должны быть почитаемы одинаковыми формами, то есть формами настоящего времени. И въ самомъ дѣлѣ частица, прибавляемая къ настоящему времени простаго глагола, можетъ только измѣнить нѣкоторымъ образомъ значеніе самого глагола, а *не имѣетъ и не должна имѣть вліянія на перемѣну времени*; и мнѣ кажется, что тотъ сталъ бы тщетно трудиться, кто бы захотѣлъ доказать сему противное.» Подлинно, это былъ бы тщетный трудъ, если и безъ доказательства всякій, говорящій по Русски, знаетъ, что *подношу* есть форма настоящего, а *загоию* форма будущаго времени. Замѣчательно однако, что въ ложности того положенія, будто *«предлогъ не имѣетъ вліянія на перемѣну времени»*, ни кто не сомнѣвается, а между тѣмъ на этомъ самомъ положеніи основанное иностранцами ученіе о *сидахъ* до сихъ поръ у насъ господствуетъ.

Недостаточность повозданныхъ своихъ глаголовъ, имѣющихъ только по два и даже по одному времени, Болдыревъ (стр. 48, Ч. 3-я) оправдываетъ такъ: «Извѣстно, что Арабскій языкъ имѣетъ также двѣ формы времени для глаголовъ,» и потомъ: «Перемѣнятся ли свойства языка отъ того, если мы примемъ (?), что глаголъ нашъ имѣетъ только двѣ формы времени? Притомъ истина должна быть всегда для насъ драгоценна. Не нарушили бы мы ее, когда бы назначили для глаголовъ больше формъ, нежели они подлинно имѣютъ?»

Конечно, пусть Авторъ *«принимаетъ»* для Русскаго спряженія только двѣ формы; отъ этого *«свойства языка ни мало не перемѣнятся»*, и Русскій глаголъ на самомъ дѣлѣ будетъ имѣть такое спряженіе, какое у него есть, и какое ему надобно: но со стороны филолога *«истина»*

все таки «будетъ чрезъ то нарушена», равно какъ и въ томъ случаѣ, если онъ «для глаголовъ назначить больше формъ, нежели они подлинно имѣютъ, какъ это сдѣлалъ Авторъ, придумавъ отъ себя (стр. 44.) новыя и неслыханныя формы: *сморъ, сморющій, настроющій, возведущій*.

Авторъ предлагалъ себѣ еще вопросъ: отъ чего Ломоносовъ, знавшій родной языкъ свой, конечно ужъ не хуже кого другаго, не попалъ на тѣ мысли, которыя изложены въ новой теоріи, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ догадкою, что Ломоносовъ составилъ Русское спряженіе на образецъ Французскаго. На это очень благородно возразилъ ему неизвѣстный рецензентъ (Ч. 6-я, стр. 109): «Ломоносовъ не слегка написалъ правила для языка своего, какъ Фатеръ или Модрю. Грамматика сего, сходная съ Латинскою и Греческою, есть произведеніе трудова цѣлой жизни.»

Но мнѣ должно возвратиться къ Русской Грамматикѣ Нѣмецкаго ученаго Таппе, бывшаго некоторое время преподавателемъ Религіи и Философіи въ Дерптскомъ Университетѣ. Онъ-то первый имѣлъ силу и счастье произвести въ ученіи о Русскомъ глаголѣ переворотъ, котораго столь желали иностранные люди. Впрочемъ и у насъ нововведенія Таппе приняты, какъ онъ самъ откровенно свидѣтельствуетъ, со всеобщимъ одобреніемъ: «Почти каждаый годъ (стр. III) требовалось новое, значительное изданіе.... примѣръ дотолѣ неслыханный на Сѣверѣ. Да! Отъ Кавказа до Балтійскаго моря, отъ Торнео до Германіи всѣ благодарили меня письменно и устно, и даже трогательно увѣряли, что....»

Но какъ теперь рѣдко кто заглянетъ въ Грамматику Таппе, изъ которой въ свое время повыбрали все, что

кому было нужно, безъ всякихъ впрочемъ особенныхъ увѣреній; то мнѣ необходимо изложить собственные доводы Таппе о необходимости его нововведенія, вотъ они: 1) «приводимыя (Ломоносовымъ) формы прошедшаго времени не соотвѣтствуютъ Латинскимъ imperfectum, perfectum, plusquamperfectum.» Но соотвѣтствуютъ ли имъ напр. Греческіе аористы? И если, въ угожденіе Латинской Грамматикѣ, никто не выгонялъ ихъ изъ Греческаго спряженія и не кроилъ себѣ изъ нихъ небывалыхъ глаголовъ; то за чѣмъ же позволять себѣ такъ самонравно распоряжаться въ Русскомъ языкѣ? 2) «Формы тѣ, говоритъ Таппе въ § 102, «суть самостоятельные глаголы, потому что имѣютъ разныя окончанія и значенія.» Разныя окончанія имѣ и слѣдуетъ имѣть, иначе всѣ онѣ слились бы въ одну, какова наприм. Нѣмецкая *stechen*, которая одна отвѣчаетъ за нашихъ три, или, пожалуй, четыре. У насъ схвачено дѣйствіе во всѣхъ точкахъ его совершенія: *колоть*, *колоту*, *уколотъ*, *калывать*; у Нѣмцевъ же все *stechen* да *stechen*. И Таппе, никакъ не могли сойти съ Нѣмецкой, исключительно *субъективной* (*gestochen haben*) точки зрѣнія, распласталъ одно наше спряженіе на четыре; и домовитый глаголъ нашъ очутился такимъ же бобылемъ, какъ Нѣмецкій, или еще бѣднѣе (3). Теперь о разности значенія, которую видитъ Таппе въ 3-хъ или 4-хъ формахъ нашего неопредѣленнаго склоненія. Если подъ значеніемъ слова разумѣть не только *понятіе*, содержащееся въ коренной его темѣ, но и *отношеніе*, выражаемое его разными суффиксами, то между тѣми четырьмя формами конечно будетъ разница въ значеніи вообще, но лишь по *отношенію*, а не по самому *понятію*, которое постоянно во всѣхъ ихъ одно и то же, и ни на волосъ ни

убавилось, ни прибавилось противъ основной темы (колоть). Якобу, Фатеру и Таппе видятся въ тѣхъ формахъ какія-то Nebenbedeutungen — *побочныя значенія*: Нѣмцамъ еще простительно въ Русскомъ языкѣ видѣть небывалое, и не видѣть того, что само въ глаза мечется; но къ какой стати Русскіе учебники, съ голосу тѣхъ иностранцевъ, пошли твердить то же самое! Спросимъ ихъ: развѣ есть, и развѣ смѣютъ быть въ склоненіи или въ спряженіи хоть двѣ формы, одинаковыя по значенію? Каждой бываетъ поручено свое дѣло, и между формами: *колоть, колынуть, калывать* разница въ значеніи не Лексикографическая, а только Синтаксическая. Другое дѣло, если сопоставить такія формы: *колоть, выкалывать, закалать* и пр. Здѣсь каждый предлогъ (а не окончаніе, какъ думаетъ Таппе) видоизмѣнилъ понятіе, содержащееся въ первообразной формѣ глагола, и чрезъ то получили тѣ сложныя глагольныя формы право на мѣсто въ ряду глаголовъ полныхъ, самостоятельныхъ. Но пусть растолкуетъ это какой нибудь извѣстный Западный Филологъ, — ему непременно повѣрять. Вотъ что говоритъ Поттъ:*

«Многіе позабыли важное различіе между *производствомъ слова* (Ableitung) и *измѣненіемъ его по склоненію или спряженію* (Abbeugung)... На слова, образовавшіяся чрезъ «производство, налагается печать опредѣленного понятія, «по которой они получаютъ мѣсто въ извѣстной части «рѣчи. Производство бываетъ двоякаго рода: 1) отъ корня «и 2) отъ темы или коренной формы... Отъ производ- «ства слова отличается измѣненіе его по склоненію или «спряженію тѣмъ, что есть послѣднее измѣненіе слова,

* Etym. Forsch. 1 г. В. S. 152.

«*крайнее проявленіе темѣ или корня (letztes Accessorium)*
 «и собою уже предполагаетъ оба послѣднія въ языкѣ,
 «въ видѣ *полныхъ*, готовыхъ словъ, съ *опредѣленными по-*
 «*нятіями* и признакомъ извѣстной части рѣчи. Назначе-
 «ніе измѣненія слова по склоненію или спряженію со-
 «стоитъ не въ томъ, чтобы измѣнять, или опредѣлять
 «понятіе слова, но чтобы выразить *всевозможныя* *положе-*
 «*нія и отношенія слова*, въ которыя оно (сообразно съ
 «своей принадлежностію къ извѣстной части рѣчи, но от-
 «нюдь не измѣняя существа своего) должно вступать въ
 «связи *предложенія или рѣчи къ другимъ членамъ предложе-*
 «*нія или рѣчи*. Производство опредѣляетъ понятія въ от-
 «ношеніи къ нимъ самимъ, а склоненіе или спряженіе
 «въ отношеніи лишь къ другимъ (внѣ ихъ лежащимъ);
 «постороннимъ.... Склоненіемъ и спряженіемъ присово-
 «купляется слову понятіе лишь *мимолетнаго отношенія*,
 «условливаемаго мѣстомъ слова въ рѣчи и синтаксическою
 «его обстановкою, но это понятіе *отношенія лишь присово-*
 «*купляется слову, а не вносится навсегда въ самый его со-*
 «*ставъ, и хотя соединено съ его формою, но остается ему*
 «*чуждымъ*. Чрезъ склоненіе слово не получаетъ понятія объ
 «отношеніи, но понятіе и отношеніе (послѣднее на время
 «то есть).» Не пожалѣлъ я мѣста для такой длинной
 выписки, въ особое назиданіе нашимъ воздѣльвателямъ
 видовъ, которые въ формахъ: *колынулъ, укололъ, калывалъ*
 видятъ, Богъ вѣсть, что; а въ Греческихъ напр. аористахъ
 ничего не хотятъ видѣть. (4)

Но я не могу такъ скоро разстаться съ реформаторомъ
 нашего глагола; буду слѣдить за нимъ; постараюсь не
 проглядѣть ни одного ложнаго его шага, чтобы показать,
 гдѣ онъ оступился и увидалъ *видъ*, гдѣ свернулъ съ до-

роги и опять открыть новый *видъ*. Онъ долженъ расплатиться за всѣхъ своихъ последователей.

Выше показана вся пустота доводовъ, побудившихъ Таппе къ *изобрѣтенію* его открытія. Теперь рассмотримъ попристальнѣе предлагаемые имъ виды, а именно 4 слѣдующіе:

1. *Неопредѣленный*, *verbainfinitiva*, *allgemeine*, *unbestimmte*. Авторъ не видитъ въ нихъ никакой разницы съ иноязычными; такъ напрасно и помѣстилъ ихъ въ числѣ видовъ, если въ нихъ ничего особеннаго не видно.

2. *Однократный*, *simplicia oder einfache verba*. «Они посредствомъ известныхъ окончаній (?) выражаютъ понятіе объ однократномъ (единичномъ?) дѣйствіи или страданіи и только Русскому языку свойственны (а *ἐτεψα, feci* «обычай что ли всегда выражаютъ?) Они означаютъ (§ 117) «обыкновенно дѣйствіе физическое, необходимо требующее «*проявленія силы*, и непосредственно соприкасающееся «нашимъ чувствамъ (*Sinne*). Потому большею частию они «выражаютъ *движеніе, звукъ* или вообще такое *отношеніе* «(то-то!), при которомъ имѣется въ виду лишь нѣчто однократное, мгновенное и понимаемое въ самомъ частномъ «смыслѣ,* напр. я кашлянулъ, чихнулъ, кивнулъ.

Во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ что ни шагъ, то ошибка! Начнемъ сверху. Однократный глаголъ будетъ подлинно невиданнаго вида, если *окончаніемъ* своимъ способенъ выразить *понятіе*. Между тѣмъ какъ окончанія (суффиксы) словъ несутъ въ языкъ совсѣмъ иную обязанность.** По-

* Тутъ Авторъ въ подлинникъ что то затуманилъ: «(Sie zeigen solches Verhältniss überhaupt an, dass etwas nur Einmaliges und Augenblickliches andeutet, und im speciellern Sinne andeuten kann.»

** Pott's Etym. Forschun. 1r B. S. 47.

томъ, если подъ однократностію дѣйствія Авторъ разумѣлъ его единичность, то выразить послѣднюю развѣ одинъ только формы на *нужь* способны? *уколоть*, *проколоть* и т. п., и даже *иду*, *бѣгу* и проч. означаютъ дѣйствія не менѣе единичныя, какъ и *кольнуть*. Да есть ли хоть одинъ такой глаголъ во всехъ языкахъ, который бы не могъ означать дѣйствія единичнаго, при извѣстной синтаксической обстановкѣ? Авторъ видитъ въ своихъ однократныхъ глаголахъ отличіе Русскаго языка отъ всехъ прочихъ; не извѣстно лишь, въ чемъ полагается онъ это незавидное отличіе: въ формѣ ихъ или въ значеніи. Ниже постараюсь отклонить отъ роднаго языка эту непрошеную честь. Далѣе: развѣ есть такіа физическія дѣйствія, которыя бы не требовали *проявленія силы*? И если для однократности дѣйствія необходимо *непосредственное соприкосновеніе его съ нашими чувствами*, то *быть*, *ѣсть*, *слышать*, *осязать* и проч. не ужели будутъ также однократныя виды? Возьмемъ примѣры, представленныя самимъ Авторомъ: *кашлянулъ*, *тихнулъ* — это глаголы вида однократнаго; но отъ чего же *кашлялъ*, *тихалъ* не однократныя? Отъ того, говоритъ Таппе, что имѣютъ форму настоящаго времени; однократныя же, которые Авторъ произвелъ на свѣтъ калѣками, имѣть ея не должны.

За что жъ такая обида? Послушаемъ: «Настоящаго (§ 117 Anm. 2) *verba simplicia* потому не имѣютъ, что ни «одно дѣйствіе однократное, какъ математическая точка, «не можетъ происходить во времени настоящемъ, — какъ «мимолетномъ и скоротечномъ; *car le moment, où je parle, «est déjà loin de moi* (мгновеніе, въ которое я говорю, уже «далеко отъ меня). Только въ прошедшемъ и будущемъ «точка можетъ быть мыслима покоящеюся.» Все это

правда, да не совсѣмъ. Если ужъ дѣйствія однократныя, при всей своей мгновенности, не успѣваютъ случиться въ настоящемъ времени, неуловимо скользящемъ мимо насъ; то какъ же дѣйствія, по самой природѣ своей, длительныя могутъ быть мыслимы въ настоящемъ времени? И если ужъ пошло на такія тонкости, то говоря напр. «ты видишь, что я читаю», я говорю собственно неправду; потому что я прекращаю дѣйствіе чтенія въ то время, когда его называю. Но объ сущности формы настоящего времени еще Вольфъ училъ такъ: «Настоящее «время» языкъ представляетъ дѣющимся (*continuum*) и, «смотря по воззрѣнію говорящаго, продолжимымъ или «сократимымъ.»

Согласимся однако, что въ дѣйствительности настоящее время есть только одно мимолетное мгновеніе, одна точка въ непрерывной линіи прошедшаго и будущаго; но какъ и однократные глаголы выражаютъ также дѣйствія мгновенныя, именно одну точку въ совершеніи дѣйствія: значить, точка могла бы совпасть съ точкою; точка какъ нельзя лучше прикрывается точкою же.

Куда ни кинь, все выходитъ наружу, что такъ называемымъ однократнымъ глаголамъ настоящее время имѣть по закону слѣдовало бы, и, что иибудь одно: или Тапше лишилъ ихъ формы настоящего безвпино, или возвелъ ихъ въ достоинство глаголовъ самоправно.

«3. Глаголы *учащательные*, *frequentativa*, или глаголы дѣйствія многократнаго заключаютъ въ себѣ понятіе о частотѣ и повторенномъ дѣйствіи или страданіи, напр. двигаться. Они соответствуютъ отчасти Латинскимъ *cursitare*, «*factitare* (отъ *currere*, *facere*).»

* *Encyclop. der Philologie*. S. 60.

Вотъ и эти, нѣкогда скромные члены богатаго Ломосовскаго спряженія, высвобождены изъ-подъ родовыхъ отношеній и поставлены въ рядъ съ старожиллами, доблестными глаголами. Но эти новые, призрачные глаголы не смѣютъ у насъ пошевелинуться на своемъ не заслуженномъ мѣстѣ, не умѣютъ и не могутъ въ спряженіи ступить шагу. Навербовалъ ихъ Таппе и произвелъ въ глаголы за то, что они выражаютъ будто бы *учащательность* дѣйствія. Посмотримъ же поближе эту ихъ учащательность, въ силу которой при нихъ уже было бы излишне ставить словечко: *часто*. Однако я къ нему *хаживалъ* совсѣмъ еще не значить: *часто ходилъ*, и, для приданія той фразѣ требуемаго смысла, нельзя обойтись безъ нарѣчія: *часто*, и выйдетъ: я къ нему *часто хаживалъ*. Въ этой учащательной формѣ столь же мало содержится понятіе слова *часто*, какъ и слова *редко*, потому что столь же хорошо сказать: я *редко хаживалъ*. Далѣе, чѣмъ извинить эту форму (если она учащательная), что она такъ любитъ видѣть при себѣ отрицаніе, напр.

«Какъ никто по степи Моздокской не хаживалъ,
Никого по степи по этой не важивалъ (возить).»

Скажутъ, что здѣсь тою формою выражена также учащательность дѣйствія, только отрицательно. Едва ли! Отрицать *частое* дѣйствіе, не значить еще отрицать самое дѣйствіе, а здѣсь именно отрицается нѣчто самое дѣйствіе, а не его только учащательность. Вообще отрицаніе и учащательность—понятія трудно совмѣстимыя.

Таппе приравнилъ безпредложную нашу форму на *ивалъ* (*ивалъ, алъ*) Латинскимъ *cursito, scriptito*. И точно: въ Латинскомъ языкѣ это глаголы самостоятельныя, и живутъ тамъ полнымъ домомъ, имѣя при себѣ цѣлое спряженіе, напр.

«Scribas, vel potius scriptites.» Cic. «Libros exuri jussit conquisitos lectitatosque. Tacit. «Veluti succinctus cursitat hospes.» Horat. Satyr. II. 6. 107. Нашими quasi глаголами *писывать*, *читывать* и пр. перевести этого нельзя: они не имѣютъ ни повелительнаго наклоненія, ни настоящаго времени, ни будущаго.

Таппе (§ 118) извиняетъ такую бѣдность этихъ минимыхъ глаголовъ тѣмъ, что они выражаютъ дѣйствія *давнія* и суть глаголы только *прошловременные* *blosse praeterita*. Вспомнишь невольно про Морица Ранпа*, да и пожалѣешь, что не читалъ онъ Грамматики Таппе; иначе онъ еще разъ открылъ бы въ Русскомъ языкѣ (въ этой terra incognita, гдѣ любому иностранцу такъ легко дѣлать открытія) *praeteritum-verba* подъ стать къ открытымъ уже имъ *praesensverba* и *futurverba*. Но возвратимся къ *давности* дѣйствія, выражаемой будто бы этими новыми глаголами, и спросимъ, какъ стара эта давность? Г. Востоковъ** относитъ сюда дѣйствія, «происходившія болѣе, нежели за недѣлю или даже за мѣсяцъ и притомъ въ неопредѣленное время». Это однакожъ очень недавняя давность; а между тѣмъ въ разсказъ и о самыхъ давнихъ историческихъ событіяхъ, происходившихъ, пожалуй, въ неопредѣленное время, форму эту не всегда употребить можно, напр. *Въ древности Семирамида вела многія войны съ сосѣдями*. И такъ если тѣ quasi глаголы не выражаютъ еще сами по себѣ ни учащательности, ни многократности, потому что могутъ означать дѣйствія рѣдко происходившія; и если они собственно не заключаютъ въ себѣ и понятія о дав-

* См. Дополн. Прим. 3-е.

** Русская Грамматика (пространная) Ал. Востокова. Изд. 3-е Спб. 1838. стр. 100.

ности, потому что употребляются часто для означенія событій, сравнительно очень недавнихъ (за недѣлю), и на оборотъ, не употребляются въ разсказъ о самыхъ давнихъ происшествіяхъ: то какое же наконецъ, отличное отъ коренной, глагольной темы понятіе они выражаютъ, и за что удостоились попасть въ ряды самостоятельныхъ глаголовъ? По моему мнѣнію, которое въ своемъ мѣстѣ буду стараться подкрѣпить доказательствами, главная должность той глагольной формы — означать дѣйствіе (впрочемъ тоже самое, какое выражено уже начальною формою) сообразительно, что однако жъ не возводитъ ея въ достоинство самобытной глагольной темы, подобно тому, какъ *братья, сыновья* и т. п. суть не болѣе какъ надежныя формы начальныхъ словъ: *братъ, сынъ*.*

«4. Глаголы совершенные, perfecta, composita, oder vollendet, zusammengesetzte verba содержать въ себѣ понятіе о «дѣйствіи опредѣленномъ и совершенномъ. По большой «части они образуются наращеніемъ, посредствомъ предлога, который потому часто видоизмѣняетъ совершенно ихъ «значеніе. Разсматривая эти глаголы въ нихъ самихъ (?), «всего лучше можно сравнить ихъ съ Еврейскимъ Piel «(именно, дѣлать что нибудь не шутя, а настойчиво и «прилежно), напр. *я дѣлалъ* знач. по Нѣмецки *ich habe es «gethan, aber unbestimmt, obiter, so so, bon gré malgré* (т. е.

* Съ умысломъ не взявъ я для сравненія вполнѣ собирательныхъ именъ, какъ напр. *тряпье, отродье* и т. п.; потому что онѣ имѣютъ полное склоненіе, и языкъ творческою своею силою, конечно, можетъ вдохнуть жизнь въ новосозданныя имъ слова, какъ напр. ему вздумалось удостоить этой чести формы *бывать, давать* и т. п., которыя нѣкогда были, вѣроятно, не болѣе какъ аористы: по словолюбамъ такая власть не подѣ силу.

«кое-какъ, какъ нибудь»). Напротивъ *я сдѣлалъ* значить: «я дѣлалъ все, опредѣленно, совершенно и охотно (!). У «глаголовъ совершенныхъ (§ 123), произведенныхъ съ «помощію предлоговъ отъ глаголовъ неопредѣленныхъ и «однократныхъ, нѣтъ времени настоящаго; отъ нихъ употребительны лишь прошедшее и будущее. Произведенные же отъ учащательныхъ суть глаголы полные и во «всѣхъ формахъ употребительные. Снъ послѣдніе глаголы, «для большей точности, можно назвать просто *сложными* «(composita), произведенные же отъ неопредѣленныхъ *совершенными по преимуществу*, произведенные отъ однократныхъ *совершенными однократными*. Сложные глаголы означаютъ дѣйствіе, которое происходитъ, происходило или «будетъ происходить, не показывая, что оно кончено, или «будетъ кончено, короче: они показываютъ привычку къ «дѣйствию, съ прибавочнымъ понятіемъ предлога. Напр. «*сталкивалъ* (я его) значить: *ich bemühte mich, oder suchte «ihn herunter zuwerfen, aber es gelang nicht*, т. е. я старался «его столкнуть, но мнѣ не удалось. *Недостающую глаго-* «*ламъ совершеннымъ форму настоящаго должно стараться «передать перифразомъ, или какимъ нибудь другимъ оборо-* «*томъ (?)*).

Прежде всего мечется въ глаза замѣчаніе филолога, будто Русское *дѣлать* равно Нѣмецкому *дѣлать* *нерадиво, какъ нибудь, лишь бы съ рукъ сошло*; дѣло же, совершаемое какъ слѣдуетъ, будто можемъ мы выразить не иначе, какъ съ помощью предлоговъ, и употребляемъ для того видъ совершенный, сходный съ Еврейскимъ *Piel*. Но вотъ же, въ доказательство того, что *дѣлать кое-какъ* не есть природная наша черта, я напр. теперь не вѣрю Таппе на-слово, а самъ пойду къ Эвальду; пусть онъ растолкуетъ, что

значить у Евреевъ Piel. «Piel», говоритъ Эвальдъ,* «есть «одна изъ глагольныхъ темъ (Verbalstämme), образуется «чрезъ удвоеніе второй изъ трехъ согласныхъ корня и «означаетъ: 1) усиліе, усердіе, ловкость въ дѣйствіи или «быстрое его повтореніе. Въ этомъ (последнемъ) смыслѣ «она можетъ быть приравнена Латинскому scriptito (ча- «сто пишу, напр. письма, скоро одно за другимъ, съ ма- «лыми промежутками), confringo (сокрушаю), dimitto (от- «сылаю, разсылаю).

«2. Иногда вынословность дѣйствія, подобно другой гла- «гольной темъ, называемой Hif-il напр. отъ корня *рост* «Hif-il *растить*, а Piel *стараться возрастить*; отъ корня «*род* Hif-il *рождать* (т. е. заставлять родиться), а Piel по- «*могать при родахъ, повивать*.

«3. Въ отыменныхъ глаголахъ Piel означаетъ дѣй- «ствіе, состоящее въ какомъ нибудь отношеніи къ понятію, «выражаемому кореннымъ именемъ напр. отъ существит. «*камень* Piel *бросаться камнемъ, очищать отъ камней*»

Гдѣ же тутъ сходство Тапневыхъ совершенныхъ ви- «довъ съ Еврейскимъ Piel? Ломоносовъ въ своей Грам- «матикѣ, говоря о скудости спряженія въ Еврейскомъ язы- «кѣ, не находитъ никакой родственной связи между на- «шими глагольными формами и Еврейскими видами, ко- «торые онъ просто называетъ залогами**. Слова Ломоносова

* Grammatik der Hebräischen Sprache. 2te Aufl. 1835. S. 112. Пере- «ведено сокращенно, но вѣрно.

** Рос. Грам. стр. 36. Ломоносовъ насчитываетъ 8 Еврейскихъ за- «логовъ: «1) дѣйствительной простой, 2) страдательной простой, 3) дѣйствительной съ напряженіемъ, 4) страдательной съ напря- «женіемъ, 5) ободной, 6) дѣйствительной со властію, 7) страда- «тельной со властію, 8) взаимной. Сии залоги просто у нихъ (у Евреевъ) спряженіями называются.»

подтверждены и В. фонъ-Гумбольдтом*. А между тѣмъ не только наши безгласные послѣдователи Таппе, но и заслуженнѣйшій Филологъ, Протоіерей Павскій усердно добивается породнить наши, такъ называемые, виды съ Еврейскими гифлами, гитпаелами и т. п.

«Словенскіе языки», говоритъ онъ**, «въ своемъ образѣ разошлись съ другими родственными языками, по отношенію къ глаголамъ. Случайно или неслучайно они попали на тотъ же путь, который избрали Симическими языками. Въ Симическихъ глаголахъ время почти не отмѣчается, но за то различными формами ихъ, образованными отъ одного корня, отмѣчаются разныя обстоятельства дѣйствія, напр. дѣйствіе лица, переходящее на постороннія лица — гифиль (но это наши винословные глаголы, *verba factitiva* родственныхъ намъ языковъ, напр. пить — поить, сохнуть — сушить и пр., которые въ число видовъ не приняты), дѣйствованіе взаимное и возвратное — гитпаель (это наши залогі, а всё же не виды), дѣйствованіе или явленіе неоднократное, усиленное — піель (который уже намъ растолковалъ Эвальдъ) и пр. и пр.»

Но сходство? Гдѣ же то родственное сходство, которое показать намъ обѣщали! На мѣсть Еврейскихъ видовъ, мы видѣли у себя то залогі, то винословные глаголы, а видовъ всё таки не видали. Если въ искушеніе ввели

* Ueber die Verschiedenheit des menschl. Sprachbaues. S. 315. 316:
«Въ Симическихъ языкахъ почти все измѣненія глаголовъ по спряженію приняты для выраженія измѣненія самыхъ понятій... а не съ тѣмъ, чтобы означить разныя отношенія, въ которыхъ можетъ стать глагольное понятіе.»

** Филологич. наблюд. Разсуж. III е. 1-е изданіе, стр. 230.

Еврейстовъ наши предложные удлинненные глаголы, напр. *сокрушаю, рассылаю* и т. п.; то нельзя конечно отрицать, что они, подобно Лат. *confringo, dimitto*, какъ нибудь да выражаются же по-Еврейски, что однако нисколько не умаляетъ ближайшаго ихъ сходства и родства съ предложными глаголами всѣхъ Индо-Европейскихъ языковъ.

Но посмотримъ, какъ Таппе начнетъ путаться въ своихъ открытіяхъ. Причисливъ предложные удлинненные глаголы къ видамъ *совершеннымъ*, онъ даетъ имъ однако значеніе дѣйствія *несовершеннаго*, такъ что *столкнуть*, по его объясненію, значить: *толкать безуспѣшно*. Это непріятное обстоятельство не смутило однако смѣлаго реформатора; напротивъ, тѣмъ съ вѣщающею ревностію пустившись на новыя открытія, онъ накропалъ изъ своего совершеннаго вида новыя виды: а) глаголы *совершенные по преимуществу* (дѣйствіе охотное), б) *несовершенно-совершенные* или просто *сложные* (дѣйствіе хотя — нехотя) и с) *совершенные однократные*. Такимъ образомъ вмѣсто четырехъ видовъ очутилось ихъ у насъ ужъ цѣлыхъ шесть; да и на этомъ, какъ извѣстно, дѣло не остановилось; виды, эти юные выселенцы изъ Ломоносовскаго спряженія, оказались столь плодущими, что въ какія нибудь 10 лѣтъ умножились на половину, если не вдвое.

Г. Гречъ* заимствовалъ у Смотрицкаго раздѣленіе глаголовъ по *начертанію*, изъ котораго у обоихъ выводятся *виды* глагола. Но между тѣмъ какъ Смотрицкій, признавъ виды: *начинательный* и *сложный* (произведенный отъ времени *мимомедшаго* — *plusquamperfect.*) въ достоинствѣ само-

* Пространная Русская Граммат. Изд. 2-е. Спб. 1830. § 352 и слѣдующіе.

стоятельныхъ глаголовъ, указаль другимъ: учащательно-му и сложному (произведенному не отъ мимолетнаго времени) подобающее имъ мѣсто въ спряженіи; Гречъ оставилъ его и пошелъ въ слѣдъ Таппе. А какъ у Таппе ни слова не говорится про глаголы начинательные (*каменью* и пр.), то Гречъ включилъ ихъ въ число залоговъ (§ 349), которыхъ онъ насчитываетъ 4: 1) дѣйствительный, 2) средний съ возвратнымъ и взаимнымъ, 3) начинательный и 4) страдательный. Другіе не признали тѣхъ начинательныхъ глаголовъ въ числѣ особаго залога, но къ видамъ тоже (не знаю, почему) ихъ не пристроили, и, благодаря сему обстоятельству, они и доселѣ въ виды не завербованы.

Гречъ принялъ отъ Таппе раздѣленіе видовъ, и частію опредѣленія и наконецъ самыя названія ихъ, переименовавъ лишь Таппевы *composita* въ *несовершенные*, а *limitate* (видъ ограниченный) въ *опредѣленные*. Кромѣ того онъ заставилъ «главные виды (§ 354) между собою совокупиться, а отъ сего ихъ совокупленія родились виды второстепенные, которые заключаютъ въ себѣ значеніе обоихъ главныхъ видовъ, оныя производныхъ. Сіи виды «суть: а) *несовершенный неопредѣленный*, б) *несовершенный опредѣленный* с) *совершенный неопредѣленный* д) *совершенный опредѣленный*, е) *совершенный однократный*.»

Гречъ не принялъ доводовъ Таппе (нелѣпость которыхъ доказана выше) о необходимости разсѣченія Русскаго спряженія на виды; но самъ онъ вотъ на чѣмъ опираетъ ихъ существованіе: «Времена въ природѣ (§ 352) ограничиваются тремя: настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ;... «по во временахъ *грамматическихъ*, то есть, въ формахъ языка, концы выражаются времена, могутъ быть выра-

«жены еще нѣкоторыя постороннія обстоятельства, конми «ближе опредѣляется значеніе и объемъ дѣйствія.... (именно:) неопредѣленность или опредѣленность его.... уча- «щательность или однократность.... длительность или окон- «чаніе.... Формы, служащія къ выраженію сихъ обстоя- «тельствъ дѣйствія *именуются видами*. Различіе видовъ «дѣйствія свойственно исключительно языкамъ Славянска- «го племени.»

Какъ близко Авторъ былъ къ истинѣ! И въ какое ося- зательное противорѣчіе самому себѣ рѣшился онъ впасть, чтобы лишь не отстать отъ Таппе! Если всѣ тѣ «обсто- ятельства дѣйствія (длительность, оконченность и т. д.) выражаются въ формахъ языка, называемыхъ въ Грамма- тикахъ временами», то какъ же послѣ этихъ словъ мож- но позволить себѣ тотчасъ слѣдующія: «формы, служащія къ выраженію сихъ обстоятельствъ, именуются видами»?

Объяснить это странное явленіе въ исторіи нашего язы- кознанія можно лишь развѣ вотъ чѣмъ: Таппе, вмѣшав- шись въ хозяйство Русскаго глагола, и заводя въ немъ свои Нѣмецкіе порядки, свои новозданные, призрачные, глаголы такъ перепуталъ съ стародавними, что намъ пред- ставилось, будто Ломоносовъ дѣйствительно по нѣскольку глаголовъ вдругъ втискивалъ въ свое спряженіе. Удивля- ясь проникательности иностранцевъ, открывшихъ будто бы такое въ самомъ дѣлѣ злоупотребленіе, мы уже без- прекословно съ ними согласились; когда они, перемѣшавъ предложныя формы спряженія съ предложными глагола- ми и утвердивъ каждую форму неопредѣленнаго накло- ненія въ самъ отдѣльный глаголъ (какъ въ Нѣмецкомъ языкѣ), немилостиво раздробили наше спряженіе и по-

рѣшили, что ему не пристойно быть богаче Нѣмецкаго, а бѣднѣе быть по всему слѣдуетъ (срав. дополн. примѣч. 3-е).

Отрадно остановиться теперь на Грамматикѣ перваго нашего филолога Востокова,* не даваго обаять себя хитросплетеніямъ Тапшевымъ. Понимая очень ясно всю несостоятельность тѣхъ убогихъ глаголовъ иностраннаго издѣлія, онъ возвратилъ нѣкоторые изъ нихъ въ спряженіе, получившее так. образомъ 8 временъ (§ 61), произведенныхъ отъ нѣсколькихъ глагольных темъ (началь), которыя онъ строго отдѣлилъ отъ цѣльныхъ, полнोजизненныхъ глаголовъ, каковы напр. неопредѣленные, опредѣленные и проч. Его изслѣдованія о природѣ Русскихъ глаголовъ такъ назидательны и столь много проливаютъ свѣта на этотъ предметъ, что во второмъ отдѣлѣ сего сочиненія я не разъ буду возвращаться къ его Грамматикѣ, равно какъ и къ Грамматикѣ Ломоносова.

Между тѣмъ такой независимый взглядъ на Русское спряженіе не могли конечно простить знаменитому словеновѣдцу послѣдователи Грамматиста Тапше. И вотъ напр. горячо вооружался за своихъ одинъ, весьма молодой чело-вѣкъ, отзывавшійся такъ о достоинствахъ грамматическихъ трудовъ Востокова: «Приступая** къ разсмотрѣнію системы «глаголовъ Греча, замѣтимъ вообще, что расположеніе предмета у него гораздо удобнѣе и складнѣе, нежели у Востокова. Причина этому заключается частію въ *больше остроумъ и глубокомъ взглядъ*, частію въ меньшей точности со-считателя. Легко понять (стр. 23), какой промахъ далъ

* Русская Грамматика Алек. Востокова изд. 3-е. Спб. 1838.

** Kritische Betrachtung der in Bezug auf die russischen Verba herrschenden grammatischen Systeme. v. Eu. v. Schmidt. Dorpat 1844 стр. 35.

«Востоковъ, включивъ виды въ составъ спряженія, и смѣшавши законы послѣдняго съ законами производства видовъ.... Востоковъ беретъ (стр. 17, 18) во вниманіе преимущественно значеніе глагола (а это развѣ не главное?) и лишь смысломъ (а чѣмъ же инымъ?) опредѣляетъ его единство и цѣлость. Такимъ образомъ онъ *равнодушно* смотритъ на виды, а въ спряженіе принимаетъ всѣ измѣненія глагола по смыслу, производимыя съ помощію другихъ словъ (вспомогательныхъ глаголовъ, частицъ и пр.), хотя ясно, что глаголъ тутъ ни мало не спрягается.»

Но тутъ Авторъ, въ жару атаки, не замѣчаетъ, что сыплетъ удары на своихъ, утверждая, будто формы какъ *amatus est*, *j'aurai parlé* и т. п. не принадлежатъ къ спряженію. Хотите знать, почему? Потому что «*mir scheint damit der Begriff des Wortes, als Körper des Begriffes, gegenüber dem Satz, als Ausdruck des Urtheiles, nicht gehörig festgehalten zu sein.*»

Теперь понятно, въ чемъ погрѣшилъ Востоковъ: онъ *«упустилъ изъ виду отношеніе понятія слова, какъ тѣла понятія, къ предложенію, какъ выраженію сужденія.»* Что значитъ привычка къ неопредѣленнымъ видамъ!

Теперь слѣдуетъ приступить къ системѣ видовъ, предложенной Г—мъ О. А. Лангеншельдомъ* и признанной** «за простѣйшую и совершеннѣйшую.» Тѣмъ съ большею тщательностію должно изучить ту благоустроенную систему, что она теперь принята въ употребительнѣйшихъ учебникахъ, и такимъ образомъ представляетъ спѣлый плодъ того ученія, сѣмя котораго посадилъ Фатеръ, а возрастилъ

* Отечественныя Записки 1839 г. N 8.

** Москвитинъ 1843 г. N 5. стр. 181-194.

и выцвѣтилъ Таппе съ поборниками. Сначала приведемъ оттуда два главныхъ положенія, вступительное и заключительное и сперва послѣднее, какъ въ особенности для насъ важное. «Представляется* важнѣйшій вопросъ: изъ чего слѣдуетъ, что Русскій глаголъ въ изъявит. наклоненіи имѣеть только *три* времени, а не *восемь*, какъ принималъ Ломоносовъ. Основною формою измѣненій глагола во всѣхъ языкахъ служитъ глаголъ *есмь*: число его «временъ повторяется (?) во всѣхъ глаголахъ. У насъ «глаголъ *есмь* имѣеть только *три* времени: не болѣе могутъ имѣть и прочіе глаголы.» Что такъ называемый существительный глаголъ во всѣхъ языкахъ помогаетъ другимъ глаголамъ спрягаться, это совершенная правда: за то и называютъ его вспомогательнымъ; но, что число его временъ повторяется во всѣхъ глаголахъ, съ этимъ едва ли можно согласиться. Въ большей части языковъ глаголъ этотъ, по спряженію, относится къ числу *недостаточныхъ*, и вотъ напр. хотъ въ Греческомъ языкѣ онъ имѣеть только *три* необходимѣйшихъ времени: настоящее, прошедшее несовершенное и будущее: εἰμί, ἦν, ἔσομαι; между тѣмъ какъ прочіе глаголы имѣють тамъ отъ *шести* до *десяти* временъ.

Не признавъ вполне заслужившихъ забвеніе доводовъ Фатера, Таппе и пр. о несуществованіи въ Русскомъ языкѣ полноформнаго спряженія, Авторъ придумалъ для теоріи видовъ новую опору, которая однако падаетъ сама, при первомъ къ ней прикосновеніи, а вмѣстѣ съ нею валится и разсыпается все зданіе видовъ, воздвигнутое нѣкогда Нѣмецкимъ досужествомъ.

* Тамъ же стр. 184.

Посмотримъ теперь, руководствуясь какимъ закономъ, затѣваетъ Г. Лапгеншельдъ новый распорядокъ въ запутанномъ хозяйствѣ *видовъ*. Вотъ онъ, этотъ Законъ: «По общему закону дѣйствія (стр. 181) оно въ глаголѣ, какъ «въ своемъ проявленіи, можетъ измѣняться *пространственно и временно, или кратко*. Въ однихъ языкахъ различныя времена показываютъ близость или отдаленіе *пространственнаго (?) дѣйствія* отъ настоящаго момента *бытія* нашего; въ другихъ языкахъ эти измѣненія замѣняются *видами*, которые означаютъ *краты* или моменты дѣйствія. Латинскій и всѣ отъ него происшедшіе языки представляютъ намъ первую систему различныхъ измѣненій дѣйствій, а Славянскіе языки вторую систему.»

Надобно прежде выразумѣть толкомъ этотъ законъ. Что значитъ *пространственное* измѣненіе дѣйствія? и потомъ *пространственное дѣйствіе*? У самого Автора слово это потомъ не встрѣчается; такъ придется растолковать его себѣ *на-авось*, и вотъ какъ: въ какихъ-то языкахъ есть, говорятъ, особыя глагольныя формы для означенія дѣйствія, смотря потому, гдѣ оно происходитъ, такъ что наприм. *я живу въ городѣ, я живу въ деревнѣ* и т. д. вмѣсто нашего, бесконечно повторяемаго *живу*, въ тѣхъ языкахъ существуетъ бесконечное число особыхъ формъ. Но гдѣ такіе чудные языки? По крайней мѣрѣ въ Латинскомъ языкѣ, и во всѣхъ, отъ него происшедшихъ, такой роскоши, какъ за-подлинно извѣстно, не водится. Такъ вѣрно я не попалъ на истинный смыслъ тѣхъ словъ: «дѣйствіе измѣняется *пространственно и временно*» и Авторъ конечно хотѣлъ этими словами выразить Нѣмецкое замысловатое *Zeitraum*, по нашему *мѣра, количество вре-*

мени. Слѣд. въ Русскихъ глаголахъ означается только *кратность дѣйствія*, т. е. одинъ ли разъ, или нѣсколько разъ оно совершилось, а въ глаголахъ всѣхъ прочихъ Индо-Европейскихъ языковъ кратность не отмѣчается, а выражается лишь близость или отдавленіе дѣйствія отъ настоящаго момента бытія нашего.

Однакоже и въ Русскихъ глаголахъ выражается не *кратность только*, потому что въ нашемъ спряженіи (не смотря на его крайнее разореніе) все же держатся еще хотъ три главныя *времена*: настоящее, прошедшее и будущее, а въ глаголахъ прочихъ Индо-Европейскихъ языковъ тоже нельзя отрицать способности выражать *кратность*. Возьмемъ напр. Греческій языкъ. Тамъ аористъ (исключая рѣдкіе впрочемъ случаи такъ называемаго учащательнаго его значенія) и времена прошедшее совершенное и давно-прошедшее выражаютъ обыкновенно *дѣйствіе единичное*; а времена: настоящее, преходящее (*imperfect*) и будущее могутъ означать дѣйствіе и единичное и учащательное (обычное), смотря по смыслу рѣчи, точъ въ точъ какъ и у насъ.

И такъ вышеизложенный законъ отнюдь не имѣетъ силы закона, а потому и новый распорядокъ видовъ, на немъ основанный, непременно окажется несостоятельнымъ. Подойдемъ однако поближе къ этимъ видамъ; сперва ихъ перечислимъ:

1. Несовершенный. а) неопредѣленный, б) опредѣленный.

2. Совершенный а) длительный, б) однократный.

3. Многократный.

Мы не находимъ въ числѣ этихъ видовъ Таппева *verbum compositum* (напр. *передѣлывать*), потому что въ

несовершенный видъ, вмѣстѣ съ его представителями, или, можетъ быть, подручными (не извѣстно!), предложныя глаголы не приняты. Равнымъ образомъ глаголы *начинательные*, уже, по своему соблазнительному названію, давно подвергавшіеся опасности попасть въ виды, и на этотъ разъ обойдены великодушно. Перейдемъ къ изложенію видовъ порознь.

«*Несовершенный видъ* показываетъ дѣйствіе, безъ опредѣленія начала или конца его, напр. *читать, ходить, идти*» и пр. Замѣтимъ себѣ здѣсь уловку, принятую въ нашей Грамматикѣ еще со временъ преобразователя ея, Таппе: изобрѣтать, какъ бы для вѣщней невразумительности, отрицательные термины и составлять для нихъ отрицательныя опредѣленія, а въ добавокъ сего, для примѣровъ постоянно приводить неопредѣленныя наклоненія, которыя, какъ извѣстно, обстоятельства времени не выражаютъ. Переведемъ ту отрицательную рѣчь на положительную, а примѣры изъ неопредѣленнаго наклоненія въ изъявительное, и выйдетъ вотъ что: «Извѣстныя глагольныя формы означаютъ продолженіе начатаго дѣйствія, напр. *читаю, читалъ, буду читать*». Тутъ всякій видитъ, что это формы, извѣстныя во всѣхъ языкахъ подъ именемъ *временъ*: настоящаго, прошедшаго неопредѣленнаго (*imperfect*) и будущаго.

Неопредѣленный видъ. Ему Авторъ назначаетъ любую изъ 4-хъ обязанностей: 1, «показывать движеніе безъ означенной или подразумеваемой цѣли.» Но такихъ движеній не бываетъ; у всякаго движенія есть цѣль, хоть бы она состояла въ самомъ этомъ движеніи. 2) «Показывать дѣйствіе, простирающееся на *неопредѣленное время*.» Но какъ же его покажешь, если оно простирается на неопредѣлен-

ное время? Или Авторъ *хотѣлъ* сказать, что эти глаголы не показываютъ, длится ли дѣйствіе долгое время, или короткое (понятія, какъ извѣстно, относительныя), а выражаютъ просто продолженіе дѣйствія въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ временахъ? Въ такомъ случаѣ это суть вышеупомянутыя, всѣмъ и вездѣ извѣстныя, формы спряженія. 3) «Показывать дѣйствіе, простирающееся на извѣстное число предметовъ.» Это подлинно была бы рѣзкая особенность Русскаго языка, въ сравненіи со всѣми другими Индо-Европейскими, въ которыхъ, какъ извѣстно, предметъ дѣйствія не входитъ въ объемъ понятія, содержащагося въ глаголь; и этою особенностію Русскій языкъ конечно приближался бы къ чужедальнымъ языкамъ Симическимъ и Американскимъ*. Но посмотримъ, такъ ли это на самомъ дѣлѣ. Въ нашихъ глаголахъ возвратныхъ, напр. *мыться* и т. п. предметъ дѣйствія (ся) сросся съ глагольною темою, что впрочемъ встрѣчается и во многихъ другихъ, родныхъ намъ, языкахъ. Но изъ словъ: *люблю тебя, говорю ему* и т. п. нельзя составить у насъ одного слова, какъ это дѣлается въ Симическихъ языкахъ, къ которымъ въ родство мы такъ усердно просимся съ нашими воображаемыми видами.

Но хотѣлъ ли Авторъ отличить этимъ мнимымъ признакомъ свой неопредѣленный видъ отъ другихъ? Нарочно беру его собственные примѣры и притомъ изъ всѣхъ его *видовъ*; и вездѣ увидимъ, что тотъ мечтательный при-

* Pott's Etym. Forsch. 2r Band. S. 654. «Въ Симическихъ и Американскихъ языкахъ на спряженіи (сверхъ обязанностей, которыя оно несетъ въ Индо-Европейскихъ) наложена еще обязанность — выражать различныя отношенія глагола къ объекту, котораго лице, родъ и число тамъ входятъ въ объемъ глагольнаго значенія.

знакъ можетъ быть приложенъ ко всѣмъ видамъ. «Я ви-
дѣлъ много городовъ, перечиталъ не одну библіотеку, чи-
тывалъ всякія книги, прочелъ всѣхъ классиковъ». — «Ты
двигнешъ и двинешь океаны!» Не всѣ ли эти дѣйствія пред-
ставлены здѣсь простирающимися именно на самое не-
опредѣленное число предметовъ?

4) «Показывать дѣйствіе, совершающееся неопредѣ-
ленное число кратъ.» Это такъ! Но предъ тѣмъ уже два
раза доказано, что такое выраженіе дѣйствія не есть
исключительное свойство Русскаго глагола, но отличитель-
ная принадлежность такъ называемыхъ, специальныхъ вре-
менъ спряженія (Praesens, imperfectum, futurum).

«Опредѣленный видъ, показывающій движеніе къ назна-
ченной (т. е. означенной?) или подразумѣваемой цѣли,
или дѣйствіе съ опредѣленіемъ, во сколько времени или
сколько разъ оно совершается, или наконецъ простира-
ющееся на извѣстное число предметовъ.» Значитъ, опре-
дѣленный видъ есть какъ бы обратная, т. е. положитель-
ная сторона вида неопредѣленного; а потому все, сказан-
ное нами противъ послѣдняго, вполне примѣняется и къ
первому, а именно: всякое движеніе непременно имѣетъ
цѣль, означенную или только подразумѣваемую; ни одинъ
глаголъ Русскій, какъ ни одинъ Индо-Европейскій, не мо-
жетъ выразить самъ по себѣ, во сколько именно времени,
и сколько именно разъ дѣйствіе совершается, ни того,
на сколько предметовъ оно простирается.

«Совершенный видъ показываетъ дѣйствіе, съ опреде-
леніемъ начала или конца, или и начала и конца его.» По-
смотримъ представленные Авторомъ примѣры, переведши
ихъ напередъ изъ неопредѣленного наклоненія въ изъ-
явительное: *пошелъ, спалъ, пойду, сяду*. За что Авторъ по-

жаловалъ эти глагольныя формы въ самостоятельныя глаголы, если онѣ выражаютъ не больше того, что выражается Греческимъ аористомъ и будущимъ временемъ? А эти формы, хотя образуются тамъ изъ особыхъ темъ или началъ спряженія (въ Praesens и imperfectum тамъ почти всегда другая, длиннѣйшая тема), какъ и у насъ; но изъ спряженія все таки не выводятся, и въ особые *виды* (т. е. *прізраки глаголовъ*) не жалуются.

«*Совершенный видъ* бываетъ: *длительный*, показывающій «дѣйствіе, требующее нѣсколько времени, притомъ съ означеніемъ или всего дѣйствія, съ начала до конца, или преимущественно либо начала, либо конца.» Что «*совершенный видъ* бываетъ *длительный*,» этому трудно повѣрить: дѣйствіемъ совершеннымъ (не въ осудъ Таппе!) зовется у насъ дѣйствіе конченное, а что кончено, то ужъ не длится. Далѣе:

«Длительный видъ означаетъ либо начало либо конецъ дѣйствія.» И этого опять быть не можетъ! Начало и конецъ дѣйствія суть крайнія, исходныя точки его поступательнаго движенія къ своему результату, и называются *моментами*, что прямо противоположно *длительности*. Потомъ, если «совершенный—длительный видъ показываетъ дѣйствіе, требующее нѣсколько времени, и притомъ съ означеніемъ всего дѣйствія съ начала до конца:» то вотъ напр. глаголь *совершать* имѣетъ, кажется, полное право вступить въ ряды этого вида; но Авторъ позволить ли ему? Вообще бѣда съ этими примѣрами! Авторъ видитъ напр. въ глаголь *спать* «все дѣйствіе», а я вижу только начало (и, если угодно, продолженіе начала), за что глаголь этотъ доселѣ и назывался *начинательнымъ*; здѣсь же попалъ въ *совершенные*. Постъ этого въ совершенные же за-

хотять и зрю, рдью, красню, глазю, глжу, сию... тогда видь этотъ поглотить глаголы всякаго вида и виды всякаго возраста. И опять въ глагольной формѣ *сль* Автору видится *начало дѣйствія*, а по нашему тутъ выражень *конецъ дѣйствія*. Вотъ оно что значить учиться одному и тому же языку, да у разноплеменныхъ учителей! Мы не согласны съ Авторомъ, но Авторъ и самъ съ собою не согласенъ; такъ въ словѣ *писалъ* онъ видитъ все дѣйствіе, а въ словѣ *пошелъ* только начало дѣйствія.

О такъ называемыхъ видахъ *однократномъ* и *многократномъ* Г. Лангеншельдъ не придумалъ сказать ничего новаго, а потому и отсылаемъ эти виды въ страницы 24, 25; 32 и сл., гдѣ имъ учинена уже должная расправа.

Въ заключеніе разсужденія своего о глаголь, ученѣйшій филологъ нашъ, Протоіерей Павскій, предастъ жестокому осужденію системы всѣхъ своихъ предшественниковъ, и притомъ какъ хранителей цѣлости спряженія, такъ и разорителей его, воздѣлывавшихъ виды. Первымъ изрекаетъ онъ вотъ какой приговоръ: «Я предохранилъ себя* и предохраняю другихъ отъ той путаницы, какая внесена въ «спряженіе нашихъ глаголовъ прежними и пыльными «сочинителями Грамматикъ. Бывало спосили въ одно спряженіе всѣ (?) глаголы простые и сложные, которые по «корню своему похожи другъ на друга, выдумывали** не-

* Филологич. наблуд. Разсужд. 3-е стр. 207.

** Выдуманы — не выдуманы, а употреблены въ 1-й разъ почти всѣ эти названія Ломоносовымъ. Однако возьмемъ напр. хоть форму: *читалъ*, которую Ломоносовъ называетъ *прошедшимъ неопредѣленнымъ временемъ* и посмотримъ, какъ назвать её по системѣ Протоіер. Павскаго? Короче нельзя какъ: *прошедшее время многократной — неопредѣленной, 2-й степени глаголовъ*. Значить для той, будто бы выдуманной, формы Пр. Павскій взялъ

бывалыя времена: 1) прошедшее неопредѣленное, 2) прошедшее простое*, 3) прошедшее совершенное (равно *прошедшему* однократной, мгновенной, рѣшительной и частью однообразной 1-й степени! По системѣ Прот. Павскаго), 4) давнопрошедшее (равно *прошедшему* многократной дальней (ближней нѣтъ!) т. е. продолжительной дальней и разнообразной дальней—3-й степени, по системѣ Прот. Павскаго).»

Здѣсь нарочно сопоставлена Ломоносовская терминологія съ повѣйшею, придуманною Прот. Павскимъ, и всякій видитъ, на чьей сторонѣ понятность и на чьей путаница, хоть въ учебномъ пока отношеніи.

«Потомъ,» продолжаетъ Прот. Павскій, «выставивъ такое «уродливое спряженіе, по необходимости должны были «оговариваться, что въ такомъ то глаголѣ недостаетъ прошедшаго времени, въ другомъ будущаго и т. д.» Объ уродливости промолчимъ; но что лучше: оговорить недостаточность нѣкоторыхъ глаголовъ (требуемую или самымъ значеніемъ ихъ, или нашимъ ухомъ, и во всѣхъ человѣческихъ языкахъ неизбежную), нисколько не вредящую полнотѣ жизни богатаго спряженія; или, не обращая вниманія на голосъ живой рѣчи, раздроблять спряженіе и выводить на свѣтъ тысячи глаголовъ недостаточныхъ, которымъ недостаетъ то есть права быть глаголами. Впрочемъ какъ ни расточаютъ теперь въ Грамматикахъ Рус-

то же самое Ломоносовское названіе съ придачею слова: *многократный*, которое здѣсь весьма не кстати; потому что Ломоносовъ за то именно и назвалъ форму ту *неопредѣленною*, что ею можетъ быть означено какъ многократное, такъ и однократное дѣйствіе; въ этомъ-то и состоитъ ея тождество съ Греч. и Лат. *imperfectum*.

* Это ужъ подлинно *небывалая* форма; т. е. ни у Ломоносова, ни у Востокова *ея не бывало*.

скаго спряженія; но оно цѣльное гнѣздится крѣпко въ головѣ Русскаго дитяти, которое потому всегда отыщеть требуемую смысломъ форму спряженія, подъ какимъ бы туманнымъ видомъ её ни укрывали. Но что дѣлать бѣдному инородцу, или Русскому его учителю! Понадобилась та, другая, третья форма спряженія; — что же, пѣть что ли ихъ у Русскаго глагола? На *нѣтъ* бы и суда не было; но вамъ говорить: ихъ не совсемъ пѣть, есть; только за этою формою пожалуйста сюда, другой поищите тамъ, а за третьей не облыните прогуляться, Богъ вѣсть куда! «Справедливо (продолжаетъ Пр. Павскій) сказалъ Краинецъ Копитаръ:» Недостатки и не правильности произошли отъ того, что у сочинителя Грамматики *недоставало здраваго разсудка*. «Желалъ бы я, чтобы Краинецъ Копитаръ не говорилъ этихъ неразумныхъ словъ, а Пр. Павскій не приводилъ бы ихъ, и особенно подъ именемъ справедливыхъ. Копитаръ былъ Краинецъ, привыкшій къ перебранкамъ, хоть напр. съ своимъ *Богемусомъ*.... Что ему нашъ великій Ломоносовъ! Но Русскому память человека геніальнаго и для науки Русской много потрудившагося должна быть священна!

Послѣ Ломоносова (5) дошла очередь и до Востокова, и вотъ ему приговоръ: «Нынѣшніе сочинители Грамматикъ согласились въ томъ, что глаголы *двигать*, *двинуть*, *двигивать*, *сдвигать* и т. п. надобно считать за четыре отдѣльныя формы глагола, однакожь и они не вовсе чисты отъ прародительскаго грѣха. Г. Востоковъ, сочинитель наилучшей нынѣшней Грамматики, сливъ въ одно спряженіе *два разныхъ глагола*: читаю и прочту (форма *читываю* забыта не Востоковымъ, а Пр. Павскимъ; значитъ, это будетъ третій *разный глаголъ*), насчиталъ для

обоихъ ихъ въ дѣйствительномъ залогѣ восемь временъ (отъ читаю и прочту у Востокова только 7-мъ временъ, осьмое же у него читывалъ), а въ страдательномъ десять (у Востокова въ спряженіи страдательнаго залога не десять временъ, но одиннадцать). Странное дѣло! Десять временъ въ языкѣ Русскомъ, который даже для трехъ временъ (настоящаго, прошедшаго и будущаго) не имѣетъ отличительныхъ признаковъ! Въ немъ, какъ и въ другихъ Словенскихъ языкахъ, не различено и будущее время отъ настоящаго, и причастіе, которое мы нынѣ называемъ прошедшимъ временемъ, по духу Словенскаго языка есть не болѣе, какъ глагольное прилагательное имя, годившееся для всѣхъ трехъ временъ. Время зависѣло отъ прибавленія глагола *есмы*, *быль* и *буду*. Можно было говорить: сотворилъ есмь, сотворилъ былъ, сотворилъ буду, какъ и теперь говорить на многихъ Словенскихъ нарѣчіяхъ.»

Хотя, по плану этого сочиненія, имѣлось въ виду воздерживаться отъ лингвистическихъ соображеній, довольствоваться лишь заимствованными, и, въ отклоненіе всякой за нихъ ответственности, помѣщать ихъ въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ: но вотъ здѣсь настаетъ неизбежная нужда показать предварительно, что Русскому языку вовсе не странно имѣть хоть, пожалуй, десять временъ, и что мы не имѣемъ ни малѣйшаго права пренебрегать Ломоносовскимъ и Востоковскимъ спряженіемъ.

Обопрусь сперва на знаменитаго языковѣда В. фонъ Гумбольдта: * Die Form aller Sprachen im Wesentlichen gleich (ist), und immer den allgemeinen Zweck erreichen muss. Die Verschiedenheit kann nur in den *Mitteln* und nur innerhalb der

* Ueber die Verschiedenheit des mensch. Sprachb S. 298.

Gränzen liegen, welche die Erreichung des Zweckes verstattet. Sie ist aber mannigfaltig in den Sprachen vorhanden, und nicht allein in den blossen Lauten, so dass dieselben Dinge, nur anders bezeichnet werden, sondern auch in dem *Gebrauche*, welchen der *Sprachsinn* in Absicht der Form der Sprache von den Lauten macht, ja in seiner eigenen Ansicht dieser Form.»

Здѣсь позволяется всякому языку *собственными средствами* составлять себѣ формы (напр. въ спряженіи), руководствуясь своимъ *слухомъ*, и употреблять готовые уже формы *по своему усмотрѣнію*. Теперь, если, по изысканіямъ современныхъ лингвистовъ, формы напр. даже богатѣйшаго Греческаго спряженія оказываются не цѣльными, литыми, а также почти всѣ склеенными, штучной работы (6); то почему Пр. Павскому не нравится наше *буду девять*? Оно ничѣмъ не хуже ни Нѣмецкаго *ich werde bewegen*, ни Латинскаго *amavero*, ни даже *amabo*, ни Греческаго $\tau\acute{\upsilon}\psi\omega$ (смотри у Боппа, Потта и др). Всѣ эти формы составлены точно также, какъ и наша, съ помощію существительнаго глагола. Пр. Павскій упрекаетъ наши будущія формы: *ступлю, брошу* и т. п. въ томъ, что онѣ своею наружностію напоминаютъ форму настоящаго; но развѣ Греческія будущія 2-ыя не тѣмъ же самымъ путемъ образовались*? Соотвѣтствіе здѣсь такъ обширно и явно, что, какъ въ Греческомъ языкѣ древнѣйшія краткія глагольныя начала частию получили значеніе будущаго ($\tau\acute{\upsilon}\psi\omega$), частию настоящаго ($\sigma\tau\acute{\epsilon}\nu\omega$ - $\sigma\tau\epsilon\nu\acute{\alpha}\zeta\omega$, $\epsilon\lambda\chi\omega$ - $\epsilon\lambda\chi\acute{\epsilon}\omega$); такъ и въ Русскомъ *брошу* стало формой будущаго при удлинненной формѣ настоящаго *бросаю*, а *блгу* (и т. п.) удержало значеніе настоящаго и при другой удлинненной формѣ *блгаю*. Въ

* Ссылаюсь на того же Морица Раппа (см. прим. 3-е), которому въ языкахъ известна вся допотопность.

Русскомъ языкѣ нѣтъ особой формы, соответствующей perfectum: но вѣдь и Лат. языкъ слилъ ее съ аористомъ въ своемъ feci; и Санскритскій, богатѣйшій и, говорятъ, древнѣйшій языкъ нашей породы, счелъ за нужное (подобно нашему) безъ нея обойтись (7), равно какъ и безъ plusquamperfectum. Въ первомъ случаѣ было удовлетворено логической ясности, требующей различенія окончанія дѣйствія отъ состоянія, какъ его результата, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пощажень чловѣческій слухъ, глубоко оскорбляющійся такими формами, каковы Санскр. *śaśaśima* (мы плясали), *dadadimahe* (мы дали), или Греч. *δεῖδαχα*. Если наши формы прошедшаго съ примѣтами *ну* и *ива* (*ива*, *а*) значеніемъ своимъ совершенно соответствуютъ Греческому аористу (какъ доказано будетъ ниже), то чего ради вырывать ихъ изъ спряженія, и строить изъ нихъ цѣлыя полкіи увѣчныхъ глаголовъ? За то ли, что они имѣютъ неопредѣленныя наклоненія? Да развѣ это наклоненіе есть привилегія формы настоящаго времени, и Греческій аористъ развѣ не имѣетъ его? Очень естественно, что Фатеръ и Таппе не понимали значенія тѣхъ нашихъ формъ и потому приняли ихъ за особые глаголы, подобно тому, какъ ученѣйшіе Нѣмцы до сихъ поръ быются съ Греческимъ аористомъ: а намъ-то, къ какой стати въ дѣлѣ роднаго языка повторять чужія недоразумѣнія! Наконецъ Прот. Павскій какъ бы неохотно уступаетъ мѣсто въ спряженіи и вообще всѣмъ нашимъ формамъ прошедшаго на *лѣ*, ради будто бы ихъ новости въ языкѣ: однако же время введенія этихъ формъ на мѣсто предшествовавшихъ имъ формъ простыхъ, (8) лежитъ, кажется, внѣ предѣловъ исторической памяти. И если языкъ призналъ ихъ полноправными формами прошедшаго времени, то и филологъ хотя-

не-хотя долженъ признать ихъ таковыми же, (9) равно какъ и аористическія формы на *нул* и *ывалъ*, которыя если бы языкъ нашъ захотѣлъ ввести въ достоинство самостоятельныхъ глаголовъ, такъ и ввелъ бы ихъ, получше Таппе, какъ онъ это и сдѣлалъ съ словами: *давать*, *бывать* и т. п.; но вдохнувъ въ нихъ самобытную жизнь, т. е. силу для составленія себѣ полнаго спряженія.

Подъ конецъ Прот. Павскій, смѣшавъ въ одно все Грамматикѣ обѣихъ партій, изгоняетъ изъ Русскаго глагола и спряженіе и виды, чтобы очистить мѣсто своимъ *степенямъ*. «Безъ нужды собравъ всё разнородное въ одну массу, сочинители нашихъ Грамматикъ наложили на себя «необходимость разбирать эту массу по частямъ и различать каждую часть особымъ именемъ. И за то сколько именъ надавали глаголамъ и ихъ отраслямъ! Напр. глаголы *длительные*; видъ *совершенный*, *начинательный*, *окончательный*, дѣйствіе *продолжаемое*, дѣйствіе *прекращаемое*; видъ *несовершенный*, *неопредѣленный*, *несовершенный опредѣленный*, *совершенный неопредѣленный*, *совершенный опредѣленный*, *совершенный однократный*. См. § 357 Простр. Грам. Греча. Тамъ же есть (§ 366) глаголы *полные*, *сугубые* и *неполные*, явно образованные и скрытно образованные. Къ чему всё это?...» Къ мученію учащихся и учащихся, — больше не къ чему! Посмотримъ же теперь, какъ поможетъ тѣмъ и другимъ Прот. Павскій; а для того поставимъ рядомъ, на одной таблицѣ, строй *видовъ* Г. Лангеншельда и систему *степеней* Пр. Павскаго (См. приложенную таблицу).

Любуясь этою таблицею, невольно вспомнишь, что Пр. Павскій называетъ систему видовъ *непроходимымъ льсомъ*. (3-е Разсужденіе стр. 209). Но въ сравненіи съ

необозримою громадою *степеней* Пр. Павскаго система видовъ представляется не болѣе, какъ уютной рощицею.

Въ систему *степеней*, устроенную Авторомъ на стр. 5-й (не извѣстно за чѣмъ), не приняты *начинательные* глаголы (постоянно обижаемые еще со временъ Таппе), стоявшіе предъ тѣмъ (на стр. 4-й) на почетномъ мѣстѣ между *продолжительными прерывистыми* и *окончательными* или *рѣшительными*. Необходимо еще вступить за однообразные глаголы. Авторъ думалъ было (стр. 5. Прим.) дать имъ мѣсто между 1-ю и 2-ю степенью; мѣсто, конечно, не ловкое: однако и этого имъ не дано, и только часть ихъ попала въ 1-ю степень.

Изъ вышеприведенной таблицы видно, что *степени* вполне соответствуютъ прежнимъ *видамъ*, однако съ слѣдующимъ различіемъ: у первыхъ двухъ видовъ по два подвѣда (не умѣю назвать иначе, а назвать нужно!); у первыхъ двухъ степеней по три подстепени (если позволять такъ выразиться); 3-й видъ совсѣмъ безъ подраздѣленій, — у третьей степени есть двѣ подстепени. Значитъ Пр. Павскій: 1) вмѣсто устарѣвшаго термина *видъ* придумалъ новый — *степень*; 2) число видовъ, степеней — тожъ, умножилъ на половину, именно вмѣсто шести ввелъ девять, и по этому случаю изобрѣлъ для новыхъ видовъ, степеней — тожъ, слѣдующія новыя названія: *рѣшительный, окончательный, мгновенный, однообразный, продолжительный, прерывистый, разнообразный, дальній* (19).

Не буду разбирать, прилично ли глаголамъ называться дальними, прерывистыми и т. д.; необходимо однако знать, что побудило Автора замѣнить прежній терминъ *видъ*, къ которому мы уже приглядѣлись было, новымъ терминомъ *степень*. «Къ этому названію», говоритъ Авторъ,

(3-е Разсужд. стр. 213) привело меня сравненіе глагола съ прилагательными именами. Въ прилагательныхъ именахъ три степени означаютъ сравнительную мѣру качествъ, въ глаголахъ степенями означается мѣра продолжительности и объемъ дѣйствія.» Тутъ мы позволимъ себѣ прервать Автора замѣчаніемъ, что вѣдь и (не прибѣгая къ сравненію глаголовъ съ степенями именъ прилагательныхъ, въ которомъ (сравненіи) прозаику отнюдь не слѣдовало бы заходить такъ далеко), (11) наши прежніе воздѣлыватели видовъ имѣли въ виду главнымъ образомъ также длительность и кратность дѣйствія, на которыхъ и основывали дробленіе спряженія на разные виды; слѣд. *степени*, по значенію, которое придаетъ имъ Авторъ, совершенно равны видамъ. «Когда отмѣчается въ глаголѣ (продолжаетъ Пр. Павскій) самое опредѣленное, тѣсно пространство (?), наималѣйшее продолженіе дѣйствія и обыкновенное явленіе, тогда я называю это *первою степенью глагола*. Когда же отмѣчается неопредѣленный, однакожъ обширный кругъ дѣйствія и явленія, тогда я называю это *среднею степенью глагола*; и наконецъ болѣе обширный и болѣе неопредѣленный кругъ дѣйствія, гдѣ оно по своей неопредѣленности какъ бы «теряется изъ виду, я называю *последнею степенью глагола*.» Здѣсь поражаютъ меня слова: «въ глаголѣ отмѣчается пространство.» Уже прежде намекали на это свойство глаголовъ отмѣчать пространство, но какъ-то мелко и вскользь. Но вотъ Прот. Павскій, первый ясно высказываетъ эту, вѣрно уже давно и у многихъ зародившуюся, мысль и на ней, какъ сейчасъ увидимъ, основываетъ отчасти свое распределеніе глаголовъ на степени. Итакъ, неужели въ самомъ дѣлѣ Русскія глагольныя фор-

мы выражаютъ не только дѣйствіе и время дѣйствія, но еще и пространство, на которомъ дѣйствіе совершается? Авторъ увѣряетъ насъ въ этомъ, вотъ его слова: «Такъ «какъ дѣйствованіе (стр. 51), страданіе и разнообразное «состояніе ихъ (существъ) умственнымъ и чувственнымъ «очамъ мыслящаго лица представляется на *извѣстномъ* «пространствѣ и въ извѣстное время, то всякій языкъ «имѣетъ особенные знаки не только для выраженія дѣй- «ствованія страданія и состоянія существъ, но и для вы- «раженія обыкновенныхъ періодовъ времени (о простран- «ствѣ тутъ умолчано; значить, выражать его глаголамъ не «всякаго языка подѣ силу!). Нашъ языкъ кромѣ сего «взялъ на себя обязанность изображать самое количество «времени, употребленнаго на дѣйствованіе, и *большую или «меньшую величину пространства.*»

Любопытно бы теперь узнать, до какой степени точности отмѣчаетъ глаголь нашъ *пространство*, на которомъ дѣйствіе происходитъ. Авторъ утверждаетъ, что глаголомъ (стр. 3) означаетъ *тѣсное пространство* или *обширное*, большое, близкое или *отдаленное*. Послѣ этого мы вправе ожидать глаголовъ тѣснаго и широкаго пространства, глаголовъ пространства близкаго и отдаленнаго; но ожиданія наши не сбываются; на слѣдующей страницѣ Авторъ говоритъ: «Въ отношеніи къ пространству глаголы бы- «ваютъ:

«а) *Однообразные*, когда дѣйствіе происходитъ по одному направленію, или совершается въ одинъ пріемъ, напр. *летѣть, скочить.*

«б) *Разнообразные неопредѣленные*, когда дѣйствіе принимаетъ разныя направленія и совершается въ разныя пріемы, напр. *летать, скакать.*

«в) *Разнообразные дальніе*, когда разнообразное дѣйствіе «происходить вдали (гдѣ-то), на неопредѣленномъ пространствѣ. Напр. хаживать, скакивать.»

Итакъ изъ всѣхъ глаголовъ, которыхъ можно было ожидать, Авторъ показываетъ лишь *дальніе*; въ *однообразныхъ* же и въ *разнообразныхъ* о пространствѣ ни слова не говорится, а говорится, тамъ *о приѣмахъ* и *направленіяхъ*. По какому случаю приемы отнесены къ пространству, не извѣстно; а слово *направленіе* Авторъ, какъ видно, принимаетъ за тождественное съ словомъ *пространство*. Но пространство есть форма всякаго конечнаго *бытія*, а направленіе есть путь *движенія**, линія, мыслимая въ пространствѣ, а не само пространство. Следовательно глаголы *однообразные* и *разнообразные*, выражающіе, по Автору, направленіе, все таки пространства не выражаютъ, и къ пространственнымъ (?) глаголамъ Авторомъ отнесены напрасно.

Остаются намъ одни *разнообразные дальніе* глаголы, объ которыхъ Авторъ прямо говоритъ, что они показываютъ дѣйствіе, происходящее на неопредѣленномъ пространствѣ, *вдали*, *гдѣ-то*, и приводитъ примѣры: *хаживать*, *скакивать*. Но развѣ *хаживать*, *скакивать*, значить скакать, ходить вдали, Богъ знаетъ гдѣ? А вотъ говорится же: *по этой дорожкѣ я хаживалъ*, *на этой скамейкѣ я скакивалъ* и т. п. И при томъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ разнообразныя дальніе глаголы означали самое обширное пространство, а *миновенные* (т. е. 1-й степени стр. 213)

* Авторъ различалъ же на стр. 2 *бытіе* и *дѣйствіе*, а слѣд. и движеніе.

самое тѣсное; то какъ же мы позволяемъ себѣ говорить: *онъ плясывалъ на канатъ*, и опять: *изъ степей Средней Азіи Монголы хлынули на Россію*? Кажется, на что тѣснѣ пространства для плясання, какъ натянутый канатъ? А вотъ употребляемъ же степень самую широкую — *плясывалъ*! А тѣсны ли степи Азіятскія, и гдѣ найдешь страну, обширнѣ Россіи? А вотъ же мы употребили самую тѣсную степень — *хлынули*!

Авторъ очень чувствовалъ эту непослушность Русскаго языка его системѣ и какъ бы укоряетъ его въ неисполненіи непрощенной имъ, а навязанной (стр. 51) ему обязанности. «Тѣсная связь (говорить онъ на стр. 4) между временемъ и пространствомъ послужила причиною тому что не рѣдко одними и тѣми же признаками отмѣчается неопредѣленное время и неопредѣленное пространство, также дальнее время и дальнее пространство. И во многихъ случаяхъ только посредствомъ нарѣчій, происшедшихъ отъ мѣстоименія, можно различать въ глаголь «время отъ пространства.» Не во многихъ лишь, а во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ пространство, на которомъ дѣйствіе происходитъ, выражается въ предложеніи словами, которыя называются *обстоятельствами* напр. *онъ хаживалъ здѣсь, тамъ, вездѣ, по доскѣ, по комнатѣ, по городу, по Государству*. «Послѣдую намекамъ генія нашего языка (заключаетъ Авторъ), который не положилъ твердыхъ границъ между различными кратами времени и пространства, *сольемъ все вмѣстѣ*, тогда окажется».... Мы уже видѣли на таблицѣ, что оказалось, когда Авторъ *слилъ все вмѣстѣ*.

Но довольно гоняться за неумовимыми видами и степенями, въ которыхъ они было затаились. Не мѣшаетъ однако сосчитать скудные плоды долготѣйшихъ странствій по многимъ и многоразличнымъ Грамматикамъ, и для легчайшаго обозрѣнія совокупить выводы всѣхъ предшествовавшихъ изслѣдованій. Итакъ

Мелетій Смотрицкій употребилъ слово *видъ*, безъ всякаго впрочемъ злаго умысла противъ полноты спряженія.* Ломоносовъ, какъ бы предвидя въцѣмъ умомъ своимъ то злоупотребленіе, къ которому можетъ подать поводъ тотъ роковой терминъ, счелъ за лучшее безъ него обойтись. Онъ писалъ Грамматику Русскую и для Русскихъ, а потому излагалъ факты языка, какими ихъ нашелъ въ живой рѣчи, и не считалъ нужнымъ ни объяснять ихъ, ни оправдывать. Первое было бы излишне, по самому назначенію его книги; касательно же втораго можно сказать, что все, существующее въ языкѣ, оправдывается уже самымъ своимъ существованіемъ. Между тѣмъ по Грамматикѣ Ломоносова стали учиться иностранцы и принялись за нее, съ предварительнымъ убѣжденіемъ въ неискренности ея составителя. Здѣсь они споткнулись на Русскомъ спряженіи и запутались въ немъ; не имѣя чутья живой рѣчи, не могли они понять разумности совмѣщенія нѣ-

* Слово: *видъ*, какъ грамматическій терминъ встрѣчается еще у Іоанна Ексарха Болгарскаго (издан. Калайдовичемъ), гдѣ объ глаголахъ говорится: «Глаголы имѣютъ: *изложенія* (наклоненія), *залогъ*, *виды*, *начертанія*, *числа*, *образы* (лица)... *Видъ* бываетъ тройкій: въ любомудріи, рѣчеточествѣ и именахъ. По свойству глаголовъ *видъ* дѣлится въ *первообразный*... и *преводный*. Подобно и *начертанія* многоразличны. Посредствомъ оныхъ мы различаемъ глаголы *простые*, *сложные* и *пресложные*....

сколькихъ глагольныхъ началъ (темъ) въ одномъ образцѣ (Paradigme). Приученные Латинск. Грамматикою видѣть въ темахъ *venire, venisse, venturum esse* различіе времени (по тогдашнему заветному воззрѣнію* и находя у себя (въ Нѣмецкомъ языкѣ) въ каждой простой формѣ неопредѣленнаго наклопенія особый, самостоятельный глаголъ, иностранцы тѣ вообразили, что Ломоносовъ, яко бы по слабости своего филологическаго образованія и по неумѣнью раздѣлять родственныя, но всё же различныя, глагольныя понятія, втискивалъ въ одно спряженіе по нѣскольку глаголовъ отдѣльных**, хотя и отъ одного корня происшедшихъ. Въ слѣдствіе того нашли они себя принужденными, оставивъ ролю учениковъ, поучить прежде самихъ своихъ учителей. Приступили къ разъятію нашего спряженія; такъ напр. глаголъ *колотъ* раскололи на три глагола: *колотъ, кольнуть, калывать*, и стали спрягать каждый изъ нихъ отдѣльно. Однако тутъ обошлось не безъ бѣды: изъ тѣхъ двухъ новорожденныхъ глаголовъ первый спрягался плохо, а второй совсѣмъ не хотѣлъ спрягаться; надобно было найти тому причину въ самомъ понятіи, ими выражаемомъ. Но какому Нѣмецкому глаголу соответствуетъ напр. наше *кольнуть*? *einstecken*,

* «Wir wollen daher, im alten Geleise, wie es bisher alle Europäischen Grammatiker thaten die *Lateinische Conjugation interpretiren*.... denn mit den Russen mehrere Formen, vom Hause aus (?) «verschiedener Verborum zusammenzuwerfen (um die Bedeutungen «der Griechischen Temporum auszudrücken) scheint uns — Verwirrung».... Kopitar's. Grammatik der Slavischen Sprache in Krain etc. Laibach. 1808. S. 302.

** Vater's Russ. Grammatik. S. XXII. 1-е изд. Tappe's Grammatik. § 103. 5-е изд.

durchstechen, ausstechen? Нѣтъ, все не то! Надобно прибѣгнуть къ описанію: einmal, mit einem Male, und sehr schnell stechen. А *калыватъ*? Безъ описанія и здѣсь дѣло не обойдется и надобно будетъ по-Нѣмецки, хоть приблизительно, выразиться такъ: oft, einst, gestochen haben. Недостатокъ формы настоящаго времени въ словѣ *колынуть* думали объяснить тѣмъ, что дѣйствіе однократное собственно не можетъ быть мыслимо во времени настоящемъ. О несостоятельности этого довода было уже говорено въ своемъ мѣстѣ; но здѣсь стоитъ еще вспомнить объ интересномъ оправданіи скудости многократнаго вида: если онъ (по толкованію Таппе и др.) не можетъ имѣть другихъ временъ, кромѣ прошедшаго, потому, что выражаетъ дѣйствіе, совершавшееся лишь въ *давнопрошедшее время*; то за что же такъ не возлюбилъ *давнопрошедшаго времени* въ Ломоносовскомъ и Востоковскомъ спряженіи. Еще въ болѣе позднѣйшій соблазнъ приведены были нововводители предложными формами нашего спряженія, и, не находя ничего подобнаго въ мірѣ Европейскихъ языковъ, безъ всякаго суда и расправы, вывели ихъ изъ спряженія и подъ видомъ совершенныхъ, окончательныхъ, длительныхъ и т. п. глаголовъ пустили ихъ въ ходъ, наравнѣ съ полноправными предложными глаголами.

Какъ мало понимали эти господа вліяніе у насъ предлоговъ на глаголы, покажетъ хоть слѣдующее напр. Таппево толкованіе* значенія предлога *у* предъ глаголами: «*У* показываетъ: *удаленіе* напр. уйти; *устройство*, напр. устроить, *убрать*; *устанавливанье*, напр. уставить; *сопротивленіе*, напр. устоять; *убѣжденіе*, напр. уговорить;

* Russ. Sprachlehre. 5-е изд. стр. 184.

убійство (!!) напр. *убить**. Сближеніе такъ называем. совершеннаго вида съ Еврейскимъ *Piel* на томъ основаніи, что у насъ *дѣлать* (неопредѣленный видъ) будто бы значить *дѣлать-не-дѣлать*, *лишь отъ дѣла не бѣгать*, — сближеніе это говорить само за себя.

Однако, по исконной нашей слабости ко всему чужестранному, мы оставили изучать свои глаголы по способу, указанному Ломоносовымъ, и принялись усердно за воздѣлываніе видовъ. Такъ какъ дѣло происходило въ области чистаго отвлеченія, далеко отъ почвы живой рѣчи; то легко было размножать виды, сколько угодно, совокуплять ихъ, для произрожденія новыхъ видовъ, дѣлать, подраздѣлять и опять соединять. Нерѣдко виды даже мѣнялись братски именами и значеніями и получили наконецъ столь общія, широкія, необъятныя, можно сказать, опредѣленія, что подъ одинъ и тотъ же видъ могли быть подводимы глаголы изъ другихъ, дружественныхъ съ нимъ видовъ, и на оборотъ, одинъ и тотъ же глаголъ въ разныхъ Грамматикахъ являлся подъ разными видами:

Заключу тѣмъ же, чѣмъ началъ, дѣльнымъ замѣчаніемъ филолога Потта, и скажу его ужъ нѣсколько по-смѣлѣ, т. е. по Русски:

«Въ этимологiи, какъ въ ученiи о формахъ.... желаніе «разлучить то, что языкъ соединилъ, и соединить то, что онъ разлучилъ, ведетъ лишь къ заблужденіямъ.»

* Съ Нѣмецкаго переведено вѣрно: Eine Entfernung, ein in Ordnungbringen, das Placiren an einem Ort, eine Widersetzung, ein auf seine Seite bringen, ein Umbringen.

II.

«Die intellectuellen Vorzüge einer Sprache be-
ruhen ausschliesslich auf der wohlgeordneten,
festen und klaren Geistes-Organisation (des)
Volkes.»

W. v. Humboldt. Ueber die Verschie-
denheit des menschl. Sprachb. S. 91.

Прот. Павскій въ § 117 своего Разсужденія о глаго-
лахъ задавалъ себѣ вопросъ: «Разстановка нашего глагола
«по степенямъ не есть ли грамматическая выдумка? Гла-
гольные отрасли *бросить, бросать, брасывать* не такое ли
«имѣютъ между собою отношеніе, какое Латинскія, такъ
«называемыя, времена: *ато, atabo, atavero, atavat,*
«*atavi, ataverat,* или Греч. *φιλέω, φίλησω, πεφίληκα?*—Вѣдь
«и въ Греческомъ и въ Лат. языкахъ всякое спряженіе
«глагола можно разсѣчь на нѣсколько частей, и назвать
«каждую часть отдѣльнымъ видомъ или особенною отдѣль-
«ною степенью глагола. Напр. Греч. глаголь *φιλέειν*, ко-
«торый даетъ отъ себя наст. время *φιλέω*, прошедшее *εφι-*
«*λεον* (сокр. *εφίλου*) можно поставить въ соответствіе съ
«нашимъ *бросать, бросаю, бросалъ*, а *φίλησαι* можетъ соот-
«вѣтствовать нашему *бросить*. У него есть свое будущее
«время и свое прошедшее: *φίλησω, εφίλησα, πεφίληκα*, точно

«также какъ у нашего глагола *бросить* есть *брошу*, *бро-*
силъ. *Брасывалъ* можно сравнить съ Греч. давнопрошедшимъ
 «ετεφιληκειν и съ Лат. amavemat. Разложивъ на части Греч.
 «и Лат. спряженіе, можно получить въ немъ по два и по
 «три отдѣльныхъ глагола напр.

	Неопред.	Настоящ.	Будущ.	Прошед.
«Греч. 1. φιλεῖν	φιλεῶ	—	ἐφιλεῶν	
«Лат. 1. amare	amo	amabo	amabam	
«Руск. бросать	бросаю	буду бросать,	бросалъ (есмь)	
«Греч. 2. φιλησαι	—	φιλησῶ	ἐφιλησα	
«Лат. 2. amavisse	—	amavero,	amavi	
«Руск. 2. бросить	—	брошу	бросилъ (есмь)	

«Нельзя отрицать, что между степенями нашихъ гла-
 «головъ и, такъ называемыми, временами родственныхъ
 «языковъ вначалѣ было большое сходство. Но въ послед-
 «ствіи въ Греч. и Лат. глаголахъ стали отмѣчать пре-
 «имущественно время, а въ Словенскихъ глаголахъ кро-
 «мѣ времени взяты во вниманіе протяжность и объемъ
 «дѣйствія (12). Отъ того Словенскіе языки, простираясь
 «далѣе и далѣе въ своемъ образованіи, разошлись съ
 «другими родственными языками, по отношенію къ гла-
 «голамъ. Случайно или неслучайно они попали на тотъ
 «же путь, который избранъ Симическими языками. Въ
 «Симическихъ глаголахъ время почти не отмѣчается, по
 «за то различными формами ихъ, образованными отъ
 «одного корня, отмѣчаются разныя *обстоятельства дѣй-*
 «*ствія*: на пр. дѣйствіе лица, переходящее на посторон-
 «нія лица (гифиль), дѣйствованіе взаимное и возвратное
 «(гитпаель), дѣйствованіе или явленіе неоднократное, уси-
 «ленное (пиль) и пр. и пр. Отъ сего происходитъ тамъ
 «нѣсколько отраслей одного и того же глагола. Въ Араб-

«скомъ языкѣ такихъ отраслей считаютъ до тринадцати. Кромѣ сего у некоторыхъ отраслей есть страдательные «залогн. Такихъ формъ глагола Арабскіе Грамматикн не «подчиняють другъ другу въ спряженіи, не смотря на «то, что онѣ суть изгибы одного и того же корня. Каж- «дой формѣ они даютъ свое отдѣльное спряженіе, ибо «всѣ онѣ стоятъ въ такомъ же отношеніи (13) къ своему «корню, въ какомъ Лат. dico, dicto, dictito къ своему dic, «и въ какомъ наши: *читать* и *читывать* (14), *нести* и «*носить*, *бросить* и *бросать* къ своимъ корнямъ *чт*, *нес*, *брос*.»

Мнѣ необходимо было выписать все это мѣсто вполне, а теперь слѣдуетъ пристально рассмотреть его, потому что здѣсь поднятъ роковой вопросъ о жизни и смерти *видовъ*, а также и подлежащаго разсужденія моего: «о *видахъ*.» Къ сожалѣнію, здѣсь лишь затронуть этотъ вопросъ и не рѣшить: потому что кто же признаетъ рѣшеніе, ровно ни на чемъ не основанное? Авторъ утверждаетъ, что Словенскіе языки, по отношенію къ глаголамъ, разошлись съ родственными Европейскими, попали на путь, избранный Симическими языками и стали отмѣчать протяжность (и объемъ) дѣйствія. Всякій согласился бы съ этимъ утвержденіемъ Автора, если бы онъ доказалъ, что въ глаголахъ родственныхъ намъ языковъ *протяжность* (и объемъ) *дѣйствія* не отмѣчается, и что въ Симическихъ гифилахъ, гитпаелахъ и пѣлахъ отмѣчается именно та протяжность (и объемъ) дѣйствія, какую Авторъ находитъ въ нашихъ видахъ (степеняхъ). Между тѣмъ объ Лат. и Греческихъ глаголахъ Авторъ отозвался глухо, что они отмѣчаютъ «преимущественно время»; значить, кромѣ времени, и еще отмѣчаютъ что нибудь; такъ что же именно? Не сказано, хотя въ нашемъ вопросѣ это-то и

есть дѣло первой важности. И опять въ объясненіи значенія гнѣла, гнѣла и гнѣла о протяжности (и объ-емѣ) дѣйствія Авторъ не говорилъ ни слова, а указывалъ на разныя *обстоятельства дѣйствія*, которыя однако выражаются у насъ залогамъ и предложными глаголами, но все же не видами. Значитъ, сходство между Симическими и нашими, такъ называемыми, видами не доказано, даже не указано; и нечего объ томъ больше говорить. Но очень стоитъ поговорить о томъ, въ какомъ отношеніи находятся наши, такъ называемые, виды (степени) глаголовъ съ временами родственныхъ языковъ. Авторъ «не отрицаетъ, что между тѣмъ и другими вначалѣ было большое сходство;» вотъ тутъ бы и слѣдовало показать: въ чемъ именно состояло нѣкогда это сходство; тогда всякій бы увидѣлъ, существуютъ ли оно еще и теперь, или оно въ самомъ дѣлѣ утрачено, какъ утверждаетъ Авторъ. Вотъ этотъ-то вопросъ я и поставлю во главу своихъ изслѣдованій, и поставлю такъ, чтобы онъ не сводилъ съ меня глазъ, пока не добыюсь ему рѣшенія. И такъ:

Формы Русскаго глагола, поставленныя Протоіереемъ Павскимъ въ *параллель Греческимъ*,* сходны ли съ ними по значенію, или нѣтъ?

* Ограничиваюсь собственно сравненіемъ формъ Русскаго глагола съ Греческими; Латинскихъ же, какъ менѣе намъ родственныхъ, коснусь развѣ гдѣ мимоходомъ. И еще необходима одна оговорка. Примеры здѣсь подобраны все такіе, изъ которыхъ бы можно было видѣть, какимъ образомъ передаются по Гречески формы нашихъ, такъ называемыхъ, видовъ: однократнаго, многократнаго и совершеннаго. Что же касается до глаголовъ, такъ называемыхъ, неопредѣленныхъ, опредѣленныхъ, несовершенныхъ и пр. и пр., то объ нихъ не можетъ быть и спору; они суть глаголы во всѣхъ отношеніяхъ полноправные.

Предпринимая рѣшеніе этого вопроса, я, по природному нерасположенію ко всѣмъ отвлеченнымъ (отъ дѣйствительности и истины) теоріямъ, намѣренъ крѣпко держаться фактовъ языка, на который не признаю апелляціи. Итакъ вотъ, на первый разъ, примѣры употребленія формъ спряженія въ Греческой рѣчи; передамъ ихъ какъ можно вѣрнѣе по Русски, а тамъ и приступлю къ выводамъ. Odyss XVII. 544—547.

— Ὡς φάτο· Τηλέμαχος δὲ μέγ' ἔπταρεν ἄμφι δὲ δῶμα
σμερδαλέον κονάβησε· γέλασσε δὲ Πηνελόπεια·
αἶψα δ' ἄρ' Εὐμαιον ἔπεα πτερόεντα προσηύδα·
ἔρχεό μοι, τὸν ξεῖνον ἐναντίον ὧδε κάλεσσον.

Такъ она молвила: Телемакъ же громко *чихнулъ* и кругомъ
по дому

страшно *отрянуло*; *улыбнулась* же Пенелопа,
тотчасъ она тутъ Евмею крылатое молвила слово:
ступай-ка ты, чужеземца тотчасъ сюда *кликни*.

— Odyss. XXII. 15. 20.

Τὸν δ' Ὀδυσσεὺς κατὰ λαιμὸν ἐπισχόμενος βάλεν ἰφ·
ἄντικρύ δ' ἀπαλοῖω δι' αὐχένος ἤλυθ' ἀκωκῇ
ἔκλινθη δ' ἑτερώσε δέπας δὲ οἱ ἔκπεσε χαιρὸς,
βληθέντος· αὐτίκα δ' αὖλός ἀνὰ ῥίνας παχὺς ἤλθεν
αἵματος ἀνδραμέοιο. θοῶς δ' ἀπὸ εἶο τράπεζαν
ᾧσε ποδὶ πλήξας.

Въ него Одиссей, въ горло *нацѣлившись*, *кинулъ* стрѣлою;
сквозъ нѣжную шею *прошло* остріе;
и *шатнулся* онъ на бокъ, а чаша у него *выпала* изъ руки,
откинувшейся: тотчасъ *хлынулъ* густой ручей
человѣческой крови: мигомъ *оттолкнулъ* онъ отъ себя столъ,
ударивши ногою.

II. XIX. 10 — 11.

Τὺν δ' Ἠφαιστοῦ πάρα κλυτὰ τεύχεα δέξο
Καλὰ μάλ', ὅς οὔπω τις ἀνὴρ ὥμοισι φόρησεν

А ты вотъ возьми-ка эти славные доспѣхи Гесфестовой
работы,
очень дивные, какихъ никогда и никто еще на плечахъ
не *нашивалъ*,

— Ibid. XX. 203. 205.

Ἴδμεν δ' ἀλλήλων γενεήν, ἴδμεν δέ τοκῆας...

ὅφει δ' οὐτ' ἄρ' πω σὺ ἐμοὺς ἴδες οὐτ' ἄρ' ἐγὼ σοὺς.

Знаемъ мы объ родѣ другъ друга и объ родителяхъ....

а въ лицо вѣдь ни ты моихъ, ни я твоихъ не *видывалъ*.

Ibid. XXIV. 767. Ἐξ οὗ κεῖθεν ἔβην...

... οὕτω σεῦ ἤκουσα κακὸν ἔπος οὐδ' ἀσύφλητον.

Съ тѣхъ поръ, какъ прибыла я оттуда, никогда ни
одного дурнаго, непригожаго слова отъ него *не слыхивала*
(не слыжала).

Odys. XIX. 135.

Ἦ μὲν πολλάι γ' αὐτὸν ἐθήησαντο γυναικες. Ну, право,
много таки женщинъ на него *засматривались*.

Odys. XIX. 341 — 342.

Πολλὰς γὰρ δὲ νύκτας ἀεικέλιω ἐνὶ κοίτῃ

ἄεσα, καὶ τ' ἀνέμεινα εὖθρονον Ἠῶ δῖαν

Вѣдь ужъ не мало ночей на жалостномъ ложѣ

сыпала я, да поджидать благопрестольной Денницы.»

Еще можно указать II. XVIII. 309; XXII. 170; XXIII. 282.

Изъ приведенныхъ примѣровъ оказывается вотъ что:

1. Наша глагольная форма на *нулъ* передается по-Гре-
чески аористомъ; такъ: *чихнулъ* = ἔπταρε, *отирнулъ* = κο-
νάβησε, *улыбнулся* = γέλασσε, *кликни* = κλέσσον, *кинулъ* =
ἔβαλε, *шатнулся* = Ἐκλινθῇ *откинувшийся* = βλήμενος.

2. Глагольные формы на *ивалъ* соответствуетъ Гре-
ческому аористу; такъ: *нашивалъ* = φόρησε *видывалъ* (ви-
далъ) = ἴδες, *слыхивалъ* (слыхалъ) = ἤκουσα, *сыпала* = ἄεσα.

Значить, обѣ наши формы прошедшаго на *нулъ* и *ывалъ* соответствуютъ Греческому аористу. Это такъ; но нельзя сказать того же наоборотъ; потому что:

3. Греческій аористъ не всегда можетъ быть переданъ одною изъ нашихъ формъ прошедшаго на *нулъ*, или на *ывалъ*; но часто долженъ быть выражаемъ предложною или безпредложною формою прошедшаго, извѣстною у насъ подъ именемъ глаголовъ вида совершеннаго, такъ: ἐπισχόμενος = *нацѣлившись*, ἦλθε = *пришелъ*, ἔκπεσε = *выпалъ*, πλῆξας = *ударивши*, и пр.; но опять нельзя сказать того же наоборотъ, потому что:

4. Безпредложныя и предложныя формы прошедшаго (названныя у Ламонсова въ спряженіи формами прошедшаго совершеннаго времени, а въ нынѣшнихъ Грамматикахъ возведенныя въ санъ глаголовъ вида совершеннаго) иногда должны быть переданы по-Гречески формою perfectum. Напр. II. VI. 57 Ἦ σὺ ἀριστα πέποιήται κατὰ δίκην πρὸς Τρώων. Право, славныя вещи *надѣлали* Троянцы въ дому у тебя.

II. V. 72 Ἐγγύθεν ἔλθων βέβληκε δούρι. Близко подошедши, *бросилъ* копье.

На основаніи этихъ предварительныхъ выводовъ расположится и планъ моихъ изслѣдованій, именно:

Дабы кто не подумалъ, что въ приведенныхъ примѣрахъ наши глагольныя формы на *нулъ* и *ывалъ* случайно лишь сошлись съ Греч. аористомъ, мнѣ должно доказать, что формы тѣ слѣдуютъ за аористомъ неотлучно во всѣхъ разнообразныхъ случаяхъ его употребленія. Онѣ объясняютъ намъ значеніе и употребленіе Греч. аориста, и, сами взаимно объясняясь имъ, свидѣтельствуютъ о родственности воззрѣній (15) у Русскаго народа съ Греческимъ. Если такъ.

образомъ форма на *нуль* (послѣ долгихъ странствій по словарямъ, и мученій, вытерпѣнныхъ ею въ Грамматику) благополучно возвратится въ спряженіе и радостно займетъ еще Ломоносовымъ указанное ей тамъ мѣсто; тогда не отстанетъ отъ нея и форма будущаго на *ну*. За тѣмъ никто ужъ конечно не сможетъ помѣшать и широкой формѣ прошедшаго на *ывалъ* сбросить съ себя позорное имя глагола недостаточнаго и занять свою прежнюю, почетную должность въ Русскомъ спряженіи, во славу Русскаго языка. Мнѣ же предстоитъ еще погрузиться въ океанъ предложныхъ глаголовъ, отобрать изъ среды ихъ формы совершеннаго дѣйствія, похищенные изъ Ломоносовскаго спряженія, и увѣриться: въ самомъ ли дѣлѣ онѣ превратились уже въ глаголы, да еще, въ совершенные, или только носятъ на себѣ *видъ* глаголовъ.

Изложеніе свойствъ и случаевъ употребленія Греч. аориста заимствую изъ Греческой Граммат. Кюнера, собравшаго въ трудъ своемъ* съ достохвальною вѣрностію все, что другими прежде него было о томъ предметѣ сказано дѣльнаго; не обойду однако молчаніемъ и возраженій, которыя встрѣтило Кюнерово ученіе объ аористахъ въ нѣкоторыхъ эллинистахъ.

«Аористъ есть форма прошедшаго времени, которую употребляютъ въ рѣчи, когда минувшее событіе хотятъ представить лишь моментаннымъ, не обращая вниманія на то, короткое или долгое время совершалось то событіе на самомъ дѣлѣ. При разсказѣ о минувшихъ событіяхъ въ Греч. языкѣ аористъ чередуется съ *imperfectum*, въ слѣд-

* Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache v. Raph. Kühner. Hannover. 1834. §. 441—445.

ствіе двойственности характера самого разсказа. Именно разсказъ состоитъ или въ простомъ перечнѣ событій и здѣсь употребляется аористъ, или въ повѣствовательномъ изображеніи, въ живописномъ представленіи событій; причемъ повѣствующій переносится въ минувшую эпоху и какъ бы собственными глазами наблюдаетъ событія (въ ихъ продолженіи), — и въ такомъ случаѣ употребляется форма *imperfectum*, называемая потому формою *изобразительною*, *описательною* (*tempus adumbrativum, descriptivum*). Употребленіе той или другой формы зависитъ единственно отъ намеренія и отъ точки зрѣнія разсказчика, смотря потому, желаетъ ли онъ представить лишь перечень событій, или изобразить ихъ обстоятельно: въ первомъ случаѣ онъ только перечисляетъ факты, приводитъ ихъ лишь въ ихъ удѣльности (*Abgeschlossenheit*), безъ взаимнаго между ними соотношенія*; во второмъ представляетъ онъ факты въ ихъ раскрытіи. Это чередованіе аориста съ *imperfectum* со-

* Въ живой рѣчи, какъ и въ самой головѣ человѣческой, не могутъ быть мыслимы нѣсколько дѣйствій, безъ взаимнаго между ними соотношенія, а развѣ только въ грамматическихъ упражненіяхъ, напр. *я покушалъ; птицы пролетѣли*; причемъ, къ сожалѣнію, вовсе не заботятся объ мыслительности ученика. Кюнеръ держался заблужденія прежнихъ грамматистовъ, паходившихъ въ спряженіи кромѣ временъ *относительныхъ* еще какія-то *безотносительныхъ* или *отрѣшенныхъ* (*tempora relativa, tempora absoluta*), къ которымъ причисляли аористъ. Пусть дѣйствія происходили въ совершенной независимости одно отъ другаго, напр. *Титъ разорилъ Іерусалимъ, а Петръ В. построилъ Петербургъ*; но я ставлю эти событія во взаимное соотношеніе уже тѣмъ самымъ, что говорю объ нихъ вмѣстѣ и слѣд., сближая ихъ у себя въ мыслн, заставляю дѣлать тоже и своего слушателя. Изъ приведеннаго самимъ Кюнеромъ примѣра видно, что аористъ точно также опредѣляетъ другія времена, какъ и самъ ими опредѣляется.

ставляетъ въ исторической картинѣ свѣтъ и тѣнь, въ отличіе главнѣйшихъ событій отъ менѣе важныхъ*. Imperfectum живописуетъ событіе, останавливаетъ и задерживаетъ на немъ наше вниманіе: аористъ же какъ бы однимъ бѣглымъ взмахомъ кисти очерчиваетъ мимолетный и не столь важный фактъ, заставляя его лишь промелькнуть предъ нашею душою (16). Такимъ чередованіемъ обихъ формъ превосходно умѣть пользоваться Гомеръ.

II. XXIII; 228 — 230.

Ἦμος δ' ἐωσφόρος εἶσι φῶς ἐρέων ἐπὶ γαῖαν
 ὄντε μετὰ κροκόπεπλος ὑπεὶρ ἄλλα χίδναιτο ἥως
 τῆμος πυρκαϊῇ ἐμαραίνεται, παύσατο δὲ φλόξ

Вотъ и Денница, свѣтопредвѣстница, идетъ надъ землею,
 а тутъ и заря разстилаетъ надъ моремъ шафранный (свой)
 покровъ;

тогда костеръ погасалъ (ужь) и стихнуло пламя...

* Нельзя навязывать аористу жалкую роль выражать лишь неважные событія; формамъ спряженія нѣтъ дѣла до важности или неважности событій; и аористомъ точно также можетъ быть представлено событіе главное, какъ любую изъ прочихъ формъ спряженія событіе постороннее. Столь же невѣрно толкованіе тѣхъ эллинистовъ, которые, сравнивая періодъ рѣчи съ картиною, утверждаютъ, будто дѣйствіе, представляемое на первомъ планѣ, выражается формою imperfect., и что аористъ отдаляетъ изображаемое имъ дѣйствіе отъ глазъ зрителя, какъ бы на задній планъ картины. Сущность значенія аориста состоитъ въ томъ, что употребляющій эту форму схватываетъ дѣйствіе въ одномъ изъ крайнихъ моментовъ (исходныхъ точекъ) его совершенія, начальномъ, или конечномъ: тогда какъ въ область нѣкоторыхъ другихъ формъ спряженія дѣйствіе входитъ всю свою средою, т. е. помимо начальной или исходной точки своего совершенія. Впрочемъ какъ въ Греч. языкѣ, такъ и въ нашемъ, дѣйствіе можетъ быть мыслимо (и выражаемо) въ одной изъ среднихъ точекъ своего совершенія (своей среды), и соответствующія тому формы въ нѣкоторыхъ Грамматикахъ называются аористическими (по не аористами).

II. XXIII, 26 — 28.

Καὶ τότε ἄρα Κρονίδης ἔλετ' αἰγίδα θυσανόεσσαν
μαρμαρέην· Ἰδὴν δὲ κατα νεφεέσσι κάλυψεν
ἀστράψας δὲ, μάλα μεγάλ' ἔκτυπε τὴν δ' ἐτίναξεν·
νίκην δὲ Τρώεσσι δίδου, ἐφόβησε δ' Ἀχαιοὺς.

И тутъ-то Кроніонъ схватился за эгиду узорочную,
блестящую; *подернулъ* Иду тучами
и *сверкнувъ*, очень тяжело онъ *грянулъ* и горою *встряхнулъ*;
побѣду Троянцамъ давалъ, (при) *пугнулъ* же Ахайцевъ.

— Xenoph. Anab. V. 4, 23. Τοὺς πελταστὰς ἐδέξαντο οἱ
βάρβαροι καὶ ἐμαχοντο. ἐπεὶ δ' ἐγγυς ἦσαν οἱ ὀπλῖται, ἐτράποντο.
καὶ οἱ μὲν πελτασταὶ εἶποντο.

Варвары *встрѣтили* (собственно : приняли на себя, встрѣ-
тили *грудью*) легкую (нашу) пѣхоту и бились (была бит-
ва); но когда и тяжелая пѣхота была близко, то *обра-
тили* тыль, а легкая пѣхота слѣдовала (за ними по пя-
тамъ).

Xenoph. Cyr I. 4, 1. Τόιαῦτα μὲν δὴ πολλὰ ἐλάλει ὁ Κῦρος,
τέλος δὲ ἡ μὲν μητηρ ἀπῆλθε, Κύρος δὲ κατέμενε, καὶ αὐτοῦ
ἐτρέφετο. Многое такое говорилъ Киръ; наконецъ мать его
ушла, Киръ же *остался* и воспитывался тамъ.

« Шли же племена
На Русь, войною угрожая!
Не вся ль Европа тутъ была!
А чья звезда ее *вела*!
По *стали* жъ мы ногою твердой,
И грудью *приняли* напоръ
Племень, послушныхъ волѣ гордой....»

«Когда» аористъ чередуется въ рѣчи съ формами:
perfectum и plusquamperfect.: то дѣйствіе хотя во всѣхъ трехъ
формахъ представляется равно законченнымъ, но въ по-

слѣднихъ двухъ оно представляется продолжающимся въ своихъ слѣдствіяхъ; притомъ же perfectum ставитъ дѣйствіе въ отношеніе къ акту рѣчи, а plusquamperfectum къ другому, также прошедшему, дѣйствию. Напр. Herod. VII; 8, 2.

Ἄλλ' ὁ μὲν τετελεύτηκε, καὶ οὐκ ἔξεγένετο αὐτῷ τιμωρῆσασθαι.

Но онъ скончался и не удалось ему *отмстить* за себя.»

Изъ приведеннаго примѣра не видно однако того различія въ значеніи аориста и perfect., какое хотѣлъ показать Кюнерь. Тετελεύτηκε состоитъ въ отношеніи къ акту говорящаго, но въ томъ же самомъ, какъ и τιμωρῆσασθαι. Далѣе, если непосредственное слѣдствіе кончины есть состояніе смерти (если только смерть можно назвать состояніемъ): онъ *теперь мертвъ*: то вѣдь и аористъ, какъ форма тоже оконченнаго дѣйствія, непременно влечетъ за собою также состояніе, напр. *ему не удалось отмстить за себя*; слѣд. онъ лежитъ теперь, неотмщенный. Да и вообще всякое дѣйствіе непременно оканчивается состояніемъ, какъ и наоборотъ состояніе можетъ быть прервано только дѣйствіемъ, въ подтвержденіе поговорки удѣльныхъ князей: миръ стоитъ до войны, а война до мира. Откровенно говоря, положеніе формы perfectum такъ шатко и ненадежно между настоящимъ съ одной стороны, и аористомъ съ другой, что, сливаясь по значенію то съ первымъ, то со вторымъ, оно весьма часто замѣнялось ими, особенно послѣднимъ, напр. хотѣ у Гомера, чему не послѣднею причиною было, конечно, и самое злозвучіе той двухъярусной формы. Раздѣльная черта между значеніемъ аориста и perfectum, проводимая Грамматиками до того тонка и неуловима, что, кажется, и сами Греки шагали чрезъ нее безъ большихъ обиняковъ. Не даромъ Латинянинъ слилъ въ своемъ perfectum обѣ тѣ Греческія формы

perfectum и аористъ, чего не упустилъ, кажется, сдѣлать и Русскій человекъ (напр. *спѣлъ*, *легло*, *лишилъ*). Но возмемъ отсюда же другой примѣръ: Isocr. de Pac. p. 163.

«Ὁ μὲν πόλεμος ἀπάντων ἡμᾶς τῶν εἰρημένων ἀπεστέρηκε· καὶ γὰρ τοὶ πενестέρους πεποίηκε, καὶ πολλοὺς κινδύνους ὑπομένειν ἡνάγκασε. Война лишила насъ всего вышеупомянутаго, и бѣднѣйшими сдѣлала и многимъ опасностямъ подвергаться *принудила*: по-Гречески лишь послѣднее дѣйствіе выражено аористомъ, а для первыхъ двухъ употреблены формы perfectum. Но гдѣ тутъ различіе, если всѣ три дѣйствія приводятся, какъ равно неспріятныя слѣдствія войны?

Употребленіе аориста вмѣсто настоящаго времени Кюперъ объясняетъ (§ 443. I.) тѣмъ, что въ подобныхъ случаяхъ выражается сужденіе, давно уже составившееся въ душѣ говорящаго, напр. Sophocl. Phil. 143. 4. Καὶ σοὶ ταῦτ' Ἀχιλλέως τέκνον, παρήνεσα. И вотъ что я тебѣ, Ахилловичъ, *посоветовалъ бы* (т. е. советую).

— Euripid. Нес. 127 6. Πολυτ: «καὶ σὴν γ' ἀνάγκη παῖδα Κασάνδραν θανεῖν. Несиба: ἀπέπτυσα! Полим. «А дочери твоей, Гекубѣ, умереть надобно!» Гекуба: «а я плюнула!» (т. е. я плюю! а мнѣ плевать!).

«Еще съ большею выразительностію (тамъ же § 443. 2.) употребляется аористъ (подобно формѣ perfectum), для означенія будущаго событія, въ неопредѣленности котораго говорящій убѣжденъ, какъ бы уже въ чемъ нибудь случившемся. Euripid. Med. 78. ἀπωλομεσθ' ἄρ, εἰ κακὸν προσοίσομεν νέον παλαιῷ. Погибли мы (т. е. погибнемъ, или, намъ погибнуть!), если къ старому злу прибавимъ новое!

Тоже самое и въ Лат. языкѣ: Cic. Fam. 12. 6. Brutus si conservatus erit, vicimus. Если Брутъ уцѣлѣетъ, мы *побѣдимъ*! (т. е. побѣдимъ, побѣда наша!). У насъ: «молчишь,

такъ ничего; а скажешь ему, — такъ онъ и разсердился (т. е. разсердится)».

Фритчъ (Kritik стр. 164) видитъ въ этомъ употребленіи аориста вмѣсто будущаго какую-то особенную скромность (!), потому что здѣсь утверждается будущее дѣйствіе, какъ бы на основаніи опытовъ прошедшаго. Для того онъ переводитъ П. XIX; 412. Εἰ μὲν κ' αὖθι μένων Τρώων πόλιν ἀμφιμάχομαι, ὄλετο μὲν μοι νόστος... Wenn ich allhier ausharrend die Stadt der Troer umkämpfe, dann war mir die Heimkehr verloren! И нескладно, и невѣрно! Мнѣ вотъ что не понятно: какъ толкователи сн хотѣть мѣрить все на аршинъ ума, и не примутъ въ соображеніе, что въ рѣчи, какъ и въ жизни, многое творится и говорится не по логикѣ ума, а по вѣльио сердца и увлеченію воображенія.

«Печальное мое сердце

Во мнѣ все пзыло.

На что было того лучше,

Какъ милый мой ласковъ!

Соколикъ мой ясный!

Высоко соколъ летаетъ:

Милый *отълзжаетъ*.

Оставляетъ меня въ горѣ,

Какъ корабль на морѣ;

Оставляетъ во кручинѣ,

Какъ корабль въ пучинѣ.

Милъ закроется горами,

Зальюсь я слезами.

«При разлукѣ, другъ любезный,

Пиши ко мнѣ письма!»

«— Я сама писать нюмью,

«Писарямъ не вѣрю!»

Папишу письмо слезами;

Пошло со слугами —
 Я съ тѣми ль са слугами,
 Съ буйными вѣтрами.
 Милый *сталъ* письмо читати,
 Не *могъ* на ногахъ стояти.»

Здѣсь говорится не о событіи минувшемъ, но объ событіи, неминуемо и неотложно предстоящемъ, такъ что основныя глагольныя формы здѣсь: *оставляетъ, отъѣзжаетъ*; всѣ же прочія, какъ ни кажутся (по грамматической логикѣ) произвольными, тѣмъ не меньше стоятъ на законныхъ своихъ мѣстахъ; потому что вѣрно передаютъ порывы тоскующаго сердца и мрачнаго воображенія. Переложу пѣсню ту въ прозу, и этого будетъ достаточно, для показанія въ ней разумной послѣдовательности глагольныхъ формъ.

«Печальное мое сердце во мнѣ все изныло, потому что можно ли было имѣть друга, ласковѣ моего! Но какъ ясному соколу не вѣчно на вѣткѣ сидѣть; родился онъ летать по поднебесью: такъ и мой теперь милый отъѣзжаетъ отъ меня. Я должна буду остаться одна, безъ всякаго утѣшенія, въ добычу горю, на пищу кручинѣ, словно корабль среди моря (т. е. вдали отъ береговъ), поглощаемый пучиною. Какъ скоро милый скроется у меня изъ глазъ, слезы скроютъ отъ меня бѣлый свѣтъ! При разставаньи милый скажетъ мнѣ: «Утѣшай себя письмами ко мнѣ!» А я ему въ отвѣтъ: «я вѣдь не грамотная, а писарямъ не хочу открывать своего мученья!» Но сама, когда мнѣ много больше не будетъ со мной, вотъ что я сдѣлаю: вылью изъ сердца убійственную скорбь свою въ жгучую слезу, подхватить еѣ буйный вѣтеръ и заронить въ сердце моему далекому другу: тутъ милый тос-

жливѣ вспомнить меня, и закружится земля подъ его ногами!»

Вотъ примѣръ употребленія аориста вмѣсто настоящаго времени:

«Не дубовые столы застучали,
Бѣлы скатерти камчатны зашумѣли,
Что серебряны приборы загремѣли:
Пдутъ мамки, пдутъ няньки со свѣчами,
А бабушка идетъ со здоровьемъ (стаканомъ вина),
Поздравляютъ Василья со дитятемъ:
«Какъ жена тебѣ сына породила,
«Государю-Царю служиваго,
«А тебѣ, сударь, перемѣна.»

Какъ странно послѣ этого читать, будто въ употребленіи аориста вмѣсто настоящаго и будущаго выражается увѣренность, скромность, даже пророчество!

«Въ повелительномъ наклоненіи (говоритъ Авторъ § 445) выбирать аористъ или форму настоящаго — зависитъ совершенно отъ намѣренія и точки зрѣнія говорящаго лица; напр. Demosth. c. Aphob. II. p. 338, 10 — 84. $\lambda\alpha\beta\epsilon\ \delta\eta\ \tau\alpha\varsigma\ \mu\alpha\rho\tau\upsilon\rho\iota\alpha\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\gamma\gamma\omega\theta\iota$ — $\lambda\alpha\beta\epsilon\ \tau\alpha\varsigma\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha\varsigma\ ,\ \kappa\alpha\iota\ \alpha\nu\alpha\gamma\acute{\iota}\gamma\omega\sigma\kappa\epsilon$. Возьми же свидетельства и прочти — возьми другія и читай (17).

Объ употребленіи аориста въ неопредѣленномъ наклоненіи (18) Кюнеръ (§ 410) говоритъ: «Послѣ глаголовъ: думать, надѣяться, говорить, клясться, желать, хотѣть, отказываться, отлагать, просить, уговаривать, повелѣвать, запрещать, препятствовать и т. п., при которыхъ дѣйствіе дополняющаго ихъ глагола можетъ быть относимо къ будущему времени, этотъ дополняющій глаголъ ставится въ неопредѣленномъ наклоненіи или будущаго и на-

стоящаго времени, или аориста, смотря потому, намѣренъ ли говорящій выразить продолженіе дѣйствія и при томъ въ будущемъ времени, или только одно продолженіе дѣйствія, не обращая вниманія на время, или наконецъ, не выставляя ни того ни другаго, означаетъ дѣйствіе лишь въ моментъ его окончанія.»

Demosthen. c. Aphob. II. p. 842. 21. Ἡ μήτηρ νῦν μὲν οἴεται τυχόντα με τῶν δικαίων παρ' ὑμῶν υποδέξασθαι καὶ τῇν ἀδελφὴν ἐκδῶσειν. Теперь моя мать, когда вы меня опрашиваете, думаетъ меня *взять*, а сестру выдать (замужъ). По-Русски оба глагола употреблены въ одинакой аористической формѣ, а по-Гречески 1-й въ аористъ, а 2-й въ будущемъ. Кюнерь толкуетъ, что аористомъ выражена здѣсь несомнѣнность надежды, а будущимъ временемъ означена зависимость дѣйствія отъ выигрыша процесса; но, по смыслу рѣчи, оба дѣйствія поставлены въ равную зависимость отъ успѣха тяжбы, и, кажется, всего проще объясняется это аористическимъ здѣсь значеніемъ самого будущаго (§ 434, 1. 3).

Herod. IX; 406. Πίστι τε καταλαβόντες καὶ ὀρκίοισι ἐμμένειν τε καὶ μὴ ἀποστήσεσθαι. Обязались вѣрнымъ словомъ и клятвою оставаться и не отступать.

Lysias c. Ergocl. p. 818. 4. Οἶμαι πάντας ὑμᾶς ὁμολογῆσαι. Думаю, что всѣ вы согласились.

Demosth. c. Aphob. fals. test. p. 860. 54. Ἐλπίζει ῥαδιῶς ὑμᾶς ἐξαπατήσας. Онъ надѣется легко васъ обмануть.

— Ibid. p. 852. 25. Βούλομαι ἐξελεῖν. Хочу улпчить.

Herod. III, 72. Οἱ μὲν γὰρ ψεύδονται τότε, ἐπεὶ τίς μὲλλοντι — κερδῆσασθαι. Одни лгутъ, думая покорыстоваться.

— Herod VI, 5. «Ἐπειτα Λεσβίους δοῦναι αὐτῷ τὰς ναῦς. Уговорилъ Лезбійцевъ дать ему корабли.

Тутъ не мѣшаетъ приостановиться и оглядѣться. Посмотримъ, что добыто и чего остается еще поискать. Перечислены всѣ случаи употребленія Греч. аориста въ наклоненіяхъ: изъявительномъ, повелительномъ, неопредѣленномъ и въ причастіи, и кромѣ того случаи употребленія аориста вмѣсто настоящаго и будущаго времени. Что же оказалось? Оказалось, что даромъ дано этой формѣ такое названіе: *неопредѣленная*; и не диво, что толкователи досыта помучились надъ ея толкованіемъ, и досель еще не перестаютъ мучить себя. До сихъ поръ видно было, что аористъ употребляется въ трехъ значеніяхъ: 1) какъ форма спряженія, для выраженія совершившагося дѣйствія, — объективно моментаннаго, т. е. такого, которое, по самой природѣ своей, совершается мгновенно, начало и конецъ котораго сливаются въ одинъ моментъ: 2) какъ форма спряженія, означающая совершившееся дѣйствіе, указаніемъ на одну начальную точку его совершенія; 3) какъ форма спряженія, выражающая совершившееся дѣйствіе указаніемъ на одну исходную, конечную точку его совершенія.

Этого мало. Сейчасъ еще увидимъ его въ такъ называемомъ учащательномъ значеніи; но теперь кончу пока о тѣхъ трехъ должностяхъ Греческ. аориста. Русский языкъ, который выше всего дорожитъ ясностію и опредѣленностію, весьма искусно отмѣтилъ тѣ три признака дѣйствія, моментанно представляемаго, распредѣливъ ихъ между тремя особыми, но не разрывно родственными (по значенію) формами. Изъ предъидущихъ примѣровъ явствуетъ, что 1) объективно моментанное дѣйствіе, дѣйствіе

само по себѣ быстолетное и мгновенное, выражается у насъ формою прошедшаго на *нулъ*; (19) дѣйствіе же субъективно моментанное, т. е. лишь представляемое моментаннымъ; передается въ нашемъ спряженіи простыми или предложными формами прошедшаго*, и притомъ: 2) дѣйствіе, совершеніе котораго обозначается лишь указаніемъ на одно его начало, выражается формою прошедшаго, сложенной съ начинательными предлогами *за, воз, по*; 3) дѣйствіе, совершеніе котораго обозначается лишь указаніемъ на послѣднюю точку его исполненія — простою формою прошедшаго (только отъ краткой темы), или сложенною съ предлогомъ *съ* и другими.

Объ формѣ прошедшаго на *нулъ*, которую да позволено мнѣ будетъ отнынѣ называть предварительно аористомъ мгновеннаго дѣйствія (до пріисканія людьми свѣдущими другаго, приличнѣйшаго, ей наименованія), не считаю нужнымъ распространяться. Всякій, говорящій по-Русски, понимаетъ ея значеніе и никогда не повѣритъ грамматисту. Тапсе съ его сподвижниками, будто она, наравнѣ съ родственною ей формою будущаго на *ну*, означаетъ какую-то особенную извѣстность дѣйствія, не сомнѣвающую въ немъ увѣренность.

Объ нашихъ предложныхъ формахъ прошедшаго, соотвѣтственность которыхъ (по значенію) аористу предыдущими примѣрами кажется мнѣ достаточно доказанною, ничего еще положительнаго сказать пока нельзя. Должно прежде отдѣлить ихъ отъ истыхъ, полноправныхъ предложныхъ глаголовъ, въ океанѣ которыхъ они потоцлены,

* Это и есть прошедшее время такъ называемыхъ глаголовъ совершеннаго вида: начинательныхъ, окончательныхъ, рѣшительныхъ и т. д.

выстроить ихъ въ рядъ и осмотреть съ подобающимъ вниманіемъ. Тогда авось удастся найти взаимное между ними сходство и различіе. Отлагая это къ концу работы, постараюсь прежде пристроить къ спряженію нашу форму прошедшаго на *ывалъ*, объ которой уже было сказано, что она соответствуетъ Греческому аористу, въ его такъ называемомъ учащательномъ значеніи. Сказанное доказать слѣдуетъ.

Кюнерь (Griech. Gram. § 442) такъ объясняетъ значеніе учащательности въ Греческомъ аористѣ:

«Такъ какъ аористъ объемлетъ всю область прошедшаго времени, безъ всякаго отношенія ко времени говорящаго, или ко времени другаго какого либо дѣйствія; то Греки и употребляютъ его для выраженія учащательности (20) и повторительности дѣйствія во времени, или для выраженія какого либо общаго мнѣнія, основаннаго на многихъ отдѣльныхъ опытахъ. Мы (Нѣмцы) выражаемъ это формою настоящаго времени; но Греки, не высказывая общаго положенія, вытекающаго изъ многократнаго опыта, приводили этотъ самый опытъ въ объективной его наглядности, и къ формѣ настоящаго времени прибѣгали лишь тогда, когда нужно было высказать положеніе, основанное на разумѣ, или хоть на опытахъ, но ужъ признанное за непреложную истину.»

Логическій переходъ отъ значенія моментанности дѣйствія въ Греч. аористѣ къ понятію учащательности, и послѣ этого Кюнерева объясненія, все таки остается темнымъ. Сверхъ того въ самомъ объясненіи есть многое такое, съ чѣмъ никакъ нельзя согласиться. Шмидтъ (Gr. aorist стр. 79.) справедливо замѣчаетъ, что и другія формы спряженія могутъ означать какъ единичныя такъ и уча-

щательныя, или обычныя, дѣйствія. Кромѣ того нельзя допустить, что *аористъ* объемлетъ всю область прошедшаго, если главное его назначеніе — схватывать одну точку въ совершеніи дѣйствія. Наконецъ, если бы аористъ означалъ дѣйствіе, безъ всякаго отношенія ко времени говорящаго, въ такомъ случаѣ для чего же причисляли бы его къ формамъ прошедшаго?

Попытаюсь въ значеніи нашей аористической формы прошедшаго на *иваль* (иваль, ѳль), найти объясненіе этому, въ самомъ дѣлѣ загадочному, явленію, и постигнуть тотъ процессъ мысли, въ слѣдствіе котораго Греки удовольствовались одною формою, для выраженія столь различныхъ свойствъ дѣйствія, каковы моментанность и такъ называемая учащательность. Нашу форму на *иваль* обыкновенно также называютъ учащательною, вѣроятно въ подражаніе Латинскимъ *verba frequentativa*, съ которыми ее всегда сравнивали. Но уже не разъ было показано здѣсь, какъ мало соответствія между Лат. напр. *dicto* или *dictito* и нашимъ *говаривать*; *dicto* значить *диктую, говорю, что писать*; тутъ еще ничего нѣтъ похожаго на *говаривать*. *Dictito* значить: *говорить часто одно и то же*, то есть часто не по числу кратъ или разъ, но по краткости промежутковъ между повтореніемъ одного и того же. У насъ это называется: *твердить, долбить*. Теперь, вмѣсто: *ученикъ твердилъ свой урокъ*, развѣ можно сказать *ученикъ говаривалъ свой урокъ*. Долго и много думавши объ истинномъ значеніи нашей формы на *иваль*, я охотно называлъ бы ее *собираательною*, т. е. формою прошедшихъ дѣйствій, мыслимыхъ собирательно; для меня, по крайней мѣрѣ, ясно сродство между этою формою и собирательными именами. Какъ здѣсь неопредѣленное количество однородныхъ пред-

метовъ сливается въ сознаниі въ одно общее, отвлеченное понятіе; такъ и тою глагольною формою языкъ подводитъ подъ одну точку зрѣнія неизвѣстное число одинакихъ дѣйствій, оставившихъ въ душѣ говорящаго одно, слышномъ общее впечатлѣніе (именно не болѣе, какъ сознание лишь бытія тѣхъ дѣйствій въ прошедшемъ времени) и чрезъ то представляющихся его воспоминанію въ безразличномъ видѣ, какъ одно моментанное дѣйствіе.

Вотъ здѣсь и есть точка соприкосновенія (по значенію) между нашими формами прошедшаго съ суффиксами *ну* и *ив*. Первою выражаются дѣйствія, только промелькивающія въ нашемъ сознаниі, въ слѣдствіе дѣйствительной быстролетности и неуловимости момента ихъ совершенія; другою формою (съ примѣтою *ив* и пр.) языкъ отмѣчаетъ дѣйствія, присущія сознанию говорящаго въ одномъ общемъ, бѣгломъ, не ясно мелькающемъ очеркѣ.

Послѣ такихъ соображеній я готовъ помириться съ Греческимъ названіемъ тѣхъ глагольныхъ формъ, *ἀριστος χρόνος*; даже можно похвалить догадливость Грековъ, умѣвшихъ найти сходство между тѣми понятіями, для выраженія ихъ одною и тою же формою; но мы должны удивиться Русской смѣтливости, постигшей различіе между ними и, для обозначенія этого различія, изобрѣтшей двѣ особыя формы. Впрочемъ взаимная связь тѣхъ двухъ аористическихъ формъ оказывается изъ того, что моментанная (какъ увидимъ ниже) перѣдко ставится вмѣсто собирательной. Кромѣ того у насъ есть намѣстникъ собирательной формы на случай, когда намъ не захочется часто повторять ту долговязую форму; это — золотое словечко *бывало*. Оно беретъ на себя обязанность выражать и прошедшее время и собирательность дѣйствія за всѣ глаголы,

стоящіе съ ней въ одномъ періодъ рѣчи; и глаголы эти говорящій имѣетъ свободу ставить въ любой формѣ спряженія; (21) напр.

« *Бывало* въ свѣтлый Бацранъ
Сберутся юноши толпою,
 Игра *смыляется* игрою» и пр.

Значитъ, послѣ того обязательнаго словечка *бывало* глаголы какъ бы слагають съ себя тяжкія глагольныя обязанности и вступаютъ въ права отглагольныхъ существительныхъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, время уже не отмѣчается, но отмѣчаются еще главныя свойства дѣйствія, которое въ нихъ представляется или совершившимся, или только совершавшимся.

«Если понятіе обычности (§ 442. Anm. I.), лежащее въ аористѣ должно быть особенно выдвинуто (выказано), или если нужно выразить *прирожденную* (?) привычку; то Греки употребляютъ глаголы φιλέει и θέλειv напр. Herod. III. 82. Ἐν δὲ ἀλιγαρχίῃ — ἔχθρα ἰδία ἰσχυρὰ φιλεῖ ἐγγίνεσθαι. Въ Олигархіяхъ бываютъ сплошь (въ Греч. *любятъ быть*) сильныя усобицы.»

Точно такъ и въ Русскомъ языкѣ, напр. *Въ молодости, кто не любитъ пошлать?* или: *Въ молодости: кто не шаливалъ?*

— «Anmerk. II. Иногда также imperfectum выражаетъ повторительность дѣйствія, но не просто, какъ аористъ, а всегда относительно къ другому, также прошедшему, дѣйствию. Аористъ показываетъ лишь вообще, что дѣйствіе повторительно случилось въ прошедшемъ времени, безъ ближайшаго его опредѣленія; imperfect. же означаетъ въ такомъ случаѣ дѣйствіе, неоднократно повторявшееся въ известное прошедшее время, опредѣляемое другимъ, такъ

же минувшимъ, событіемъ, слѣд. ни прежде сего послѣд-
няго, ни послѣ него. Напр. Demosth. c. Aph. 1 p. 834. 65.

Καὶ ὑμεῖς μὲν (sc. δικασταί) οὐδὲ τῶν εἰς ὑμᾶς ἀμαρτανόντων
ὅταν τινὸς καταψηφίσῃσθε, οὐ πάντα τὰ ὄντα ἀφείλεσθε, ἀλλ'
ἢ γυναῖκας, ἢ παιδί' αὐτῶν ἐλέησαντες μέρος τι κακείνοις ὑπε-
λείπετε. И вы (судьи), когда *бывало* осудите кого изъ пре-
ступниковъ, не все его имущество *отбирали*; но, пожа-
львши женщинъ и дѣтей, часть нѣкоторую въ ихъ поль-
зу оставляли. Прежде стоитъ здѣсь аористъ: ἀφείλεσθε,
потому что учащность этого дѣйствія выражена въ
общемъ смыслѣ (безотносительно къ другимъ?), потомъ
imperfect: ὑπελείπετε, потому что это дѣйствіе поставлено
въ связь съ первымъ, т. е. обыкновенно имѣло мѣсто не
иначе, какъ по наступленіи того перваго дѣйствія.»

Натянутость и несостоятельность этого толкованія ме-
чется въ глаза: если судьи оставляли часть конфискован-
наго у преступника имущества въ пользу его домашнихъ
не прежде, какъ отобравъ все остальное въ казну; то
вѣдь и отбирали они имущество обвиненнаго не прежде,
какъ приговоривъ его къ наказанію. Слѣдовательно ἀφεί-
λεσθε стоитъ въ той же самой связи съ καταψηφίσεσθε,
какую Кюперъ нашелъ между ὑπελείπετε и ἀφείλεσθε; и по-
слѣднему, значить, тоже слѣдовало бы стоять въ im-
perfectum. Въ Русскомъ переводѣ того Греческаго примѣра,
рядомъ съ формами моментанно представляемаго дѣйствія:
осудите, пожалъвши, слѣдующія глагольныя формы (*оста-
вляю, отбираю*), опираясь на аористическую примѣту въ
своемъ окончаніи и на предпосланное имъ словечко—*бы-
вало*, не только спокойно могутъ оставаться въ формѣ
imperfect., но и перейти, безъ всякаго вреда смыслу, въ
форму настоящаго, напр. *когда бывало осудите преступника,*

то не все его имущество отбираете, но часть некоторую и домашнимъ оставляете. Даже можно бы поставить здѣсь, безъ грѣха, и будущія формы: *отберете, оставите*, (потому что форма прошедшаго бывало распространяетъ и собирательный свой смыслъ на все предложеніе), если бы не имѣлось въ виду прогнвопоставить эти дѣйствія, въ ихъ продолженіи, тѣмъ моментаннымъ: *осудите, пожальши*.

Но что же дѣлать съ тою Греческою формою *ὑπελείπετε*, которую Кюнерь рѣшительно признаетъ за imperfectum! И съ нимъ нельзя не согласиться; форма та есть imperfectum отъ *ὑπολείπω*. Но *λείπω* можно признать за древнеудлиненную тему, въ сравненіи съ древнѣйшею и кратчайшею *λίπω*, отъ которой существуетъ аористъ II-й *ἔλιπον*. Такимъ образомъ оказываются здѣсь отъ одного корня *λιπ* три глагольные темы: 1) древнѣйшая краткая *λίπω*, 2) древнеудлиненная *λείπω* и 3) новоудлиненная *λιπᾶνω*. Это точь въ точь какъ у насъ напр. отъ корня *брос* древнѣйшее глагольное начало *брошу*, — *бросить*, древнеудлиненное *бросаю* — *бросать* и новоудлиненное *брасывать*.

Такъ и оставлю теперь ту Греческую форму *ὑπελείπετε*; она сейчасъ объяснится сама собою. Припомню здѣсь, что я былъ уже разъ въ подобномъ затрудненіи, когда, въ началѣ этого 2-го отдѣла сочиненія, приравнивая примѣрами нашъ аористъ собирательный Греческому, я наткнулся на двѣ Русскія формы imperfectum, которыя никакъ не хотѣли уступить своихъ мѣстъ аористу на *ывалъ*, въ соотвѣтствіе Греческому. Я обошелъ ихъ тогда молчаніемъ; еще рано и несподручно было объ нихъ распространяться, а теперь другое дѣло: рѣдѣетъ дремучій боръ темныхъ *видовъ*, и вотъ уже предо мною пріятно сверкаетъ прѣсвѣтъ радостнаго исхода. Такъ разсмотрю

теперь пропущенныя тогда мимо глазъ двѣ упрямыя глагольныя формы. Вотъ онѣ: Odys. XIX. 238.

Ἦ μὲν πολλαὶ γ' αὐτῶν ἐθ' ἤσαντο γυναῖκες.

Ну право, много таки женщинъ на него *засматривались*.

Odys XIX, 341—342.

πολλὰς γὰρ δὲ νύκτας ἀεικέλιω ἐνὶ κοίτῃ
ἄεσα, καὶ τ' ἀνέμεινα ἑὺθρονον Ἦω δῖαν

Вѣдь ужъ не мало ночей на жалостномъ ложѣ
сыпаль я, да *поджидалъ* благопрестольной денницы.

Въ этихъ примѣрахъ: *засматривались* и *поджидалъ* суть безъ сомнѣнiя формы imperfect. отъ глагольныхъ темъ: *засматриваюсь*, *поджидая*. Отъ чего же отъ нихъ нельзя было произвести попадобившейся мнѣ формы на *ывалъ*? Отъ того, что характеръ этой формы заключается уже въ самомъ составѣ тѣхъ глагольныхъ темъ. Изъ нихъ предположительная тема *жидаю* есть древне удлинненная отъ *жду* (подобно тому, какъ *λείπω*, *φεύγω* отъ *λίπω*, *φύγω*) и не терпитъ уже новаго удлинненiя; другая *засматриваюсь* есть тема, составленная изъ предлога и новоудлинненнаго начала, и еще разъ уже не можетъ быть удлиннена, не въ осудъ Чешской формъ *dawawawal*. Ломоносовъ производилъ подобные глаголы отъ собирательныхъ аористовъ (давно-прошедшаго I-го) въ глаголахъ кратчайшихъ; и въ самомъ дѣлѣ, въ словахъ *ожидая*, *засматриваюсь* чувствуется аористичность значенiя, а потому-то у нихъ imperfecta отправляютъ должность и собирательнаго аориста, для образо-

* Мнѣ нравится наиболее Ломоносовское названiе этого времени *прошедшее неопредѣленное*; но оно предано незаслуженному забвенiю; и теперь нужно не мало хлопотъ, чтобы обновить его.

ванія котораго имъ, было бы нужно растянуться въ безконечность и говорящему растянуть ротъ до ушей (засматрививаль). По эти глаголы съ древне-и новоудлиненными началами встрѣтими въ спряженіи своемъ еще другое важное препятствіе; при образованіи аориста моментаннаго дѣйствія, которое никакъ не вязалось съ ихъ растяженною приставкою. Въ этомъ затрудненіи они извернулись точно также, какъ Латинскія *inchoativa* на *seo*, отказавшіяся отъ своего суффикса, для полученія себѣ формы *perfect.* (*rubesco-rubui*), или какъ Греческія удлиненныя темъ, пожертвовавшія своего примѣтою *υο*, для образованія аористовъ (*δεδεικνυμι* — *ἔδειξα*), или наконецъ, какъ наши начинательные на *путь*, разставшіеся съ этимъ суффиксомъ, при вступленіи въ форму прошедшаго длительного. Такимъ образомъ и въ спряженіи нашихъ древне-и новоудлиненныхъ темъ (точно такъ какъ и въ Греческомъ) очутились формы, произведенныя отъ древнихъ, краткихъ началъ: *засматривался*, *засмотрѣлся*; *ожидая*, *ожидалъ*, *обождая* (народн.).

«Въ слѣдствіе (Kühners Gr. Gr. § 442. 2) означенія Греч. аористомъ учащательности минувшаго дѣйствія, употребляютъ его также и при сравненіяхъ. Такъ какъ цѣль сравненій — нагляднѣе представить событіе, то они и заимствуются отъ дѣйствій, извѣстныхъ всякому изъ собственныхъ многократныхъ наблюденій, и, при изображеніи такихъ дѣйствій, употребляется поэтами обыкновенно аористъ, вмѣсто настоящаго времени.» *Ант. 3.* «Кромѣ аориста и настоящаго времени поэты употребляютъ также и будущее.» По моему такъ Кюнерь напрасно усиливается показать учащательность дѣйствія въ аористѣ и формъ будущаго, употребляемыхъ при сравненіяхъ. Самъ же онъ

въ началѣ параграфа говорилъ, что Греки, не высказывая общаго положенія, вытекающаго изъ многократнаго опыта, приводили этотъ самый опытъ въ объективной его наглядности, а слѣдовательно въ его единичности. Изъ приведенныхъ Кюнеромъ примѣровъ мы сейчасъ увѣримся въ сродствѣ аориста собирательнаго съ аористомъ дѣйствія, въ самомъ себѣ моментаннаго, или только моментанно представляемаго (21). II XVI. 482. Ἦριτε δ' ὡς ὅτε τις δρυς ἤριπεν. И *рухнуло* онъ, словно дубъ какой *рухнуло* (рухнетъ).

— Theocr. XIII. 61. Ὡς δ' ὅπῃ ἡϋγέναιος λῆς ἐσακούσας νεβρῷ φθεγγαμένος ἐξ εὐνῆς ἔσπευσεν ἐπιμοτάταν ἐπὶ δαῖτα. Ἠρακλῆς τοιοῦτος. Словно левъ бородатый, заслышавъ молодую блеющую лапъ, *рунулся* изъ пещеры на готовую пирушку: такъ Геркулесъ....» Приведу и отъ себя нѣсколько примѣровъ какъ моментаннаго аориста такъ и формы будущаго, употребляемыхъ въ смыслъ собирательномъ. II. II. 147.

«Ὡς δ' ὅτε κινήσει Ζέφυρος βαθὺ λήϊον. Словно какъ Зефиръ заструитъ (пошатнетъ) высокую жатву.

Odys. XIX. 515.

Αὐτὰρ ἐπὴν νύξ ἔλθῃ, ἔλθῃ τε κῆϊτος ἅπαντας κεῖμαι ἐνὶ λέκτρῳ. Но когда придетъ ночь и сонъ одолѣетъ всѣхъ, лежу я въ постель....» Это напомнило мнѣ чудные стихи Пушкина:

«Когда для смертнаго *умолкнетъ* шумный день,
И на тѣмные стогны града
Полупрозрачная *наляжетъ* ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ отрада;
Въ то время для меня *влачатся* въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья...»

Въ народной Русской Поэзіи это любимый оборотъ — сопоставленіе сравниваемыхъ дѣйствій въ одинаковой глагольной формѣ:

*«Разсыпался крупень жемчугъ по атласу,
Замылась душа дѣвица слезами.»*

Въ прозѣ это выйдетъ такъ: «слезы покатились по нѣжнымъ щекамъ милой дѣвицы: такъ крупный жемчугъ *разсыпается* по атласу.» Еще употребительнѣе этотъ оборотъ при сравненіяхъ въ формѣ отрицательной; напр.

*«Какъ не громъ передъ тучею грянулъ,
Троица — пушка разродилась.»*

Впрочемъ при короткихъ сравненіяхъ всего обыкновеннѣе ставится одинъ глаголъ для обоихъ сравниваемыхъ предметовъ, напр.

«Ты душа моя Н.

*Городомъ прошла — зарею (т. е. съ веселымъ и ласковымъ
лицемъ),*

*Ко двору пришла — тучею,
Вдарила въ ворота — бурей»*

А вотъ примѣръ употребленія формы будущаго въ сравненіяхъ:

*«По немъ мать плачетъ, какъ рѣка льется,
А сестра плачетъ, какъ ручей течетъ;
Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ:
Красно солнышко взойдетъ, — росу высушитъ.»*

Кончивъ объ глагольныхъ формахъ съ примѣтами *нуль* и *ивалъ* (иваль, аль) и посильно доказавъ ихъ (и отча-

сти предложныхъ глагольныхъ формъ) соответствіе Греческому аористу въ разнообразныхъ его значеніяхъ, а слѣд. и принадлежность ихъ къ спряженію а не къ Словарю, долженъ я теперь перейти къ прочимъ, такъ называемымъ, видамъ глаголовъ.

Между глаголами опредѣленнаго и совершеннаго простаго (безпредложнаго) видовъ нахожу я совершенное сходство по происхожденію, равно какъ и между соответствующими имъ съ одной стороны неопредѣленными, и съ другой несовершенными простыми глаголами. Первые (глаголы опредѣленные и совершенные простые) суть краткія и, вѣроятно, древнѣйшія глагольныя темы; вторые же да позволено мнѣ будетъ называть удлинненными въ первый разъ, или короче, древнеудлинненными, въ отличіе отъ глагольныхъ началъ третьяго рода, въ которыхъ коренная тема является еще болѣе удлинненною, напр. *хватить*, *хватать*, *хватывать*; *бросить*, *бросать*, *брасывать*. Эти послѣднія, или новоудлинненныя, глагольныя начала въ Русскомъ языкѣ никогда не встрѣчаются съ характеромъ самостоятельныхъ глаголовъ, но съ одной стороны даютъ отъ себя форму прошедшаго (собирательнаго дѣйствія) въ спряженіе первообразныхъ и второобразныхъ глаголовъ*, съ другой употребляются, для составленія глаголовъ предложныхъ.

Возьму теперь для ближайшаго разсмотрѣнія нѣкоторые изъ упомянутыхъ глагольныхъ темъ:

* Такъ можно бы называть глаголы съ краткою и древнеудлинненною темами, но тогда предложные глаголы съ новоудлинненною темою пришлось бы назвать третьеобразными, а это слово звучитъ какъ-то дико.

Краткая тема 1-е удлинение корней 2-е удлинение корней
 ной темы ренной темы.

1. Бѣгу (φύγω fut. II.) бѣгаю φεύγω (бѣгиваю) φυγάνω
 бѣгаю бѣгаю
2. Влеку } ἐλκω влачу } ἐλκέω (влекаю) ἐλκυσ-
 волоку } волочу } ἐλκύω (волакиваю) τάζω *
3. Валю (ἀλίω) валяю ἀλινδέω (валиваю)
4. Лечу πέτομαι летаю ποτάομαι ** (летьиваю)
5. Плыву πλέω (ко- плаваю πλώω (плаывиваю) πλωίζω.
 рень πλυ плаваю пльиваю)
6. Несу φέρω (νίσο- ношу (φρρέω **** (нашиваю).
 май *** маю маю)
7. (Брошу) ῥίπτω бросаю {ριπτέω (брасываю).
 (ῥάσσω *****) {ριπτάζω
8. (Дѣну) δύνω (futur) дѣваю δύνω
9. (Паду) πίπτω падаю πινέω (падаю).

* II. XXIV. 21. *Μὴ μιν ἀποδρυφοὶ ἐλκυστάζων.* Чтобъ онъ, волочал, (народн.) не ободралъ его (не повредилъ бы на немъ кожи).

** II. XXI. 462. *Ἐνθα καὶ ἐνθα ποτῶνται.* Летають (души въ аду) туда и сюда.

*** Въ Греческ. языкъ есть форма *νίβομαι* futur. отъ *νίβομαι* несусь, ношусь; также *νείβομαι* futur. отъ *νείβομαι*. Встрѣчаются формы эти лишь въ подписяхъ и у древнѣйшихъ писателей. II. XIII. 186. *ὁ δ' Ἀμφίμαχον νισβόμενον πολεμόν δὲ, κατὰ στήθος βάλε δουρί.* Амфимаху же, несущемуся въ бой, копье ударило въ грудь.

**** *Ἰμάτιον, τριβώνιον, δαντύλιον φορεῖν.* Носить епанчу, рубище, перстень. Lobbeck's *Phrynichus*. 585.

***** Нашъ корень *брос* отзывается въ Греческ. *ράσσω, ἀράσσω*, напр. *πέτραις, λίθοις*, бросать камнями; *πρὸς τὸ ἔδαφος* бросать на землю. Греческому же *ῥίπτω* соответствуетъ въ-роятно, наша форма *ринуть*; *ῥίπτω*, по объясненію древнихъ: *μετὰ σφοδρότητος ῥίπτειν*; но *ῥιπτάζω* форма учащательная: Aristoph. *Lys.* 27. *πολλὰς ἀγρυπνίας ἐῤῥιπτασμένον.* Въ безсонницѣ бросавшагося (метавшагося) по кровати.

Изъ этого сравненія глагольныхъ темъ Русскихъ и Греческихъ оказывается:

1. Въ обоихъ языкахъ краткія (древнія) глагольныя темы, отзывающіяся въ аористахъ: ἔδωκον, ἔλαβον; бросилъ, пустилъ, или вступили въ спряженіе въ должности формъ будущаго: φανῶ, δόσω; брошу, пушу, при удлиненныхъ настоящихъ: φαίνω, δύνω; бросаю, пускаю.

2. Или удержались въ формъ настоящихъ, рядомъ съ удлинненными, отъ того же корня, темами, которыя получили чрезъ то нѣсколько видоизмѣненное значеніе, напр. φέρω, φέρεω; несу, ношу.

3. Нѣкоторые изъ древнеудлинненныхъ темъ пошли въ спряженіе не иначе, какъ въ сопровожденіи предлоговъ, напр. куплю, покупаю; шлю, посылаю; ἀποδίδράσκω, ἐξετάζω, ἀφικνέομαι. Въ слѣдствіе того:

4. Въ спряженіи древнихъ, краткихъ темъ, удержавшихся въ формъ настоящаго, аористъ дѣйствія моментанно представляемаго, совпадаетъ по формъ съ imperfectum, напр. несъ, летѣлъ, шелъ; ὄνσμεν, ἐπлето (отъ τέλομαι), ἔφερον, ἐπτόμεν или ἐπτάμεν и пр.

5. Точно такъ у насъ и въ спряженіи предложныхъ глаголовъ, произведенныхъ отъ новоудлиненной темы, imperfectum совпадаетъ по формъ съ аористомъ собирательнаго дѣйствія, напр. прозвѣдывалъ, развивалъ; подобно тому, какъ въ Греческомъ языкѣ учащательный суффиксъ εσκον, ασκον употребляется то для образованія формы Imperfectum, напр. χαλε-έσκον, то аориста II-го, напр. βλάσκε, то аориста I-го ἐλάσασκε.

Касательно значенія глаголовъ такъ называемаго опредѣленнаго вида (23), къ объясненіямъ, встрѣчающимся въ каждой хорошей Грамматикѣ, прибавлю еще, что глаголы

эти часто выражаютъ, даже и въ настоящемъ времени, именно дѣйствіе моментанно представляемое, какъ бы помня ту обязанность, которую бы они должны были постоянно нести, если бы не образовали для себя особаго спряженія. Напр. *Посмотри: онъ плыветъ сюда; посмотри, какъ онъ хорошо плаваетъ.* Въ первомъ случаѣ дѣйствіе схватывается лишь въ одномъ его моментъ, потому что довольно одного взгляда, что бы увидѣть направленіе плывущаго; во второмъ случаѣ дѣйствіе наблюдается пристально, продолжительно: что бы убѣдиться въ искусствѣ пловца, необходимо наблюдать плаваніе въ его продолженіи, остановивъ на немъ вниманіе.

Приступаю наконецъ къ предложнымъ формамъ спряженія, которыя преимущественно ввели въ соблазнъ иностранныхъ и потомъ туземныхъ противниковъ Ломоносоваго спряженія, справедливо замѣчавшихъ, что спряженіе глаголовъ сложных не должно быть смѣшиваемо съ спряженіемъ глаголовъ простыхъ. Что бы провести раздѣльную черту между этими обоими спряженіями, слѣдовало бы переглядѣть всѣ наши предложныя глагольныя формы, отъ первой и до послѣдней. Правда, число ихъ простирается до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, но безъ тщательнаго ихъ осмотра нельзя было еще отвергать ученія Ломоносова объ Русскомъ глаголѣ, и вымышлять теоріи, которыя, разоривъ наши глаголы, въ замѣну ихъ дали намъ лишь виды глаголовъ. Въ нижеслѣдующемъ опытѣ разысканія о предложныхъ глаголахъ и предложныхъ формахъ спряженія, при всякомъ, такъ называемомъ глаголѣ совершеннаго вида, я изслѣдую, существуетъ ли полный глаголъ съ формою настоящаго, произведенною отъ древне или новоудлиненной темы, въ сложеніи съ тѣмъ.

же самымъ предлогомъ. И если такой глаголъ, обыкновенно называемый въ Грамматикахъ несовершеннымъ, окажется на лицо, то къ спряженію его и отсылаю ту предложную форму; если же не нахожу соответствующаго ей полнаго предложнаго глагола; то выписываю ее, обсуживаю ея значеніе, чтобы рѣшить: должна ли она вступить въ спряженіе глагола простаго, или удержать свою независимость, подъ видомъ совершеннаго, то есть недостаточнаго, глагола.

Ломоносовъ упоминаетъ объ 10-ти предлогахъ, прилагаемыхъ къ глаголамъ, Востоковъ объ 16-ти, Прот. Павскій насчитываетъ 21 предлогъ; но какъ у него *о* и *об* (3-е Разсуж. стр. 78) приняты за два разные предлога, то оказывается всего 20 предлоговъ, производящихъ, по ученію Грамматики, вліяніе на времена глаголовъ.

1. *Въ.*

Оказался только одинъ глаголъ (по осмотру всѣхъ, слагающихся съ этимъ предлогомъ) уже самъ по себѣ недостаточный, это—*ринуться*, отъ котораго нѣтъ удлиненной формы, въ сложеніи съ предлогомъ *въ*. Впрочемъ формы *вринулся*, *вринусь* мало употребительны, и вмѣсто нихъ обыкновеннѣе: *вторгнулся*, *вторгнусь*, принадлежащія къ спряженію глагола *вторгаюсь*.

Такимъ образомъ предлогъ *въ* никогда не прилагается къ краткой темѣ, но къ древнеудлиненной, напр. *вношу*, *ввожу*, или къ принятой за таковую, напр. *вхожу*. Впрочемъ эта древне-удлиненная тема принимается иногда въ значеніи краткой, и въ такомъ случаѣ берется ново-удлиненная тема, къ которой предлогъ и прилагается, напр. *катаю*, *валяю* — *вкатываю*, *вваливаю*. То же самое дѣлается, ко-

гда древне-удлиненной темы совсѣмъ не существуетъ, напр.
люю — *вливаю*.

Мнѣ возразить, что я смѣшиваю въ одномъ спряженіи два разныхъ глагола: *вводить* и *ввестъ*, *вносить* и *внести*, *входить* и *войти*, *вгонять* и *вогнать*. Но если *εἰσάγω* и *εἰσῆγαγον*, *εἰσφέρω* и *εἰσήνεγκα*, *εἰσβαίνω* и *εἰσέβην*, *εἰσελάυνω* и *εἰσέλασα* принадлежать къ одному спряженію; то по какой причинѣ у насъ формы: *ввелъ*, *внесъ*, *вошелъ*, *вогналъ* не будутъ принадлежать къ спряженію глаголовъ: *воожу*, *вношу*, *воожу*, *вгоняю*? Скажутъ, что приводимыя мною формы прошедшаго произведены отъ другой темы, или даже отъ другаго корня. Но развѣ *εἰσέβην*, *εἰσέλασα* произведены не отъ кратчайшей же темы, въ сравненіи съ своими настоящими, и развѣ *εἰσῆλθον* (вошелъ) одного корня съ *εἰσέρχομαι*, или *εἰσήνεγκα* съ *εἰσφέρω*, или *intuli* съ *infero*? И еще ближе; у насъ же самихъ въ спряженіи глаголовъ: *есть*, *иду* формы прошедшаго: *былъ*, *шелъ* произведены тоже отъ другихъ корней. Итакъ, если языкъ соединяетъ въ одномъ спряженіи формы, произведенныя отъ разныхъ, но къ одному корню принадлежащихъ, темъ, или даже отъ совершенно разнородныхъ темъ; то въ этомъ языкъ самовластенъ, и филологъ долженъ безпрекословно слѣдовать его указаніямъ; иначе ввести онъ въ непосходное затрудненіе и себя и учащихся. Какъ напр. докажетъ онъ, что въ формахъ *вводить* и *ввестъ*, выражаются два различныя понятія? Но каждый легко можетъ доказать, что въ понятіи о дѣйствіи между теми двумя формами нѣтъ различія ни на волосъ. *Ввоожу* есть несомнѣнный глаголъ и означаетъ направленіе дѣйствія (выражаемаго корнемъ *вед*—*вод*) во внутрь предмета. Теперь, пусть же укажетъ кто нибудь, какое особенное, видоизмѣненное поня-

тіе виражаєть форма *веду*! Ясно, что она означаетъ лишь совершеніе въ будущемъ времени того же самого дѣйствія, которое выражено глаголомъ *воожу*, а потому должна быть отнесена къ его спряженію. Тогда въ спряженіи глаголовъ, сложенныхъ съ предлогомъ *въ*, окажутся слѣдующія формы:

1. Вплываю } настоящее.
Възжаю }
2. Вплывалъ } imperfectum, а вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, и
Възжалъ } plusquamperfectum.
3. Вплылъ } aorist и вмѣстѣ perfectum.
Въехалъ }
4. Буду вливать } будущее дѣйствія продолжаемаго.
— възжать }
5. Вплыву } будущее совершенное,
Въеду } Futurum exactum.

Отъ древнеудлиненныхъ темъ: *плаваю*, *пъжу* можно про-
извести лишь = формы: *вплавался*, *въздился*, и еще *впла-
ваюсь*, *въпъжусь* т. е. привыкъ или привыкну къ плава-
нію, къ ѣздѣ, такъ что не чувствую уже, или не буду
чувствовать отъ нихъ непріятности. По значенію, формы
эти надобно считать прошедшимъ и будущимъ совершен-
ными, потому что онѣ выражаютъ состояніе дѣйствую-
щаго лица, образовавшееся въ немъ, въ слѣдствіе много-
кратнаго окончанія того же дѣйствія. Но можно ли отне-
сти эти формы: *въздился*, *вплавался* къ спряженію гла-
головъ *възжаю*, *вплываю*? Нѣтъ, потому что здѣсь пред-
логъ *въ* не показываетъ направленія дѣйствія, но, такъ
сказать, успѣхъ дѣйствующаго лица въ самомъ дѣйстви,
въ слѣдствіе многократнаго его повторенія. По-Нѣмецки
тоже говорится: *ich habe mich eingelebt*, я вжился, т. е.
привыкъ къ извѣстному житію. И у насъ, какъ изъ дру-
гихъ примѣровъ видно, успѣхъ въ дѣйстви можетъ быть

принимается, какъ видоизмѣненное понятіе того самаго дѣйствія, напр. *вчитываюсь*, *впиваюсь*, *въздаюсь*. Слѣд. и отъ формъ: *въздился*, *вплавался* должны существовать *възжисываюсь*, *вплавываюсь*; и если послѣднія мало употребительны, то и первыя не больше. Замѣчу же себѣ, что въ подобныхъ случаяхъ (при означеніи успѣха въ дѣйствіи) глаголь дѣйствительный превращается въ возвратный, или собств. въ общій — *medium*, и что предлогъ *въ* прилагается въ такомъ смыслѣ лишь къ тѣмъ темамъ, къ которымъ онъ, для означенія направленія дѣйствія, прилагается быть не можетъ; потому что совсѣмъ неупотребительны формы: *възжду*, *вплаваю*, а *вчитаю*, *възмъ*, *воплю* даже и по смыслу невозможны.

Отсюда также вытекаетъ доказательство, что для видоизмѣненія понятія коренной темы, предлогъ прибавляется не къ ней, но къ удлинненной. Есть глаголы: *впиваю*, *впадаю*, *вбѣгаю*, но формы: *воплю*, *впадаю*, *вбѣгаю* невозможны. Значитъ предложные глаголы съ удлинненною темою уже въ спряженіи берутъ къ себѣ на помощь краткую тему, прилагая къ ней свой предлогъ. Такъ напр. глаголамъ *вбѣгаю*, *впадаю* понадобились формы оконченаго дѣйствія въ прошедш. и будущемъ времени, и они взяли ихъ отъ короткихъ темъ: *бѣжать*, *пасть*, и образовали себѣ формы: *вбѣжалъ*, *впалъ*, *вбѣгу*, *впаду*; глаголу же *впиваю* такой формы не понадобилось, такъ она (*впить*) и не существуетъ. Точно также глаголь *вчитываться*, какъ бы забывъ, что коренная его тема есть *читу*, *челъ*, и принимая уже удлинненную тему *читаю* въ качествѣ краткой, образовалъ себѣ изъ ней формы оконченаго дѣйствія: *вчитался*, *вчитаюсь*; и такимъ образомъ *вчесться* осталась формою невозможною.

Итакъ , если древнеудлиненная тема неспособна сама по себѣ соединиться съ предлогомъ *въ* , напр. *кланяюсь*, *волочу*, *ворочаю*, *плаваю*, *сажаю*, *пѣжду*, *валяю* и т. п., то языкъ образуетъ вторично-удлиненную тему и такимъ образомъ получаются глаголы: *еваливаю*, *всаживаю*, *вворачиваю*, *вволакиваю* и пр. Эти послѣдніе глаголы , на равнѣ съ древнеудлиненными , безъ предлога неупотребительными, напр. *влагаю*, *вбираю*, *вжимаю* и т. п. уже неспособны дать отъ себя, особой формы для аориста собирательнаго дѣйствія, для котораго имъ слѣдовало бы въ 3-й разъ удлиниться.

Но здѣсь впутывается еще удлиненная тема съ примѣтою *а*, постоянно держащею надъ собою удареніе. Иногда принимается она у насъ въ качествѣ вторично удлиненой и не допускаетъ образоваться употребительнѣйшей темѣ съ характеромъ *ыв*, *ив*, напр. *берегаю* (съ, по, при, о, у), *блюдаю* (на, по, со), *бираю*, *вергаю*, *вираю* (отъ вру), *вѣдаю* (отъ), *взлаю* (у), *губаю* (отъ), *губаю* (по), *гнетаю*, *греблю*, *дираю*, *жизаю*, *живаю*, *жидаю*, *жизаю*, *жизаю*, *жизаю*, *жизаю*, *жизаю*, *жизаю* — *здаю*, *знаваю* — *знаю*, *нимаю*, *кладаю*, *клинаю*, *кривляю*, *лищаю*, *лыаю*, *минаю*, *мираю*, *могаю*, *падаю*, *пасаю*, *пекаю*, *пинаю*, *пираю*, *плѣняю*, *прощаю*, *прягаю*, *пускаю*, *пѣваю*, *рекаю*, *роняю*, *ростаю*, *рушаю*, *рѣтаю*, *рѣщаю*, *свѣтаю*, *сыпаю*, *стигаю*, *стилаю*, *стонаю*, *стираю* (отъ стру), *стерегаю*, *сыкаю*, *текаю*, *тыкаю* (отъ тку), *топлю*, *топлю* (тону), *цвѣтаю*, *чиваю*, *чинаю*, *пдаю*, *являю*. Всѣ эти темы слѣдуютъ непосредственно за древними краткими, и могутъ быть потому названы древнеудлиненными, хотя исключаютъ и замѣняютъ собою новоудлиненные.

Но есть темы съ этою же примѣтою *а* въ своемъ окон-

чаніи, которыя однако отстоятъ отъ глагольнаго корня на двѣ степени, т. е. между ними и корнемъ есть двѣ темы: древняя краткая и древнеудлиненная, напр. *блгѣю* (бѣгу, бѣгаю), *влекѣю* (влеку, влечу), *лѣзаю* (лѣзу, лажу), *ползѣю* (ползу, ползаю). Эти терпятъ при себѣ и новоудлиненныя темы съ характеромъ *-ив*, *-ив*. Въ сложеніи съ предлогами, первыя, кажется, выражаютъ единичное дѣйствіе, а послѣднія учащательное, или обычное, напр. *переползѣю* и *переползѣваю*, *перелѣзѣю* и *перелѣзѣваю*.

Наконецъ: *борѣю*, *калѣю*, *кладѣю*, и пр. хотя непосредственно слѣдуютъ за древними краткими темами, но какъ бы приравниваются формою съ новоудлиненными и отличаются отъ нихъ переноснымъ своимъ значеніемъ, напр. *поборѣю* и *поборѣваю*, *закалѣю* и *закалѣваю*, *закалѣю* и *закалѣваю*, *закладѣю* и *закладѣваю*.

2. Воз.

Слѣдующіе глаголы принимаютъ этотъ предлогъ въ прошедшемъ и будущемъ времени, для выраженія начала дѣйствія; изъ нихъ первые 5 въ народной рѣчи едва ли употребительны съ этимъ предлогомъ: 1) *Алчу-алкаю*, 2) *блистаю* — *блещу*, 3) *дѣйствую* (есть и другое значеніе въ словѣ *воздѣйствую*, т. е. дѣйствую обратно; въ такомъ случаѣ это форма настоящаго), 4) *сяду* — *сѣлѣ*, 5) *трепещу*, — *трепеталѣ*, 6) *молюсь*, 7) *кланяюсь*, 8) *плачусь*, 9) *рыдаю*, 10) *дремлю*, 11) *думаю*, 12) *мужаю*, 13) *пылаю*, 14) *волную*, 15) *негодую*, 16) *радуюсь*, 17) *брежу*, 18) *бѣжусь*, 19) *веселю*.

Касательно принятія этого предлога глаголами съ древнеудлиненною темою, должно повторить тоже самое, что сказано объ ихъ сложеніи съ предлогомъ *въ*. Для тѣхъ

изъ нихъ , которыя сами по себѣ вовсе неспособны соединиться съ предлогомъ *воз* напр. *бѣгаю, пѣдаю, ползаю*, или, принявъ его, не могутъ удержаться въ ряду полноспрягательныхъ глаголовъ , напр. *волочу, ворочаю, вѣшаю, катаю, ломаю, таскаю* и пр. составлены вторично удлинненныя, или новоудлинненныя темы: *взволакиваю, взворакиваю, взвѣшиваю, взламываю* и пр.

3. *Вы.*

Нашлось лишь 4 глагола, отъ которыхъ удлинненныя темы, въ сложеніи съ этимъ предлогомъ, сомнительны: *выжелобить, выжелотить, вызеленить, выклеить*. Если въ самомъ дѣлѣ нѣтъ словъ: *выжелобляю, вызелениваю* и пр., то формы тѣ должно считать формами совершеннаго дѣйствія въ спряженіи соответствующихъ имъ глаголовъ простыхъ.

Изъ древнеудлинненныхъ глагольныхъ темъ слѣдующія принимаютъ этотъ предлогъ (означающій при нихъ направление дѣйствія изнутри предмета, подобно *из*): *бываю, возжу* (характ. *д*), *вожу* (характ. *з*), *гоняю, даю, катаю* (напр. «заря занималася, солнце выкатилось») *лажу* (и *лѣзаю*), *летаю, ношу, пускаю, рожаю, ступаю, тожу*. Эти глаголы, по принятіи того предлога, могутъ имѣть въ спряженіи и форму прошедшаго на *ывалъ* (кроме: *бываю* и *рожаю*).

Но тѣ же самые глаголы и всѣ прочіе съ древнеудлинненными началами могутъ, по принятіи предлога *вы*, и означать лишь совершеніе дѣйствія, и въ такомъ случаѣ составляютъ себѣ спряженіе съ формою настоящаго, произведенною отъ новоудлинненнаго начала, таковы: *выбрасываю, выбыгаю* (и *выбѣгиваю*), *вываливаю, высаживаю* (?),

выволакиваю, выворачиваю, вывешиваю, выкатываю, выкланиваюсь, вылетываю, выламываю, вынашиваю (донашиваю), выпадаю, выпалываю (и выполняю), высаживаю, вытаскиваю, выхаживаю, выстреливаю, выхватываю, выльзжю (и выльзживаю).

Глаголы эти (и имъ подобные) въ своихъ формахъ совершеннаго дѣйствія (прошедш. и будущ. времени) переносятъ удареніе на предлогъ и означаютъ въ такомъ случаѣ, или:

а) Слѣдствіе оконченнаго извѣстнымъ способомъ дѣйствія, обнаруживающееся въ новомъ состояніи предмета дѣйствія; или

б) Слѣдствіе оконченнаго дѣйствія, отражающееся на самомъ предметѣ дѣйствующемъ; или наконецъ

в) Результатъ какъ объективный, такъ и субъективный вмѣстѣ.

Къ 1-мъ принадлежатъ напр.: *выбросалъ, вывалилъ* (т. е. замаралъ отъ того, что далъ валяться, или кончилъ валянье напр. чулокъ, войлока), *вывѣшалъ*, (напр. платье, знач. оно виситъ теперь), *выпадалъ, высажалъ, выхваталъ*.

Ко 2-мъ: *выкланялся* (или *выкланяюсь*) т. е. поклонами пріобрѣлъ или пріобрѣту себѣ что-нибудь, *высидѣлъ, вѣлежалъ* (тоже самое и *вѣлежался*, но лишь говорится объ вещахъ) и пр.

Къ 3-мъ: *выбѣгалъ* т. е. или бѣганьемъ пріобрѣлъ себѣ что-нибудь, или напр. я *выбѣгалъ* весь лѣсъ, т. е. въ лѣсу нѣтъ мѣста, гдѣ бы меня (или моихъ слѣдовъ теперь) не было. Въ последнемъ случаѣ обыкновенно прибавляется еще предлогъ *по* и выйдетъ: *повыбѣгалъ*; не рѣдко прибавляется и еще третій предлогъ *изъ*: *исповыбѣгалъ, исповылазилъ* и пр. Замѣтно, что языкъ всячески

старается отличить результатъ дѣйствія субъективный и объективный.

Такое употребленіе предлога *ви* напоминаетъ объ встрѣчающейся только одинъ разъ у Гомера, въ Иліадѣ, предложной формѣ: *καὶ ἐπιβασκέμεν υἱὰς Ἀχαιῶν* (И. II. 234). Ввести Ахейцевъ въ бѣду. Нѣмецкіе глаголы, сложенные съ предлогомъ *er* (Др. Нѣм. *ur*, Гот. *us*=из), иногда употребляются въ томъ же самомъ смыслѣ, напр. «Der Mann muss erlisten, erraffen... das Glück zu erjagen.» Schill.

4. До.

У меня насчиталось 10 глаголовъ, которые принимаютъ въ спряженіи этотъ предлогъ, для составленія формъ оконченнаго дѣйствія: *блистать*, *конать* (если дѣйствительно нѣтъ глагола *доканываю*, который впрочемъ удобно замѣняется очень близкимъ къ нему *доканчиваю*) *сбирать* (кажется, я слыхалъ слово: *досбিরываю*), *смыслить*, *странствовать* (достранствоваться), *требовать*, *трубить* (до — ся), *умничать* (до — ся), *шуметь* (до — ся).

Древнеудлиненные глагольные темы, у которыхъ предлогъ этотъ проходить по цѣлому спряженію, суть: *довожу* (д и з), *догоню*, *додаю*, *долетаю*, *доношу*, *допускаю*, *дохожу*.

Но въ тѣхъ же самыхъ глаголахъ, равно какъ и во всѣхъ прочихъ съ древнеудлиненными началами предлогъ *до* можетъ превращать дѣйствіе совершающееся въ совершенное, и въ такомъ случаѣ, для образованія формы настоящаго времени, разъ уже удлиненная тема получаетъ новое удлиненіе, напр. *дображиваю*, *добыгаю* (и *добыгиваю*), *доваживаю*, *доваливаю*, *доволакиваю*, *довышиваю*, *докатываю*, *доламываю*, *донашиваю* и пр.

Сверхъ того не рѣдко прилагается къ нимъ мѣстоим. *ся*, чтобы показать обращеніе результата дѣйствія на самого дѣйствующаго. Значить здѣсь также формами совершеннаго дѣйствія можетъ быть выраженъ результатъ или субъективный, напр. *допѣдился*, или объективный, напр. *допѣдиль* (= *запѣдиль* т. е. до смерти или также кончилъ вѣду); *допѣхаль* т. е. до цѣли, или *допѣхаль кого*, т. е. замучилъ.

Замѣтить должно, что эти глагольные формы съ предлогомъ *до* и приставкою *ся* не смѣшиваются по значенію съ тождезвучными общими или возвратными простыми глаголами; напр. *добѣгался*, не имѣетъ ничего общаго съ глаголомъ *бѣгаться*. (24).

5. За.

Предлогъ этотъ принимаютъ къ себѣ въ спряженіе, для означенія начала дѣйствія въ прошедшемъ и будущ. времени, глаголы: *блистать*, *бранить*, *брезговать*, *брыкать*, *волнунуть*, *ворчать*, *дремать*, *дрожать*, *кичиться*, *копышиться*, *кричать*, *млѣть*, *негодовать*, *писать*, *пылать*, *рыскать*, *сопльть*, *свербѣть*, *сіять*, *сновать*, *терзать*, *трясти*, *тушить*, *хотѣть*, и кромѣ того значительная часть звукоподражательныхъ, начинательныхъ и отыменныхъ.

Въ слѣдующихъ глаголахъ съ древнеудлиненными темами предлогъ *за* показываетъ извѣстное направленіе дѣйствія: *заброжу*, *забываю*, (25) *завожу* (*д* и *з*) *заюлю*, *зابدѣваю*, *залажу* (*зальзаю*), *залетаю*, *заношу*, *задаю*, *захожу*, *зароняю*, *заступаю*. Въ гл. *зарождаю*, *заявляю* означаетъ лишь начало дѣйствія.

Въ тѣхъ же самыхъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, предлогъ *за* можетъ показывать лишь начало дѣйствія, но въ такомъ случаѣ начало дѣйствія болѣею частию прини-

мается за особое, видоизмѣненное попятіе о дѣйствіи, и потому, для выраженія его, составляются полные глаголы, посредствомъ новаго удлиненія темы, напр. *заламываю*, *заигрываю* (отъ него формы совершеннаго дѣйствія: *заигралъ*—ся, *заиграю*—сь).

Вообще же предлогъ *за* охотнѣе прилагается къ новоудлиненной темѣ глаголовъ дѣйствительныхъ, для означенія направленія дѣйствія, и лишь 45 глаголовъ среднихъ, даютъ отъ себя удлиненныя темы, для сложенія съ темъ предлогомъ, вотъ они: *заговляюсь*, *загумиваю*—сь, *задурачиваюсь*, *задуриваю* (?), *задыхаюсь*, *заживаю*—сь, *зизваниваю*, *зазираю*, *зазъываюсь*, *заигрываю*—сь, *заикаюсь*, *закаеваюсь*, *закипаю*, *закисаю*, *закосниваю*, *залетываю*, *залегаю*, *замедливаю* (лѣю), *замерзаю*, *замираю*, *замолаживаю*, *замолкаю*, *замышкиваюсь*, *занемогаю*, *заобыкаю* (?), *западаю*, *запалываю* (и *заползаю*), *заплываю*, *заплясываю*, *започиваю* (?),— *запрѣваю*, *заростаю*, *засиживаю*—сь, *застаиваю*—сь, *застываю*, *засыпаю*—сь, *засыхаю*, *затвердѣваю*, *затыкаю*, *затишаю*, *захожу*, *зацептаю*, *замаливаю*, *замучиваю*, *запъзаю*. Изъ числа ихъ предлогъ *за* перевелъ слѣдующіе въ залогъ дѣйствительный: *заживать* (деньги), *засиживать* (что), *заставать* (кого).

6. Изъ.

Отъ слѣдующихъ 15-ти глаголовъ нѣтъ удлиненныхъ формъ, которыя бы, съ помощію предлога *изъ*, могли дать отъ себя полное спряженіе: *бездѣльничать* (*из*—ся), *ветшать*, *вольничать* (*из*—ся), *говѣть* (*из*—ся), *горбиться*, *драть*, *портить*, *ходатайствовать*, *ругать*, *уродовать*, *жарить*, *чахнуть*, *худѣть*, *ябедничать* (*из*—ся). Слѣд. эти простые глаголы принимаютъ предлогъ *из* для образованія себѣ формъ совершеннаго дѣйствія.

Изъ древнеудлиненныхъ началъ предлогъ за прилагается къ слѣдующимъ, для означенія направленія дѣйствія изнутри предмета, подобно предлогу *вы*: *избываю, изгоняю, искривляю, излетаю, издаю, издѣваюсь* (съ страшнымъ переходомъ значенія!), *испускаю, изъвлекаю*.

Всѣ же прочіе глаголы, для сложенія съ этимъ предлогомъ, принимаютъ новоудлиненную тему, и образуютъ полное спряженіе, всё равно, означать ли въ нихъ предлогъ направленіе дѣйствія, напр. *изворачиваю, избѣгаю, изваливаю*, или только совершеніе его, напр. *исхаживаю, израниваю, исписываю*.

7. *На.*

68 глаголовъ принимаютъ къ себѣ этотъ предлогъ въ спряженіе, для образованія формъ совершеннаго дѣйствія: *алтынничаю, баклушничая, балленичаю, барышничая, бездѣлничая, беззаконничая, безумствую, бесѣдную (на—сь), блажу (на—ся), веселюсь, ворочаю, брезжу, вѣрю, глазью (нѣ—ся), голодаю (на—ся), голошу (на—ся), гоможусь, гремяю, грожу (?), грубіяню, грѣшу, даю, держу (на—ся), дивлюсь, дрыгну, дурю, ежжу, жалуясь, жуэжжу, жую, займю, звоню, кавержу (жишь; въ первомъ лицѣ неохотнѣо употребляется!) клузничая, ковыляю, комыаю, корытуюсь, крещу, кричу, кромсаю, кроплю, кручинюсь, леденю, льну, лмчу, люблюсь, молчу (нѣ—ся), морошу (жишь), мошенничая, мишу, ору (на—ся), охаю (на—ся), пишу, рою, рѣзвюсь, собираю, сватаю, скверню, скитаюсь, скриплю (на—сь), скряжничая, (на—ся), смражу, срамлюсь, сучусь, трещу (нѣ—ся), тублю (на—сь), хлыну, чудесю, ябедничая.*

Изъ глаголовъ съ древнеудлиненнымъ началомъ слѣдующіе могутъ проспрягаться вполне съ этимъ предлогомъ:

навожу (д), *навѣжу* (з), *нагоняю*, *наклоняюсь*, *налетаю*, *налажу*, *напошу*, *наплываю*, *нахожу*, *напускаю*, *парождаюсь*, *паступаю*, *нарушаю*. Всѣ прочіе, желающіе соединиться съ этимъ предлогомъ, должны принять новосудлиненіе.

8. *Надъ.*

Всѣ глаголы принимаютъ этотъ предлогъ не иначе, какъ къ новоудлиненной темѣ, исключая *даю*, который можетъ съ нимъ вполне проспрягаться.

9. *О, об, обо*

22 глагола образуютъ себѣ съ помощію этого предлога формы совершеннаго дѣйствія: *блистаю*, *ветшаю*, *вечеряю*, *виску* (впрочемъ можно, кажется, сказать: *обвисаю*), *благодѣтельствую*, *лобызаю*, *мишу* (?), *мелью* (*обмельваю*?), *радуюсь*, *плачу* (о—съ), *корю*, *слышу* (о—съ) *вдовствую*, *глочу*, *глуплю*, *дичаю*, *жсереблюсь*, *злюсь*, *колесю*, *свидѣтельствую*, *сиротлю*, *шелудивлю*, и вообще значительная часть начальныхъ. Кромѣ того надобно причислить къ недостаточнымъ (безъ формы настоящаго) глаголы, произведенные съ помощію этого предлога отъ именъ, напр. *обеззубѣть*, *оглавлять*, *обезчадѣть*.

Слѣдующія древнеудлиненныя темы могутъ соединиться съ этимъ предлогомъ: *обвожу* (д и з) *обгоняю*, *обдаю*, *одываю*, *опускаю*, *обступаю*, *объявляю*. Слѣдующія три формы играютъ двоякую роль:

Облетаю настоящ. отъ *облетать*; формы совершеннаго дѣйствія въ его спряженіи будутъ: *облетѣлъ*, и *облечу*.
Облетаю форма будущ. совершеннаго въ спряженіи глагола *облѣтываю*.

Обношу настоящ. отъ глагола *обносить*, у котораго формы совершеннаго дѣйствія: *обнесъ*, *обнесу*.

Обношу будущ. отъ глагола *обнашиваю*, напр. платье.

Обхожу—*сь* настоящ. отъ *обходить*—*ся*; формы совершеннаго дѣйствія въ его спряженіи: *обошелъ*, *обойду*.

Обложу форма будущ. отъ *облаживаю*.

Такимъ образомъ формы: *облеталъ*, *обносили*, *обходили* суть прошедшія несовершенныя въ глаголахъ: *облетаю*, *обношу*, *обхожу*, и въ тоже время прошедшія совершенныя въ глаголахъ: *облети́ваю*, *обнашиваю*, *облаживаю*. Не взирая на ихъ тождезвучіе, едва ли можно ихъ смѣшивать, потому что напр. большая разница въ значеніи выраженій: *обноси́лъ кушанье*, и *обноси́лъ платье*.

10. Низ.

Этотъ предлогъ соединяется обыкновенно съ новоудлиненными темами; изъ древнеудлиненныхъ принимаютъ его только три: *вожу* (д), *летаю* и *хожу*. Сверхъ того онъ прилагается еще къ глаголу *ринуть*, который, и по принятіи его, остается недостаточнымъ.

11. Отъ.

Входитъ въ спряженіе слѣдующихъ 27-ми простыхъ глаголовъ: *бабить*, *бабичать*, *бесѣдовать*, *благовѣстить*, *благодарить*, *блестѣть*, *блистать*, *ворочать* (въ смыслѣ: *бить*); *вѣнчать*, *горевать*, *гремѣть*, *гудѣть*, *звучать*, *куликать*, *молвить*, *мудрить* (?), *почевать* (?), *праздновать*, *странствовать*, *терзать*, *хлынуть*, *хотѣть*, *шарлатани́ть* (?), *щеголять*.

Изъ древнеудлиненныхъ темъ прилагается онъ къ слѣдующимъ: *даю*—*сь*, *пускаю*, *ры́шаю*, *сту́паю*, *являю*. Настоящее и прошедшее несовершенное время отъ глаголовъ

отвозжу, отгоняю, отлетаю, отношу, отхожу употребляется въ смыслъ формъ будущаго и прошедшаго совершенныхъ въ глаголахъ: *отважнѣваю, отгнѣваю, отлѣтѣваю, отнашиваю, отхаживаю*.

12. По.

Прилагается къ древнеудлиненнымъ темамъ: *даю, пускую, ступаю, являюсь*. Сверхъ того глаголы: *погоню (бью), поношу, похожу* своимъ переноснымъ смысломъ отличаются отъ составленныхъ съ помощью новоудлиненной темы: *понашиваю, похаживаю, поганиваю (?)*, хотя въ спряженіи тѣхъ и другихъ по двѣ формы тождественныхъ.

Глаголы, произведенные отъ новоудлиненной темы, въ сложении съ этимъ предлогомъ, выражаютъ, кажется, не болѣе, какъ учащательность дѣйствія, собственно того же самаго, какое уже выражено въ соответствующихъ имъ простыхъ глаголахъ. Отъ того въ народной рѣчи такіе глаголы, и простой и предложный, ставятся рядомъ; напр. *Онъ ходитъ — похаживаетъ, глядитъ да поглядываетъ*.

Вотъ эти то предложные глаголы имѣютъ сходство съ Еврейскимъ післомъ и съ Латинскими *verba frequentativa*, когда послѣдніе означаютъ вмѣстѣ интензивность, усиленность дѣйствія, напр. *Cic. At. 12. 8. «Autores, quos nunc lectito. Писатели, которыхъ теперь почитываю; т. е. часто и прилежно читаю. Horat. Satyr. II. 6. 107. Veluti succinctus, cursitat hospes. Хозяинъ побѣгиваетъ, т. е. безпрестанно бѣгаетъ, суетится. У насъ въ этомъ смыслѣ слагаются съ предлогомъ по и существительныя имена, напр. *потемки, побѣгушки*.*

Этотъ предлогъ несравненно чаще всѣхъ другихъ предлоговъ берутъ себѣ на помощь простые глаголы, для обра-

зованія въ своемъ спряженіи формъ совершеннаго дѣйствія; у меня насчиталось 2776 такихъ глаголовъ, кромѣ возвратныхъ, которые могутъ увеличить то число почти на половину. Съ этою цѣлію онъ свободно прилагается къ глаголамъ, уже сложенымъ съ однимъ или даже съ двумя предлогами, и всѣмъ имъ оказываетъ ту же самую услугу, напр. *выводитъ, вывозитъ, выжимать; избивать, изваливать; забивать, забирать; набавлять, надгрызать; обвертывать, обезпечивать; отбавлять, отбрасывать; перебивать, перебирать.*

13. Под.

Предлогъ этотъ обыкновенно соединяется съ новоудлиненною темою, изрѣдка въпрочемъ и съ древнеудлиненною, напр. *подгоняю, подметаю, подхожу*; но никогда не занимаетъ въ спряженіи простыхъ глаголовъ, для образованія формъ совершеннаго дѣйствія.

14. Пере, пре.

25 глаголовъ прибѣгаютъ къ помощи этого предлога, для полученія себѣ формъ совершеннаго дѣйствія: *бываю, кривлю, кривляю, роняю, женою, казню, раню, гибну, гложу, гожду, грязню, гублю, дрожу* (собств. дрогну — передрогъ), *дрябну, дую* (*пере—съ*), *желкну, желтю, кумлюсь, мнью, молвлю, мыслю, плачу* (*пере—ся*) *порчу, смяну, стращаю.*

Къ глаголамъ отъ древне и новоудлиненныхъ темъ прилагается этотъ предлогъ, для видоизмѣненія ихъ понятія своимъ предложнымъ значеніемъ, а равно и къ глаголамъ, сложенымъ уже съ другими предлогами, напр. *преодолеваю, переодѣваюсь, преподаю, препровожу, перепродаю, преусильваю, переушищрю.*

15. *Предъ.*

Предлогъ этотъ никогда не употребляется, для составленія формъ совершеннаго дѣйствія въ спряженіи простыхъ глаголовъ, но свободно прилагается къ глаголамъ съ древне-и новоудлиненною темою, а также и къ другимъ предложнымъ, напр. *предвожу, предъявляю, предначертываю, предвозвѣщаю, предгизбираю, предотвращаю, предназначаю, предпосылаю, предоставляю, предуготовляю.*

16. *При.*

Есть 5 глагольныхъ формъ недостаточныхъ, изъ которыхъ одна только въ сложеніи съ этимъ предлогомъ и употребляется: *привидѣться, прикорннуть, присниться, причудиться, причутиться (?)*.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ предлогъ этотъ присоединяется или къ древнеудлиненнымъ или къ новоудлиненнымъ темамъ.

17. *Про.*

74 глагола принимаютъ этотъ предлогъ къ себѣ въ спряженіе, для составленія формъ совершеннаго дѣйствія: *блистаю, блещу, брожу, быть (есмь), баклушичаю, благоденствую, блажу* и пр.

Въ другихъ случаяхъ онъ присоединяется къ древне-или новоудлиненнымъ темамъ. Въ глаголахъ: *провожу (д и з), прогоняю, пролажу, пролетаю, проношу, прохожу*, формы настоящаго и прошедшаго несовершеннаго тождезвучны съ формами прошедшаго и будущаго совершенныхъ въ глаголахъ: *проваживаю, проганяю, пролазываю, пролетиваю, пронашиваю, прохаживаю.*

18. *Раз.*

Слѣдующіе глаголы принимаютъ этотъ предлогъ, для образованія себѣ формъ совершеннаго дѣйствія: *бращать—*

ся, богать, брюзжать (раз—ся), величаться, гремьть, (раз—ся), мурчать (раз—ся), спльсивиться, шумьть (раз—ся), яснть, колебаться, краснть, плакать (раз—ся), потьть (раз—ся), пылатъ (раз—ся).

Въ глаголахъ: *развожу* (д и з), *разгоняю*, *разлетаюся*, *разношу*, *расхожусь* опять есть по двѣ формы сходныхъ съ формами предложныхъ глаголовъ, произведенныхъ отъ новоудлиненной темы.

Къ предложнымъ глаголамъ предлогъ *раз* прилагается безъ затрудненія, напр. *разубираю*, *распропадаю* и пр.

19. Съ.

Слѣдующіе глаголы принимаютъ этотъ предлогъ, для составленія себѣ формъ совершеннаго дѣйствія: *брежать*, *блевать*, *вечерять*, *ворозать*, *муповать* (недостаточный), *грезить*, *грубить*, *груснть* (безъ предлога неупотр.), *грѣховодничать*, *губить*, *дурить* (съ—ся), *дѣлать*, *каверзить*, *казнить*, *варить*, *искать*, *кроить*, *линять*, *лукавствовать*, *мукать*, *мистерить*, *миловать* (съ—ся), *милосердовать* (съ—ся), *мочь*, *мудрить*, *владѣть*, *мать*, *ткать*, *плоховать* (безъ предлога неупотреб.), *плутовать*, *порождать*, *работать*, *рынуть*, *трескать*, *труснть*, *умничать*, *умьть*, *фальшивить*, *филлярить*, *фигурить*, *играть* (сыгралъ = кончилъ игру), *ябедничать*, *пѣть*, *тасовать*, *ворожить*, *терпѣть*.

Въ глаголахъ, произведенныхъ отъ древнеудлиненныхъ темъ, предлогъ *съ* означаетъ движеніе сверху внизъ, или совокупленіе двухъ предметовъ, напр. *свожу* (д) съ горы, или двохъ вмѣстѣ; прошед. несов. *сводилъ*; прошед. совер. *свелъ*; будущ. сов. *сведу*. Или при нихъ же предлогъ *съ* означаетъ лишь совершеніе дѣйствія въ прошед. и будущ.

времени, напр. *свожу его домой* (т. е. туда и назадъ), *сведу домой* (только туда); *сводилъ его въ городъ*, *свелъ въ городъ*.

Въ глаголахъ, произведенныхъ отъ новоудлиненной темы, предлогъ съ означаетъ всегда или движеніе сверху внизъ, или совокупленіе предметовъ.

20. У.

Предлогъ этотъ входитъ въ спряженіе слѣдующихъ глаголовъ, для образованія формъ совершеннаго дѣйствія: *брыкать* (у—ся), *бъситься*, *видѣть*, *врачевать*, *вѣдать*, *гладить*, *говѣть* (у—ся), *грѣться*, *довольствоваться*, *жалить*, *жалить*, *потчивать*, *пользовать*, *поститься*, *потѣть*, *спать* (*уснуль*), *пѣздить*, *красть*, *мякнуть*, *бояться*, *давить*, *морить* (26).

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Глагольныя формы съ примѣтою *ну* въ окончаніи, извѣстныя подъ именемъ глаголовъ вида однократнаго, не суть самостоятельныя глаголы, но принадлежать къ спряженію, куда онѣ и были причислены Ломоносовымъ.

2. Глагольныя безпредложныя формы съ примѣтою въ окончаніи *ыва* (*ива, ѣ*), извѣстныя подъ именамъ глаголовъ многократнаго вида, не суть самостоятельныя глаголы, и должны быть снова введены въ спряженіе, куда онѣ были отнесены Ломоносовымъ и потомъ Востоковымъ.

3. Глагольныя предложныя формы, извѣстныя подъ именемъ глаголовъ совершеннаго вида, не суть самостоятельныя глаголы, но принадлежать къ спряженію частію предложныхъ, частію простыхъ глаголовъ.

4. Форма спряженія на *нулъ* соотвѣтствуетъ Греческому аористу въ томъ его значеніи, когда онъ выражаетъ совершеніе дѣйствія, въ самомъ себѣ мгновеннаго.

5. Форма спряженія на *ывалъ* (*ивалъ*, *ѣлъ*) соотвѣтствуетъ Греческому аористу въ его, такъ называемомъ, учащательномъ значеніи.

6. Времена такъ называемыхъ глаголовъ совершеннаго безпредложнаго вида принадлежать къ составу спряженія соотвѣтствующихъ имъ глаголовъ вида несовершеннаго безпредложнаго: хотя одинаково съ ними образовавшіяся формы глаголовъ опредѣленнаго вида составили себѣ самостоятельное спряженіе, независимо отъ глаголовъ вида неопредѣленнаго.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Кромѣ тѣхъ формъ Смотрицкій приводитъ еще слѣдующія, «произносимая Русска языка навыкомъ (стр. рѣк): 1) Преходящее: *челъ есмь*, 2) прошедшее: *читалъ есмь*, 3) мимолетное: *читаалъ есмь*, 4) непредѣльное: *прочелъ есмь*.»

(2) Стр. 116. «Aber diese mehrerlei Formen von eigentlich verschiedener (?) Abkunft werden zusammen genommen (auf ähnliche Weise, wie im Griechischen Verbum) als Tempora eines Verbi betrachtet.»

(3) Ломоносову удалось оградить Русскій языкъ Ц. — Словенскимъ, какъ бы оплотомъ противу наводнявшихъ его разноречивыхъ словъ; но не въ его было силахъ устранить чуждыхъ укащиковъ отъ внимательства въ самое хозяйство нашего языка; и они пожаловали учинить въ немъ *нарядъ*. Вотъ напр. одинъ изъ таковыхъ, Морицъ Раппъ (Archiv für das Studium der neuen Sprachen. III. B. 1847 S. 95—102), разобравъ Словенскій глаголъ «по косточкѣ, по единому составчику», не находить въ немъ ни признака живаго организма. Напрасно Сербъ показываютъ ему свои прошедшія простыя времена: имъ сказано, что у нихъ это не богатство грамматическое, а излишекъ формации (Ueberfluss der Formation), которымъ де они и пользоваться то не умѣютъ. А ужъ мы напр. и глазъ не смѣемъ показать на свѣтъ съ своимъ спряженіемъ. Первое дѣло, — Морицъ Раппъ лишилъ формы настоящаго всѣ наши, такъ называемые, глаголы совершенные, и тутъ же доказалъ наукою, что такъ имъ лучше, что имъ слѣдовало и родиться на свѣтъ такими; (стр. 99)» Hegel spricht irgendwo von den drei «Dimensionen der Zeit, Vergangenheit, Gegenwart

«und Zukunft. Er macht aber anderwärts oft genug darauf aufmerksam, dass was wir Gegenwart, das *itzt* nennen, eigentlich ein nicht fixirbarer, mathematischer Punkt ist.»

Кромѣ этого Раппъ извиняетъ насъ еще примѣромъ Евреевъ (не имѣвшихъ также формы настоящего и пробавлявшихъ вмѣсто него причастіемъ) и еще вотъ какъ какимъ разсужденіемъ: «Безспорно, что въ языкѣ формы для прошедшаго и «будущаго возникаютъ прежде, чѣмъ для настоящаго, потому что они суть два полюса глагольнаго движенія; — а полюсы обозначаются прежде, чѣмъ средоточіе (Indifferenzpunkt). Греки отъ корней βαλ, ταν, образовали сперва будущія: βαλω, «танω, и аористы ἔβαλον, ἔτανον, и уже послѣ, усиливъ основную форму, составили себѣ настоящія βάλλω, τέμνω. Нѣчто въ родѣ того случилось и въ Славянскихъ языкахъ. «Однѣ глагольныя темы остановились на понятіи будущаго (А у Грековъ для настоящаго времени не составлена развѣ особая, усиленная форма, какъ у насъ брошу—бросаю, и пр.?), «другія въ той же самой формѣ перешли къ понятію настоящаго (А у Грековъ развѣ всѣ будущія 2-я уцѣлѣли, и не составляютъ развѣ тамъ такой же рѣдкости, какъ у насъ «наши: брошу, рѣшу и пр.); въ слѣдствіе того одни глаголы «очутились безъ настоящаго, а другіе безъ будущаго.» Первымъ нарекаетъ онъ имя *praesensverba*, а вторымъ *futurverba*. Но какъ, по разысканію Автора (стр. 101) наша форма будущаго тождественна съ настоящей; настоящей же, какъ доказано выше, искони у насъ не бывало; а формы прошедшаго давнымъ давно уже померли: то

«Да видиш чуда великога! въ нашемъ глаголѣ не оказалось ни полюсовъ, ни средоточія, и ни одного живаго члена! «Der «Nominalorganismus (стр. 95) überwiegt (въ Славянскихъ языкахъ) gegen den verbalen; kann man aber das Nomen die Pflanze und das Verbum das Thier der Sprache mit Recht nennen (Вѣдь ухитрится же человѣкъ имя примѣнить къ травѣ, а «глаголъ къ зѣрю!); so folgt daraus, dass der Slawische Sprach-

«charakter mehr Vegetative als es unseren anderen europäi-
schen Sprachen inwohnt. »То же самое еще разъ и на стр. 101.

У насъ будто бы нѣтъ спряженія глаголовъ, слѣд. нѣтъ дѣйственной жизни, а есть лишь *страдательная*! Диво еще что Раппъ не сослался на 11-ть временъ Востоковскаго *страдательнаго* спряженія! Тамъ иные растеряли свое склоненіе; а у насъ богатѣйшее: намъ же хуже! Имя трава прозябающая и значить....

(4) Объясняемое Поттомъ различіе между словопроизводствомъ и измѣненіемъ слова по склоненію или спряженію (флексію) должно быть относительно преимущественно къ Индо-Европейскимъ языкамъ; потому что есть чуждые семьѣ нашей языки, въ которыхъ не имѣетъ силы упоминаемый Поттомъ законъ. Впрочемъ вообще, когда дѣло идетъ объ опредѣленіи свойствъ и явленій языка, не можетъ быть рѣчи объ опредѣленіяхъ безысключительныхъ, математически точныхъ и непреложныхъ. Языкъ есть полноправный и самосудный господинъ у себя въ дому и можетъ, ни у кого не спросившись, самъ преступать тотъ или другой законъ, самимъ же имъ для себя постановленный. Такъ во всѣхъ почти языкахъ нашей Индо-Европейской семьи отношеніе принадлежности одного предмета другому (притяжательность) выражается родителнымъ падежемъ (флексію); но мы напр., и другіе Славяне, придумали для того особые слова, — прилагательныя притяжательныя (личныя), что, разумѣется, относится уже къ словопроизводству, а не къ флексіи. Это обстоятельство еще не даетъ впрочемъ никому права утверждать, что Русскій глаголъ прибѣгаетъ къ словопроизводству, для выраженія тѣхъ свойствъ дѣйствія (длительность, моментанность, кратность и т. п.), которыя въ Греческомъ языкѣ обозначаются формами спряженія. Изслѣдованіе явленій въ обоихъ этихъ языкахъ доказываетъ близкое родство и часто даже одинаковость воззрѣній у Русскаго народа съ Греческимъ. И если у насъ изъ древнихъ аористическихъ формъ успѣли образоваться самостоятельные глаголы: *бываю, выдаю* (видываю), *даю* (вм. да-

ваю; сюда же можно отнести и *читать, писать*): это не уполномочивает еще грамматистовъ калѣбчить наше спряжение и выводить, на позоръ цѣлому свѣту, такіе безпомощные, неподвижные глаголы, какъ *плывать, слышать*, и т. п. Такъ и въ Греч. языкѣ есть глаголы, произведенные и отъ аориста, и отъ будущаго, и даже отъ perfectum: ἀρχρίσκω, (ἤρχρον отъ ἄρω), πολέμῃσσι, γεγωνέω и проч.; но за это еще никто не выводилъ формъ, какъ: τύψαι, ἡπάτηξέναι и т. п. въ самостоятельные глаголы.

(5) Копитаръ говоритъ будто только о Грамматикѣ Гейма (Heim's Russ. Grammatik. Riga. 1804.); но ему не могло быть безызвѣстнымъ, что Геймъ слѣдовалъ Ломоносову или Академической Грамматикѣ, въ которой впрочемъ, касательно формъ спряженія, кромѣ откинутыхъ давнопрошедшихъ (2-го и 3-го) никакихъ отбѣнъ отъ системы Ломоносова нѣтъ. О томъ, сколько можетъ имѣть вѣсу, въ дѣлѣ Русскаго языка, приговоръ Копитара, будетъ говорено обстоятельно въ своемъ мѣстѣ.

(6) Pott's Etymol. Forsch. II. B. S. 360 «Измѣненія словъ по склоненію и спряженію, какъ уже это болѣею частію наглядно доказано, суть собственно и дѣйствительно только совокупленія (словъ), а не порожи и порожденія (Hergausbildungen und Wachstum) изъ внутренняго существа корня, который, какъ всякое животное или растение, могъ произвести изъ себя лишь себѣ подобное, напр. удвоеніе себя (reduplicatio). Въ заблужденіе вводитъ ложный взглядъ на организмъ языковъ, который все таки совсѣмъ иного рода, нежели организмъ напр. человеческого тѣла.»

Тамъ же стр. 364 «Въ глаголѣ объяснено теперь значеніе каждой почти буквы, появляющейся въ его спряженіи. Измѣненіе его по лицамъ совершается приставкою трехъ иѣстоименій.... Многія формы временъ образованы посредствомъ приложенія къ коренной формѣ спрягаемаго глагола другихъ, болѣе отвлеченныхъ глаголовъ, иногда даже нѣсколькихъ рядомъ, напр. въ τυφ-θῆ-σ-ομαι, кромѣ τυφ еще видны три

корня, именно: ०१ и १२ — Санскритское ja, затаившееся здѣсь подъ буквою σ.)»

(7) Bopp's Vergleich. Gram. S. 745. «Въ Санскритскомъ «языкъ имѣтъ совсѣмъ времени, которое исключительно выражало бы совершение дѣйствія.... для выраженія совершенія дѣйствія обыкновенно дѣйствительный оборотъ измѣняютъ на страдательный (какъ и у насъ), именно такъ, что причастіе, соотвѣтствующее по формѣ и значенію Латинскому на tus, соединяется съ настоящимъ временемъ глагола существительнаго, который иногда только подразумѣвается; «потому что въ Санскрит. языкѣ онъ вообще, гдѣ только можно (какъ и у насъ), опускается. Нерѣдко совершение дѣйствія означаетъ такъ, что совершившій его представляется какъ бы владѣльцемъ дѣйствія.» Тамъ же стр. 748. «Для plusquamperf. Санскритъ совсѣмъ не имѣетъ особой формы, «и вмѣсто него употребляетъ или дѣеприсчастіе, которое, смотря по смыслу, можетъ стоять также и вмѣсто *futurum ex-actum*, или самостоятельный мѣстный надежъ.

(8) Pott's. Etym. Forsch. I. Bd. S. 23. «Духъ языка въ словопроизводствахъ своихъ, имѣя ближайшую цѣлю ихъ значительность, нашелъ удобнымъ означать прошлость парашеніемъ и удвоеніемъ; послѣдній способъ очутился однако въ явленіи противорѣчіи съ чувствомъ благозвучія, которое не можетъ одобрить сопоставленія сряду двухъ слоговъ, начинающихся одною и тою же согласною. Отсюда потребность замѣнять, при удвоеніи, начальную согласную корня буквою другою, хотя и однородною, разлагать коренную и на ея гласныя и проч., иногда же и со всѣмъ отказываться отъ удвоенія.»

Значеніе формы Perfectum прекрасно объясняется для насъ употребленіемъ вмѣсто него у Грековъ иногда формы настоящаго времени напр. ἀκούω вм. ἀκήκοα, какъ и у насъ:

«Другъ ты мой, удалый молодецъ! *Слышу* я, ты ѣдешь во «службу.» Здѣсь *слышу* употреблено вм. я *услышала*, т. е.

мнѣ сказали. Вотъ еще примѣры: Νῆσός τις Συρίη κηλήσκεται, εἴ που ἀκούεις. Odys. XV. 403. Есть такой островъ, Сирія, коли знаешь, (т. е. если слышала). — Τα δὲ πρᾶγματ' εἰς τοῦτο προήκοντα (ὄρω). Demosth. Ol. II. Вижу, что дѣло-то далеко заходитъ (т. е. зашло). "Ἄρτι γιγνώσκεις τόδε Eurip. Bacch. Ты недавно это знаешь. — "Ἦκω νεκρῶν κευθμῶνα καὶ σκότου πύλας λιπών. Euripid. Нес. Прихожу, оставивъ пещеры и врата тьмы. У насъ говорятъ также: Вчера прихожу, (т. е. пришелъ) къ брату; тамъ мнѣ говорятъ: (т. е. сказали), что онъ ужъ уѣхалъ.

Такимъ образомъ въ Perfectum выражается воспроизведение минувшаго дѣйствія въ сознаниі или воображеніи говорящаго, который потому и можетъ означать его также настоящимъ временемъ. Форма эта не пришлась по духу Русскаго человѣка; мы не терпимъ удвоенія, развѣ только въ словахъ, выражающихъ дѣйствіе, однообразно и непріятно повторяющееся, и тѣмъ какъ бы неприличное, напр. *гагайкать*, *хохотать*, *шушукать*; да и тутъ повторенная согласная корня охотно замѣняется другою того же органа, напр. *бормотать* (мурмуро). Если въ *sisto* и ἵστημι Боппъ видитъ удвоеніе (стр. 840), то и въ нашихъ: *состою* (предлогъ былъ бы совершенно безъ значенія), *статься*, *статный*, можно бы видѣть примѣръ двоякаго рода удвоенія, т. е. то первой, то второй изъ двухъ начальныхъ согласныхъ корня, по крайней мѣрѣ въ словахъ: *стать* (существ.), *статочный*, вторая буква *т* едва ли произошла отъ суффикса неопредѣленнаго наклоненія (ста-ть), а скорѣе коренная, потерявшая свою подругу *с*. Древнее perfectum въ Романскихъ языкахъ замѣняется формою, составленною съ помощію глагола, передѣланнаго изъ Лат. *habeo*, который тамъ полюбили такъ, что не могутъ ступить безъ него ни шагу. Тоже самое и въ Нѣмецкомъ языкѣ; но мы не прибѣгаемъ къ помощи того глагола и Нѣмец. Ich habe das Buch gelesen передается по Русски: у меня эта книга прочтена. Намъ вѣрно дала себя

Очень вѣрно соответствуютъ формѣ perfectum наши: *сталъ, сплъ, легъ* и т. п. тѣмъ, что выражаютъ окончаніе дѣйствія, влекущее за собою состояніе, какъ слѣдствіе того дѣйствія, такъ что *я сплъ* = теперь сижу. Но съ другой стороны тѣ же самыя формы, представляя лишь конечный моментъ минувшаго дѣйствія, по тому самому суть истые аористы отъ удлинненныхъ формъ: *сидитъся, ложитъся, становится* и т. п. Впрочемъ и у Грековъ perfectum перѣдко замѣнялось аористомъ (Kühner's Griechische Grammatik § 444).

(9) Весьма любопытно было бы разыскать, когда Русск. язык. оставилъ прошедшія простыя, и для чего оставилъ ихъ. Но еще вопросъ, имѣлъ ли онъ ихъ когда нибудь? По крайней мѣрѣ формы родни нашей, — древне-Болгарскаго языка: *блше, блху*, не смотря на тысячелѣтнюю нашу къ нимъ привычку, весьма непріятно поражаютъ ухо, и даже сдѣлались въ народѣ предметомъ непріязненной шутки, какъ все ему непонятное. (По этому же случаю просятся на сравненіе суффиксы 1-го Греческаго аориста съ насмѣшливыми окончаніями нашихъ: *плакса, дракса, крикса* и, пожалуй, *читака, писака* и т. п.). Если тѣ древне-Болгарскія формы существовали и въ Русскомъ языкѣ, то понять трудно: отъ чего Церковно-Славянская письменность не напомнила ихъ народу? Положимъ однако, что формы тѣ у насъ были, да забыты; по все таки утраты здѣсь нѣтъ, потому что онѣ замѣнены другими. Изъ свидѣтельства лингвистовъ можно увѣриться, что и тѣ, мнимо-простыя, формы были точно также штучныя и составлены изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, т. е. изъ глагольнаго корня и вспомогательнаго глагола. Теперь, для составленія формы прошедшаго, берется у насъ не голый корень глагольный, а причастіе, которое вѣрно поминило у насъ хорошо отношеніе свое къ прошедшему времени, если, не нуждаясь по этому случаю въ глаголѣ вспомогательномъ, для составленія другихъ временъ не употреблялось. Не такъ въ

югозападныхъ нарѣчійхъ, гдѣ причастіе то берется для составленія даже формы будущаго, напр. по-Краински: *bot* (вм. *bodem*) *vsdignil*, собственно выходить: *буду поднимл* (подниму).

Не отсюда ли объясняется то обстоятельство, что Русскій языкъ пересталъ позволять себѣ употреблять тѣ причастія на *лй*, какъ причастія, и вмѣсто нихъ принялъ новыя на *шій*? Нѣкоторыя же изъ нихъ, слишкомъ далеко зашедшія въ ряды прилагательныхъ, напр. *постоялый*, *смѣлый*, *видалый*, *былой*, *бывалый*, гдѣ только можно, языкъ сталъ отличать отъ тождезвучныхъ формъ прошедшаго перемѣною ударенія, напр. *смѣла*, *смѣла*; другимъ же, напр. *видалый*, *бывалый* и т. п. вовсе не позволилъ имѣть усѣченныхъ формъ. — Различіе лицъ, говорятъ, бывшее прежде въ окончаніяхъ простыхъ формъ, теперь потерялось; но развѣ сознаемъ мы личные суффиксы въ настоящемъ времени, и не поступаемъ часто (а Нѣмцы напр. всегда) такъ, какъ будто бы ихъ не было? Въ нашихъ прошедшихъ формахъ лица наглядно различаются предположаемыми личными мѣстоименіями: а извѣстно, что все равно: приставленыли они плотно къ концу, или стоятъ на отлѣтѣ впереди. Но не малую выгоду языкъ нашъ выигралъ тѣмъ, что добылъ себѣ тѣмъ средство различать полъ дѣйствующаго предмета; а это въ рѣчи весьма важно, для ясности ея и точности, особенно въ единственномъ числѣ. Въ настоящемъ времени потребность различенія пола не такъ сильно чувствуется, подобно тому, какъ въ мѣстоименіяхъ лицъ 1-го и 2-го, какъ бы наглядно присущихъ говорящему; однако же въ просторѣчій и здѣсь полъ различается приставкою существительнаго или прилагательнаго, для смысла рѣчи собственно совѣмъ ненужнаго, напр. «Выду, *млада*, за ворота.» — Подумаешь, что отъ безсознательнаго употребленія изветшавшія тѣ формы съ приложенными сзади суффиксами, были чрезъ разложеніе какъ бы истолкованы, и для удобопонятности оставлены навсегда въ разложеніи. Такъ Русскій совѣмъ не жалуется столь употребительнаго въ Церковно-

Славянскомъ и западныхъ Славянскихъ языкахъ слитія предлоговъ съ мѣстоименіями, напр. *nanъ*, которое далеко не такъ ясно, какъ *на него*, ибо можетъ вѣдь ошибкою быть принято и за *на нее*.

Объ Славянскихъ формахъ прошедшаго на *лѣ*, *ла*, *ло*, Боппъ (Vergleich. Gram. стр. 878) говоритъ слѣдующее: «Славянскіе языки, за исключеніемъ древне-Славянскаго и Сербскаго, въ образованіи формы прошедшаго, представляютъ замѣчательное сходство съ Персидскимъ. Причастіе, которое въ послѣднемъ оканчивается на *deh* или *tah*, а въ Санскрит. муж. и сред. на *ta*, женскаго на *td*, въ древне-Славянскомъ имѣтъ окончаніе муж. и ср. *ло* (т. е. въ муж. = *лѣ*), а женск. *ла*; и я считаю букву *л* въ этомъ причастномъ суффиксѣ ослабленіемъ *д*, какъ въ Лат. *lascyта*, *dascyта*. *Былъ*, *была*, *было* считаю я какъ по корню, такъ и по образованію равнозначительными Санскр. *būta-s būtd*, *būta-m* и Персид. *budeh*.... Удерживая за собою преимущество именъ, въ отношеніи къ различенію половъ, формы эти равны Лат. *amatini*, *atabatini*, при которыхъ языкъ уже не сознавалъ, что это именныя (т. е. причастія) формы муж. рода, множественнаго числа. Еще болѣе напоминаютъ собою тѣ формы третьей лица Санскр. причастнаго будущаго, гдѣ причастіе, подобное Латинскому на *turus*, ставится въ именит. падежѣ мужескаго рода, безъ различенія половъ (какъ въ Русскомъ: мы, вы, они, онѣ были). Всего же ближе форма *былъ* къ Персидской тождественной *būd*, или *būdeh* = бывший, т. е. былъ.»

(10) Хорошо бы, для большей наглядности, сопоставить эти термины во взаимномъ ихъ противоположеніи, такъ напр. *разнообразный*, *однообразный*; *продолжительный*, *мгновенный* и такъ далѣе; но такъ далѣе нельзя, потому что авторъ нашелъ въ языкѣ Русскомъ глаголы *дальше*, а ближнихъ не нашелъ. *Окончательнымъ* очень подѣ стать или бы *начинательные*, но уже нѣсколько разъ видѣли мы злосчастную ихъ судьбу. Объ нихъ бывало всегда или совсѣмъ промолчать, или, вспомнивъ, опять тотчасъ про нихъ забудутъ; такъ и теперь,

у Пр. Павскаго на 4-й стр. они помѣнаны, а на 5-й ужъ забыты, какъ будто ихъ и не бывало.

(11) Сравненіе это споткнется на первомъ шагу. Спросимъ: изъ трехъ степеней прилагательнаго: 1) *добрый* 2) *добрыишій* 3) *самый добрый*, въ которой мѣра качества опредѣлена наиболѣе, и въ которой наименѣе? Отвѣтъ несомнѣненъ: добрыхъ людей много, добрыишіе на перечесть, а самый добрый можетъ быть только одинъ. Теперь же, изъ трехъ степеней продолжительности дѣйствія степень 1-я, *двинуть*, означаетъ конечно самую тѣсную, т. е. самую опредѣленную мѣру длительности дѣйствія, и слѣд. отнюдь не соответствуетъ первой степени прилагательныхъ; напр. — *добрый*, какъ самой обширной, т. е. *неопредѣленной*. И опять, 3-я степень дѣйствія *двигать*, по автору, означаетъ мѣру длительности самую неопредѣленную; между тѣмъ какъ 3-я степень прилагательныхъ, которой авторъ ее приравниваетъ, прямо ей противоположна, потому что есть самая опредѣленная. Наконецъ, если авторъ глагольной своей 2-й или средней степени приписываетъ мѣру продолжительности и кратности большую, чѣмъ въ 1-й степени, и меньшую, чѣмъ во 2-й; то онъ существенно въ томъ ошибается. Продолжительность только и могутъ означать глаголы такъ называемой 2-й степени, глаголы же 1-й степени суть, такъ сказать, бездлительные (*dauerlos*), по самой мгновенности выражаемаго ими дѣйствія; а формы, какъ *двигалъ* и т. п. выражаютъ также дѣйствіе *бездлительно*, т. е. не потому, что оно таково само по себѣ, но потому, что говорящій такимъ его себѣ представляетъ. Относительно же кратности той средней степени, всякій, говорящій по-Русски, знаетъ, что формы, какъ *пишу*, *писалъ*, отнюдь не означаютъ дѣйствія, совершаемаго болѣе, чѣмъ одинъ разъ, и менѣе, чѣмъ неопредѣленное число разъ; но именно означаютъ онѣ дѣйствія однократныя или многократныя (смотря по ходу рѣчи), и въ этомъ отношеніи совершенно равны формамъ настоящаго и преходящаго въ языкахъ Лат. и Греческомъ. Кажется, не нужно и примѣровъ; но вотъ, пожалуй, одинъ: я

пишу теперь (писалъ вчера) письмо. И цѣлый вѣкъ свой пишу (писалъ) письма.

(12) Выраженіе: *объемъ дѣйствія* мнѣ очень не по душѣ; оно темпо и весьма неопредѣленно. Всякій понимаетъ, что значить: *объемъ сосуда, объемъ голоса, объемъ сочиненія*; по *объемъ дѣйствія* почти стольже непонятное выраженіе, какъ *объемъ жизни, объемъ бытія, существованія* и т. п.

Объемъ дѣйствія, по духу Русскаго языка, можетъ означать: 1) совокупность предметовъ, на которые дѣйствіе простирается; 2) мѣру времени, въ которое совершается дѣйствіе, 3) число кратъ дѣйствія повторяющагося и наконецъ 4) мѣру пространства, на которомъ дѣйствіе происходитъ. Въ какомъ изъ этихъ значеній авторъ употребляетъ то выраженіе, сказать трудно; однако не во 2-мъ, потому что на страницѣ 213 онъ отличаетъ: «мѣру продолжительности и объемъ дѣйствія»; а также и не въ 4-мъ, потому что на страницѣ 208 онъ опять различаетъ «широту пространства, объемъ дѣйствія и большую или меньшую продолжительность... какъ широко пространство и далеко мѣсто дѣйствія, какъ продолжительно явленіе». Изъ этихъ словъ оказалось наконецъ, что хочетъ разумѣть Авторъ подъ своимъ объемомъ дѣйствія. Это будетъ дальность или близость дѣйствія, конечно, въ отношеніи къ лицу, объ немъ говорящему. Теперь, прошу разсудить, въ нашемъ, да хоть и въ любомъ языкѣ, можетъ ли глаголь, самъ по себѣ, выразить близость или отдаленность дѣйствія отъ говорящаго о немъ лица. Вотъ напр. свѣча *горитъ* предо мной на столѣ, а въ Америкѣ, какъ пишутъ, *горятъ* лѣса. Ужъ что ближе ко мнѣ, какъ столъ, на которомъ я теперь пишу; а до Америки небось и въ мѣсяцъ не дойдешь; а вотъ же я употребляю, для означенія и здѣшняго и тамошняго дѣйствія, одну и ту же глагольную форму: *горитъ, горятъ*.

И такъ *объемъ дѣйствія* въ томъ смыслѣ, въ какомъ хотѣлось бы этого автору, глаголы наши не выражаютъ.

(13) Пусть себѣ Арабскіе Грамматикѣ спрягаютъ отдѣльно разные изгибы одного и того же глагольнаго корня; но какіе изгибы корня видитъ Авторъ въ dico, dicto, dictito, или въ нашихъ *читать, читывать, бросить, бросать*? На мои глаза, такъ корень во всѣхъ этихъ глагольныхъ темахъ ни мало не *изгибается*, а стоитъ себѣ прямехонекъ и цѣлехонекъ. Правда, въ формѣ *брасывать* онъ не множко посягнулся, но за это стоитъ ли тащить насъ въ чуждадную семью! Да вотъ, если Нѣмецкія формы: ich dringe, ich drang, gedrungen освободить изъ взаимнаго соподчиненія, въ подражаніе Арабскимъ Грамматикамъ, что будетъ тогда съ Нѣмецкимъ, такъ называемымъ, *сильнымъ* спряженіемъ? А вѣдь здѣсь глагольный корень два раза изогнулся. Или, сочтите всѣ изгибы корня въ Греч. спряженіи глагола, напр. πείθω πείσω (fut) πέπειθα (perf. II.) ἔπειθον (aor. II, Att.)!

(14) Лат. dico, dicto, dictito подлинно соотвѣтствуютъ ли нашимъ *читать, читывать*? Замѣчу вообще, что, при такихъ сравненіяхъ, неудобно брать разнозначашіе глаголы. Такъ лучше я переведу тѣ Латин. глаголы однозначашими Русскими, а тѣ Русскіе Латинскими; увидимъ, что будетъ: dico=говорю, dicto=говорю, или сказываю, что писать, dictito=часто говорю, твержу, долблю. Теперь, наше *читаю*=lego. И только. Спросятъ: отъ чего же не хочу я перевести lectito нашихъ *читываю*? Отъ того, что у насъ такого слова нѣтъ; а есть лишь *читывалъ*. Но хотъ lectitavi не значить ли *читывалъ*? Нѣтъ; а значить *часто читалъ*, то есть много разъ прочелъ одно и тоже безъ промежутковъ; только что оканчивалъ, какъ опять начиналъ тоже самое читать. Въ этомъ ли смыслъ употребляемъ мы наше *читывалъ*?

Авторъ напрасно (стр. 230) приравнивалъ наше *брасывалъ* къ Лат. plusquamperfectum *amaveram*. Наша, такъ называемая, многократная форма совсѣмъ не идетъ въ сравненіе съ формами прошедшаго въ Лат. спряженіи, и можетъ быть выражена любою изъ нихъ. Вотъ примѣры:

— Liv. 22. 29. Saepe, ego, inquit (Minucius) *audivi*, milites, eum primum esse virum, qui.... Часто *слыхалъ* (слыхивалъ) я, воины, что тотъ первый человекъ, кто....

— Cic. Orat. 2. Cum esset Demosthenes, multi oratores magni et clari fuerant, et antea *fuerant*, nec postea defecerunt. Въ Димосѳеново время было много великихъ и славныхъ ораторовъ, *бывали* такіе и прежде, да и послѣ они не переводились.

Изъ этого примѣра отнюдь впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы Лат. plusquamperfect. могло быть всегда передаваемо нашею формою на *ывалъ*:

Cic. offic. I, 23. Illud ingenii magni est, praecipere cogitatione futura, nec committere, ut aliquando dicendum sit: non *putaram*. Разумный человекъ мыслию провидитъ будущее и не поступаетъ такъ, чтобы пришлось послѣ сказать: «Ахъ! объ этомъ-то я и не *подумалъ*!»

Liv. 2. 32. Menenius Agrippa narrasse fertur: tempore, quo in homine non ut nunc, omnia in unum *consentiebant*, sed singulis membris suum cuique consilium, suus sermo *fuerat*, indignatas reliquas partes, sua cura, suo labore ac ministerio ventri omnia quaeri. Говорять, будто М. Агриппа вотъ что рассказывалъ (разсказалъ): во время оно, когда еще члены въ человѣческомъ тѣлѣ *не слушивались* всѣ одного, но у каждаго члена *былъ* свой умъ и своя рѣчь и пр.

(15) Это сходство воззрѣній доказывается между прочимъ и употребленіемъ у Грековъ *φέρεσθαι* въ смыслъ нашего *несется* т. е. мчатся напр. II XX, 172. *γλαυκίῳν δ' ἰθὺς φέρεται μένει*. *Гильно глазами сверкая, несется онъ* (въ бой). Πᾶν δ' ἦμαρ *φέρειν*. *Цѣлый день я носился*. Такое поэтическое воззрѣніе столь же чуждо Нѣмецкому языку, какъ намъ ихъ крайне отвлеченный способъ выраженія, напр. *ich liebe deine Nähe*. *Я люблю твою близость*, то есть, мнѣ пріятно бывать съ тобою. Такія и подобныя черты весьма удачно характеризуютъ языкъ.

Для сравненія живописности изображеній въ томъ и другомъ языкѣ, приведу одну пословицу: *Ранняя птичка носокъ подчищаетъ, а поздняя глаза продираетъ*; въ Нѣмецкомъ языкѣ этой пословицѣ соотвѣтствуетъ своя, слѣдующая: *Morgenstunde hat Gold im Munde*, то есть, утренній часъ имѣетъ золото во рту.

(16) Особенно жаркихъ противниковъ встрѣтило ученіе Кюпера объ аористахъ въ лицѣ двухъ Нѣмецкихъ ученыхъ: Шмидта и Фритча. 1-й въ сочиненіи своемъ: *Der Griechische aorist*. (Halle 1845 стр. 5.) разсуждаетъ такъ:

«Слово *аористъ*, означающее, какъ извѣстно, время неограниченное, неопредѣленное, *tempus indeterminatum* или *indefinitum*, выбрано весьма счастливо, и мѣтко выражаетъ сущность этой формы. Только этой неограниченности и неопредѣленности не должно искать (какъ это дѣлали почти всѣ старинныя грамматики и многіе изъ новѣйшихъ даже до 18 стол.) въ томъ, будто аористъ не относится ни къ какому опредѣленному времени и можетъ будто бы выражать какъ *perfectum* и *plusquamperfectum*, такъ настоящее и будущее; а равно и не въ томъ, будто онъ не состоитъ въ связи съ другими, опредѣленными временами, но въ томъ его свойствѣ, что въ дѣйствіи, имъ выражаемомъ, нѣтъ отношенія къ состоянію. А потому форма эта не имѣетъ сама въ себѣ границъ, къ которымъ привязаны времена относительныя.... Такимъ образомъ аористъ не принадлежитъ ни къ временамъ совершеннымъ, ни къ несовершеннымъ (по отсутствію въ немъ понятія о состояніи) и можетъ быть названъ временемъ *несовершенно-совершеннымъ* (!) (*infecto-perfectum*). Онъ выражаетъ дѣйствіе ни въ его продолженіи, ни въ его совершеніи, по такое дѣйствіе, котораго *совершенство совершается*.» Авторъ весьма дѣльно возстаетъ противъ давно уже впрочемъ забытаго мнѣнія древнихъ грамматистовъ, навязывавшихъ аористу значеніе всѣхъ прочихъ временъ, а также и противъ ученія нѣкоторыхъ изъ новыхъ эллинистовъ, видѣвшихъ въ аористѣ форму безотносительную. Но самъ потомъ все таки аористъ называетъ време-

немъ безъотносительнымъ въ нѣкоемъ особомъ смыслѣ, при объясненіи котораго выражается такъ безчеловѣчно, что самъ сознается въ дикости своихъ словъ: *Dass der Aorist (стр. 37) kein tempus ist, dessen Begriff sich durch sogleich allgemein verständliche Definitionen erklären lässt, wird wohl Jeder zugeben, der an die durchaus geistige Natur desselben geachtet hat.*» Конечно, не давши себѣ яснаго отчета зъ своихъ понятіяхъ, и выражаясь подобнымъ образомъ: «Аористъ не представляетъ дѣйствія совершающимся, ни также совершившимся уже, но представляетъ его совершавшійся—совершившимся («werdendgewordene!»), соединяющимъ въ себѣ оба эти момента органически и нераздѣльно,» не трудно вообразить, будто открылъ нѣчто новое. А между тѣмъ дѣло идетъ объ извѣстной, лишь безжалостно высказанной, истинѣ, что аористъ схватываетъ дѣйствіе только въ послѣднемъ (или въ первомъ) моментѣ его совершенія. Но, что всего удивительнѣе, Авторъ, безпрестанно ратуя противъ приведеннаго сейчасъ опредѣленія значенія аориста, кончаетъ однако всякій разъ тѣмъ, что выскажетъ тоже самое, конечно лишь по своему, то есть, очень запутанно: «Zerstückelung der Handlung (стр. 42) wodurch das Ende derselben als ein besonderer Theil von ihr und getrennt von der Mitte gedacht werden konnte, ist überall nicht statthaft, denn die Handlung, die durch eine Zeitform ausgedruckt wird, muss stets als ein untheilbares Ganzes gedacht werden, und wenn es heisst: «ihr Ende in's Auge fassen» so heisst das nicht, ihren letzten Theil, sondern sie, d. h. die ganze ihrer Natur nach, wie die Zeit selbst, in der sie geschieht, fortschreitende Handlung, in ihrem Ende, insofern sie beendigt wird, auffassen.»

Фритчъ въ сочиненіяхъ своихъ: *De aoristi Graecorum vi ac potestate* (Frankfurt. 1837.) и потомъ въ *Kritik der bisherigen Grammatik* (Frankfurt. 1838.), силится подорвать все учение Кюпера и его предшественниковъ объ аористѣ, доказывая примѣрами, что аористъ не выражаетъ ни моментанности, ни учащательности, ни совершенія дѣйствія. Моментан-

ность дѣйствія въ аористѣ опровергалъ онъ примѣрами, гдѣ аористъ употребленъ въ учащательномъ или по крайней мѣрѣ не въ моментанномъ, по его мнѣнію, значеніи, и притомъ утверждалъ, что въ природѣ не бываетъ дѣйствія бездлительнаго. Не хотѣлъ онъ взять въ соображеніе, что всѣ явленія въ природѣ челоѣкъ изображаетъ лишь такъ, какъ они ему представляются, и что потому дѣйствіе само по себѣ можетъ длиться, сколько угодно, и все таки говорящій не теряетъ чрезъ то права указать лишь на конечное мгновеніе его совершенія. Примѣръ отыскалъ для себя Фритчъ, правда, весьма удачный: Herod. 2, 137.

Βασιλεύσαι δὲ τὸν Χεопσ τοῦτον Ἀιγύπτια ἔλεγον πεντήκοντα ἔτη. Царствовалъ же этотъ Хеопсъ, по словамъ Египтянъ, 50 лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ и въ Русскомъ переводѣ поставилъ я вмѣсто Греч. аориста βασιλεύσαι прошедшее длительное; но это потому, что многосложные глаголы наши на *овать*, по своей дородности, весьма не охотно идутъ въ узкую рамку мгновеннаго аориста: впрочемъ, въ случаѣ непремѣнной необходимости, (какъ напр. теперь!) и этому неповоротливому глаголу предлогъ *по* можетъ пособить улесть въ аористъ, и можно будетъ сказать: *а поцарствовалъ Хеопсъ 50 лѣтъ*. Въ приведенномъ примѣрѣ употребленія аориста Фритчъ находитъ представленіе дѣйствія совершавшимся, а не совершившимся. Конечно, это главнымъ образомъ зависитъ отъ воззрѣнія говорящаго, и у него никто не можетъ отнять воли представлять дѣйствіе совершавшимся или совершившимся. Такъ напр. по Нѣмецки равно хорошо можно сказать: dieses Haus bauete ich im vorigen Jahre, und: — dieses Haus habe ich im vorigen Jahre gebaut, какъ и по Русски: *Этотъ домъ строилъ я* (или *выстроилъ я*) въ прошломъ году. При всемъ томъ говорящій беретъ конечно не первую, попавшуюся ему, форму прошедшаго, но избираетъ ту, какая потребуется, по ходу его мыслей и сообразно съ его намѣреніемъ представить дѣйствіе именно въ томъ, или въ другомъ, видѣ. Потому никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ Фритча, будто въ Греч. языкѣ вы-

боръ между аористомъ и imperfectum часто зависятъ лишь отъ требованій благозвучія или даже отъ небрежности въ рѣчи и равнодушія къ точности выраженія. Народъ, художнически подмѣтившій всѣ тончайшія черты дѣйствія (какъ напр. Греч. и Русскій), не позволяетъ себѣ небрежничать въ языкѣ, какъ это сплошь бываетъ у болѣе субъективныхъ націй. Да еще и то упустилъ изъ виду Фритчъ, что вѣдь слово рождается вмѣстѣ съ мыслию, слѣд. и форма спряженія вмѣстѣ съ извѣстнымъ представленіемъ дѣйствія; небрежная и запутанная рѣчь всегда обличаютъ безхозяйство и путаницу въ головѣ. Авторъ беретъ приведенный Кюнеромъ примѣръ изъ Ксеноф. Анаб 5. 4. 23. и полагаетъ, что рѣчь ни мало не потерпитъ отъ того, если въ ней аористы помѣняются своими мѣстами съ формами imperf. такъ: τοὺς μὲν οὖν πελταστὰς ἐδέχοντο (а также δέχονται вмѣсто ἐδέξαντο) οἱ βάρβαροι καὶ ἐμάχοντο (вм. ἐμάχοντο) ἐπεὶ δ' ἔγγυς ἐγένοντο (ἐπεὶ δ' ἐπελάσαντω, ἐπελάχοντο, πελάχονται вм. ἦσαν) οἱ ὀπλίται, ἐτρέποντο (вмѣсто ἐτρέποντο) καὶ οἱ πελτασταὶ εὐθὺς ἔσποντο (ἐδίωξαν αὐτούς (вм. εἶποντο).

Но Русскій языкъ сей часъ обличитъ всю нелѣпость этой варіаціи.

«Варвары *встрѣчали* легкую (нашу) пѣхоту и *сразились*; когда же тяжелая пѣхота *стала* близко, они *сбѣрачивались*, а легкая пѣхота тотчасъ за ними *послѣдовала*.»

Кромѣ нескладницы во всей такой рѣчи, въ концѣ ея, Фритчъ высказалъ нѣчто, прямо противоположное тому, что говорилъ Ксенофонтъ: *послѣдовать за бѣгущими* совсѣмъ не значитъ *гнать ихъ*, но *предаться, вѣсть съ ними, общему бѣгству*.

Бутманово объясненіе (Gr. Gr. § 137. 4), что ἐδέξαντο, и ἐτρέποντο суть дѣйствія моментанныя, а ἐμάχοντο, ἦσαν и εἶποντο длительныя, Фритчъ отвергаетъ, опираясь на то, что моментанность и длительность суть отношенія субъективныя (!), а не объективныя, и что ἦσαν есть imperf.; между тѣмъ какъ ἐγγύς εἶναι есть дѣйствіе столь же мало длительное, какъ и ἐτρέποντο. Нѣмцу нечѣмъ опровергнуть Фритча, а Русскому

очень легко; у насъ, кромѣ формы *приблизжались*, есть другая форма *приблизились*, которую и слѣдовало бы здѣсь поставить, если бы Ксенофонтъ хотѣлъ сказать, что тяжелая пѣхота совсѣмъ была готова примкнуть къ сражающейся легкой. Но онъ, вѣроятно, не хотѣлъ сказать этого, или ему помѣшалось то, что εἶμι (какъ и наше *есмы*) глаголь недостаточный и аориста не имѣеть.

Вотъ еще примѣръ, на который Фритчъ упирается, доказывая, что аористъ не выражаетъ совершенія дѣйствія.

П. XVIII. 408. ἀλλὰ σὺ μὲν, νῦν σὶ παράθες ξεινήϊα καλὰ...
А ты теперь предложи ей (собери) доброе угощенье. По мнѣнiю Фритча, здѣсь говорится о дѣйствии, непременно дѣлающемся. Конечно, стряпня — дѣло довольно мѣшкатное, но здѣсь не о поварскихъ хлопотахъ, довольно неприятныхъ, говорится, а объ весьма приятномъ ихъ результатѣ, т. е. когда хлѣбъ-соль ужъ на столѣ; въ противномъ случаѣ было бы сказано: *а ты готовляй, собирай угощенье.*

Но лучше всего опровергаетъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ Фритча тотъ же самый споборникъ его, Шмидтъ (Osterprogramme des Wittenberger Gymnasium's. 1833. стр. 9., на котораго онъ теперь ссылагается и который по-Латинѣ, къ небольшому удовольствию нашему, объясняется гораздо складнѣе, чѣмъ по-Нѣмецки: «... γράψον βιβλον non minus recte videtur dici posse, quam γράφε βιβλον. Uter enim horum imperativorum usurpandus sit, id non ex breviori, longiore ve temporis spatio, quo res jussa absolvi potest, sed ex solo ipsius jubentis consilio ac cogitatione suspensum est. Ut rem illustrem exemplo: homini docto atque ingenioso ex te quacrenti, quomodo optime sit suum otium consumpturus, respondere poteris: γράφε βιβλον. eidem consulenti, quomodo sibi possit pecuniam facere, non minus recte responderis: γράψον βιβλον. Huic enim id solum conducit, absolvisse librum (ἀνύσαι τὸ γράφειν) illi contra, immorari ei (ἐμμένειν τῇ παρατάσει).»

(17) Фритчъ въ аористѣ повелительнаго не видитъ почти никакой разницы съ формою настоящ. въ повел. наклоненiи.

De aoristi Graecorum vi ac potestate. p. 16. «(Consectarium est) imperativum aoristi, qui pro sua vi unâ cum imperativo praesentis id, quod quis vult, absolute indicat ac propter eam causam nonnisi ad praesens dicentis tempus referri potest, significare id, quod futurum est, sed ita ut (eo ab imperativo praesentis discrepat) perpetuitatis notio reprimatur. Напрасно Фритчъ, лишь бы не признать въ аористѣ значенія дѣйствія совершеннаго, здѣсь какъ бы соглашается видѣть въ немъ моментанность, противъ которой однако вездѣ возстаетъ. Какъ парочно, въ повел. накл. аористъ означаетъ именно конечную точку совершенія дѣйствія и, въ этомъ смыслѣ, моментанность дѣйствія и совершеніе его совпадаютъ. Вотъ примѣры:

Государь мой, родной батюшка!
 Ты *возьми* саблю острую,
 Ты *сойми* мою бѣлую грудь,
 Смотри ретиво сердце!

Вотъ здѣсь, гдѣ говорится о совершившемся дѣйствіи, тамъ стоитъ аористъ, а гдѣ о совершавшемся дѣйствіи, тамъ форма настоящаго. Пусть бы Авторъ попробовалъ передѣлать на свой ладъ нижеслѣдующій живой примѣръ, какъ онъ уже тревожилъ покойника Ксенофонта.

« Не свивайся, не свивайся трава со былинкой,
 Не лестися, не лестися голубь съ голубкой:
 Не свыкайся, не свыкайся молодецъ съ дѣвицей!
 Хорошо было свыкаться, — тяжело разставаться. »

Гдѣ нельзя поставить формы аориста въ повел. наклоненіи, такъ нельзя; живая рѣчь стоитъ сама за себя, а Греч. мертвая книга, конечно, безмолвно должна терпѣть всѣ филологическія истязанія.

(18) О значеніи формъ неопредѣленнаго наклоненія и причастій Кюнеръ говоритъ (§ 434): «Въ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ и причастіяхъ языкъ отличается лишь природу

дѣйствія (Beschaffenheit), современность его съ другими, законченность и раскрытiе его въ будущемъ, не принимая къ соображенiю сферы времени (настоящаго, прошедшаго и будущаго), которой принадлежитъ современность и продолжительность, законченность или раскрытiе его въ будущемъ.» Переведено вѣрно, а все таки нельзя понять, почему въ неопредѣленныхъ наклоненiяхъ и въ причастiяхъ сфера времени настоящаго, прошедшаго и будущаго, между прочимъ, не принимается въ соображенiе, и однако же выражается раскрытiе дѣйствія въ будущемъ времени. Фритчъ говоритъ по—Латинѣ; посмотримъ, какъ то выразится онъ на этомъ умномъ языкѣ, не очень то позволяющемъ небрежничать: *tam infinitivum (p. 15) quam participium, quorum uterque, ille ut nomen substantivum hoc ut adjectivum quavis temporis definitione (futurum tamen excipiendum est) carent, et ad tempus perfectum et futurum designandum usurpantur.* Выходитъ, что всѣ формы неопредѣленнаго наклоненiя и причастiя могутъ употребляться для означенiя дѣйствiя настоящаго и прошедшаго и будущаго (т. е. собственно безъ различенiя времени, но съ различенiемъ лишь совершающагося или совершеннаго дѣйствiя), но только форма будущаго берется для выраженiя дѣйствiя будущаго. У насъ, какъ извѣстно, отъ формы будущаго нѣтъ ни причастiя, ни неопредѣленнаго наклоненiя; но Греки не могли безъ нихъ обойтись, потому что любили сокращать рѣчь, сливая (посредствомъ неопредѣленныхъ наклоненiй и причастiй въ разныхъ надежахъ, особенно въ родит. самостоятельномъ) прибавочное предложенiе съ главнымъ напр. ἔφη σε εὐδαίμονα εἶναι. Онъ сказалъ, что ты счастливъ. Herod. VIII: 136 Ξέρξης σὺν ἔφῃ ὁμοίως ἔσεσθαι Λακεδαιμόνισι, κείνους μὲν γὰρ συγχέαι τὰ πάντων ἀνθρώπων νόμιμα ἀποκτείνοντας κήρυκας· αὐτὸς δὲ ταῦτα σὺ ποιήσῃν. Ксерксъ сказалъ, что онъ не уподобится Лакедемонянамъ, которые нарушили народное право, убивъ пословъ, но что онъ этого не сдѣлаетъ.

Thuc. II. 7. Οἱ Ἀθηναῖοι παρασκευάζοντο ὡς πολεμήσοντες Ἀσیتیανη· приготавлились къ предстоящей войнѣ.

(19) Здѣсь не излишнимъ считаю привести нѣкоторыя изъ мнѣній о значеніи и происхожденіи глаголовъ съ примѣтою *н* въ другихъ языкахъ, сравнительно съ нашею аористическою формою прошедшаго на *нулъ* (и будущаго на *ну*) и такъ наз. начинательными глаголами на *нутъ*.

Изъ нѣсколькихъ, предложенныхъ Боппомъ, догадокъ о происхожденіи Греческихъ глаголовъ съ примѣтою *ν*, упомяну лишь объ одной: «Тѣ изъ Греч. глаголовъ на *αἶνω* (стр. 1058), которые происходятъ отъ простѣйшихъ глаголовъ, находятся въ томъ же отношеніи къ соотвѣствующимъ имъ кратчайшимъ формамъ, въ какомъ Санскр. *ṣaṅaṇuāmi* (иду), въ діалектѣ Ведъ къ *ṣaṅāmi*. Пространнѣйшая форма происходитъ отъ имени дѣйствія *ṣaṅana* (хожденіе)... таковы въ Греч. языкѣ глаголы *ἀναίνω* (отъ *αἶνω*) сушу и сохну *δραίνω* отъ *δράω*, *κρᾶδαινω* отъ *κράδαω*, *χαλᾶινω* отъ *χαλάω*.

Профессоръ Θ. И. Буслаевъ (О вліяніи Христіанства на Слав. языкъ. стр. 187.) сближаетъ суффиксъ *ну* нашихъ, такъ называемыхъ, однократныхъ формъ съ суффиксомъ *н* страдательныхъ прошедшихъ причастій: но какъ отыскать логическую связь между понятіями дѣйствія прошедшаго и дѣйствія мгновеннаго? И еще трудноѣ указать логическій переходъ отъ дѣйствія оконченнаго (въ прошед. страд. причастіи) къ дѣйствію или состоянію начинающемуся, а между тѣмъ тождество суффикса *ну* въ однократныхъ формахъ и въ начинательныхъ очевидно.

Г. Катковъ (объ элем. и форм. Словено-Рус. языка. стр. 200.) относитъ глаголы, по природѣ своей принадлежащіе къ 2-му классу (съ примѣтою *ну*), къ глаголамъ вида опредѣленнаго, по длительнаго, и старается отыскать причину, по которой другихъ породъ глаголы, заходя въ этотъ классъ, получаютъ значеніе однократности, мгновенности и, употребляясь лишь въ будущемъ, да въ прошедшемъ времени, сохраняютъ въ послѣднемъ или рѣдко теряютъ ту примѣту *ну*. На этотъ вопросъ Авторъ отвѣчаетъ догадкою, что «эта примѣта *н* появилась въ замѣнъ сходной съ ней буквы *ж*, бывшей лич-

нымъ суффиксомъ (какъ въ *ес—мь*, *л—мь* да—мъ, да—мь). Языкъ превращалъ повсюду букву *м* личного суффикса въ анусвару (*н*, *ж*) и глаголы *дъм*, *стам* могли легко забыть свойство своей заключительной буквы, почли ее за коренную, приняли вновь личный суффиксъ (уже *ж*) и пошли такъ въ спряженіе.»

Но есть обстоятельства, лишающія эту догадку всякой вѣроятности, и во-первыхъ: за три предъ тѣмъ страницы Авторъ приравнивалъ наши глаголы 2-го класса съ примѣтою *ну* къ Санскр. глаголамъ VII и IX классовъ, а также къ Греческимъ съ суффиксами *υο* и *υα* и къ Латинскимъ. Теперь, какъ же приравненіе это, высказанное положительно, будетъ вязаться съ тою догадкою о туземномъ происхожденіи Слав. глаголовъ съ примѣтою *ну*? Во 2-хъ, чтобы *дъм*, *стам* переродились въ *дъну*, *стану*, они должны были ходить въ видѣ *дън*, *стан* до тѣхъ поръ, пока языкъ забылъ приставочную природу ихъ заключительныхъ согласныхъ. Однако едва ли удастся приискать аналогію, на которой можно было бы опереть возможность формъ *дън*, *стан*, столь мало похожихъ на глагольные. И наконецъ языкъ вѣрно твердо помнилъ непринадлежность къ корню той буквы *н*, если не принималъ ее въ формы: *стою*, *дъю*, произведенныя отъ тѣхъ же корней, и даже догадался устранить ее изъ прошедшаго времени въ большей части случаевъ, гдѣ она оказывалась особенно неумѣстною. Примѣръ глагола *слъпнуть*, приведенный Авторомъ, тоже ничего не помогаетъ. Всѣ, такого окончанія, начинательные глаголы суть явно не отглагольные, а отъименные (а при именахъ объ личныхъ суффиксахъ не можетъ быть и рѣчи), и, по всей вѣроятности, образованы по аналогіи съ однократными формами спряженія.

— Прот. Павскій (3-е Разсуж. стр. 39.) считаетъ букву *у* бѣглою, принятою на случай соединенія отличительной буквы *м* съ *тъ*: но въ такомъ случаѣ зачѣмъ она удержана въ формѣ *двинулъ*, а въ формахъ *сохъ*, *мохъ* и пр. выброшена, да еще и вмѣстѣ съ отличительною *н*?

Въ Греческомъ языкѣ суффиксъ *ν* удерживается лишь въ настоящемъ времени съ его наклоненіями и причастіемъ и въ imperfect; кратчайшія же (и, по всей вѣроятности, древнѣйшія) глагольныя темы, каковы: *πίρω* въ сравненіи съ *πίνω*, *βαίω* въ сравненіи съ *βαίνω*, *λείπω* въ сравненіи съ *λιμπάνω* и пр. выѣстъ съ формами спряженія, отъ нихъ происходящими, того суффикса не имѣютъ. Слѣд. въ Греческомъ глаголѣ онъ принятъ для образованія формъ настоящаго, въ отличіе отъ древнѣйшихъ глагольныхъ темъ, превращенныхъ въ формы будущаго; подобно тому какъ у насъ посредствомъ суффикса *а* составлена удлинненная форма настоящаго *бросаю*, въ отличіе отъ кратчайшей и древнѣйшей темы *брошу*, обращенной въ будущее. Сравнимъ теперь удлинненные и кратчайшія темы Греческія съ Русскими таковыми же: *δύνω** = (о) *дъваю*, краткая тема *δύω* (*δύσω*) = (о) *дъну*, *πίνω* = *пью*, *πίρω* = *буду пить*, *напьюсь*; выходить, что тотъ же самый суффиксъ, которымъ Греки воспользовались, для полученія себѣ формы настоящаго въ спряженіи, признавъ кратчайшую и древнѣйшую тему въ значеніи будущаго, мы употребили для образованія формы будущаго, признавъ кратчайшую и древнѣй-

* Единство корня въ Греч. *δύνω* и нашемъ *дъваю* доказывается тождествомъ значенія: *δύνω* intransit. значить, *дѣться*, т. е. удалиться (напр. куда дѣться!) а transit, *дѣть* т. е. положить, потомъ, положить на себя напр. оружіе, платье; отсюда уже—одѣваться. Вотъ примѣръ.

II. XIII. 240.

Ἰδομενεύς δ' ὅτε δὴ κλισίην εἴτυκτον ἦενεν
δύβετο τεύχεα καλὰ περὶ χροῖ· γέντο δὲ δοῦρε.

«Идоменей же, какъ пришелъ въ разубранный шалашъ (свой),
Надѣлъ себѣ добрыя доспѣхи на тѣло, да *взялъ* два копья.»

Въ этомъ примѣрѣ стоитъ еще обратить вниманіе на обломок нашего корня *ѣму*, который у насъ разросся такимъ многоглаголюющимъ деревомъ. Въ Греческомъ языкѣ уцѣлѣло отъ него лишь третье лицо *γέντο* *взялъ* отъ того времени, когда еще не различали разныхъ временъ прошедшаго.

шую тему въ значеніи настоящаго. Впрочемъ и Греки при глагольномъ производствѣ употребляли тотъ же самый суффиксъ и отчасти и въ значеніи будущаго. Вспомнимъ приведенные въ Бопповой цитатѣ примѣры, $\delta\rho\alpha\acute{\iota}\nu\omega$ (кор. $\delta\rho\alpha\omega$, $\delta\delta\rho\alpha\sigma\kappa\omega$) собственно значить желать *длѣть*, $\alpha\upsilon\alpha\acute{\iota}\nu\omega$ (вяну?) = *сушу* и *сохну*, т. е. желаю сдѣлать сухимъ, или стремлюсь сдѣлаться сухимъ, $\alpha\lambda\epsilon\alpha\acute{\iota}\nu\omega$ *грѣть* и *грѣться*, $\alpha\kappa\tau\alpha\acute{\iota}\nu\omega$ = *ринуться* (слово до сихъ поръ не успѣвшее у насъ приобрести себѣ форму настоящаго; срав. $\rho\acute{\iota}\pi\tau\omega$) и пр. Большая часть такихъ глаголовъ имѣютъ значеніе желательныхъ, или лучше сказать пожелательныхъ*, *verba desiderativa*. Дѣйствіе желаемое, въ отношеніи къ желающему лицу, есть дѣйствіе предстоящее, будущее. Отсюда недалеко переходъ къ образованію глаголовъ съ тѣмъ же суффиксомъ для выраженія такихъ дѣйствій, которыя совершаются какъ бы внутри природы предмета и, по своей неумовимой постепенности, незамѣтны для нашихъ глазъ. Мы не видимъ ихъ совершающимися, но сознаемъ ихъ таковыми, на основаніи опытовъ. Мы видимъ напр. въ природѣ *сухое*, (т. е. засохшее дерево), *увядшій* цвѣтокъ; по это уже есть состояніе тѣхъ предметовъ, въ которое они пришли, по совершеніи внутри ихъ дѣйствій *засыханія* и *увяданія*. Застигнуть же природу въ каждомъ моментѣ, когда совершаются въ ней подобныя дѣйствія, подглядѣть таинственный процессъ жизни и смерти въ его настоящности, созерцать его мы не можемъ (нѣтъ у насъ способности на то!), и умозаключаемъ объ немъ лишь по его проявленію, слѣд. состоянію. Такимъ образомъ суффиксъ и въ такъ называемыхъ глаголахъ начинательныхъ и Греч. пожелательныхъ, выражаетъ не дѣйствіе, по состояніе жи-

* Хотя въ Академическій Словарь, къ сожалѣнію, не принято это слово, которое однако вѣрнѣе передаетъ понятіе о дѣйствіи, уже выраженномъ въ тѣхъ глаголахъ. *Желательный глаголъ* будетъ собственно означать дѣйствіе, котораго желать *должно*, а не то, котораго уже *пожелали*. Впрочемъ приняты въ Академич. Словарь аналогически съ словомъ *пожелательный* образованныя слова: *повелительный*, *погружальный*, даже *погружительный*.

даемое, имѣющее наступить по совершеніи (внутри предмета) дѣйствія не видимого нами, но сознаваемого; значитъ, онъ употребленъ сознательно и разумно въ нашихъ формахъ будущаго и аористическаго прошедшаго, равно какъ и въ начинательныхъ глаголахъ Греческихъ и Русскихъ. Тѣ Греческія *desiderativa* уже могутъ быть названы начинательными, хотя они (можетъ быть) и неотъемлемые, каковы почти все наши. Они вполне соотвѣтствуютъ нашимъ *ину*, *тону*, *тяну*. Первый изъ этихъ глаголовъ (*ину*) у Прот. Павскаго (Разсуж. II-е. стр. 41), не извѣстно почему, отнесенъ къ глаголамъ мгновеннымъ, а второй (*тону*) къ начительнымъ (стр. 40). Но вѣдь глаголъ *ину* не означаетъ дѣйствія мгновеннаго, а потому имѣетъ и настоящее время. Эти три глагола служатъ какъ бы переходомъ отъ аористическихъ формъ къ начинательнымъ; подобно первымъ удерживаютъ они въ спряженіи свою приставку *и*, а подобно вторымъ имѣютъ форму настоящаго (во избѣжаніе злозвучныхъ *ибаю*, *тягаю* и двусмысленнаго *топаю*); они напоминаютъ собою также и Греч. *desiderativa*, произведенныя отъ будущаго времени, наприм. *πολεμῆσαι* и свидѣлствуютъ, что суффиксъ тотъ же *ну* принятъ первоначально, для означенія именно будущаго времени; потомъ заимствованъ, для образованія аориста, какъ въ Греч. *τύψω-ἔτυψα*, а наконецъ такъ назыв. глаголовъ начинательныхъ. Въ Греческомъ языкѣ, для произведенія глаголовъ начинательныхъ отъ именъ прилагательныхъ и существительныхъ, употребленъ тотъ же самый суффиксъ: *γλυκαίνω* солодить, *ἐριδαίνω* ярить или яриться (состязаться), *αἰσχύνομαι* стыжу, *μηκύνω* (отъ *μακρὸς-μάσσων* срав. мѣникаю) длю, *κηραίνω* сердить, *κελαίνω* (отъ *κοῖλος* пустой, срав. хайло) долблю и пр. и пр.

Суффиксъ Латинскихъ *Inchoativa*: *asco, esco, sco* Боппъ (Vergl. Gram. § 776.) производитъ отъ существительнаго глагола въ значеніи *стать*, а Поттъ (Etym. Forsch. II. B. S. 17) сближаетъ его также съ Греческимъ суффиксомъ уменьшительныхъ именъ *ισκο, σκο* (сравн. наши: шка, шко, напр.

Дунюшка, Любушка). Впрочемъ суффиксъ этотъ извѣстенъ и въ Греческихъ глаголахъ, только большею частію не въ значеніи вступленія въ состояніе, но пребыванія въ немъ, какъ отчасти и въ Латинскомъ языкѣ, *ῥάσχω* *рыскаю*, *ῥιψύ*, *ἀλδήσκω* *росту* и *рощу*, *rudesco* стыжусь.

Мнѣ крѣпко хотѣлось бы породнить съ тѣмъ Греко-Латинскимъ суффиксомъ нашъ глагольный *ствую*, *ствовать*. Буква *к* превратится въ *т* безъ особеннаго сопротивленія; вѣдь переходила же она сама (добровольно) въ эту букву, какъ видно изъ словъ: *желкнуть* и *желтый*, *царскій* и *царство*, даже *въ царствѣмъ*. Суффиксъ *у* или *ов* (блаженствую, блаженствовать) тоже не помѣшалъ бы, потому что вотъ и въ Греческомъ *ῥάσκαζω* видимъ тоже вѣдь два суффикса. Все это веду я къ тому, что бы имѣть удовольствіе указать на дивную смѣтливость, утонченность логики въ Русскомъ языкѣ, который особыми примѣтами различилъ вступленіе въ извѣстное состояніе (собственно приготовленіе къ ожидаемому состоянію, образующееся состояніе) отъ пребыванія уже въ начавшемся. Греческій же и Латинскій языки поступили въ этомъ случаѣ не съ такою тонкою разборчивостію, смѣшавъ начинательность и длительность подъ одною и тою же примѣтою *σχω*, *ско*.

Но, подобно Латинскому *tubesco*, не пошедшему въ форму *perfectum* (которая Впрочемъ есть вмѣстѣ и аористъ) съ своею примѣтою, и наши начинательные на *нутъ*, исправно проспрягавшись въ настоящемъ времени, какъ бы задумались предъ вступленіемъ въ форму прошедшаго длительного (*imperfectum*); примѣта *ну* смѣло напомнила имъ объ своемъ аористическомъ происхожденіи и рѣшительно (я увѣренъ въ томъ!) отказалась идти въ чуждую натурѣ ея форму дѣйствія или состоянія длительного. Такъ очутились тѣ глаголы въ видѣ голыхъ корней, съ однимъ причастнымъ суффиксомъ, въ формѣ прошедшаго: *мокъ*, *сохъ*, *вялъ*. Формы же: *мокнулъ*, *сохнулъ*, *вянулъ* и т. п. какъ «не помняція родства», заслу-

женно подлежать острацизму. Другое дѣло вотъ напр. форма *впнуулъ* (отъ *вѣять*); она разумна и слѣд. законна:

«Впнули вѣтры да по полю,
Грянули весла да по морю:
Пролились слезы (иіѣркѣ).

Прежде нежели разстанусь съ этою прекрасною формою аориста, я долженъ сдержать данное мною въ первомъ отдѣлѣ этого сочиненія обѣщаніе, привести въ ясность дѣло объ отзывѣ Копитара, касательно нашихъ хранителей цѣлости спряженія и касательно той самой формы мгновеннаго дѣйствія. Хотя Таппе и увѣрялъ, что онъ самъ дошелъ до открытія видовъ, но я увѣренъ, что онъ *изобрѣлъ* это *открытіе*, просто сказать, вычиталъ его въ Грамматикахъ Западныхъ Славянскихъ нарѣчій (и, думается мнѣ, прямо таки въ Копитаровой Грамматикѣ Краинскаго нарѣчія); онъ же къ стати издавна пишутся на Нѣмецкомъ языкѣ, а потому были ему гораздо сподручнѣе, чѣмъ Грамматика Ломоносова. Теперь поразберемъ, могъ ли Копитаръ при всей своей, впрочемъ весьма многосторонней, учености, знать насущныя свойства языка Русскаго основательнѣе, нежели какъ зналъ ихъ Ломоносовъ. Копитаръ говоритъ, что онъ лишь перелистывалъ Русскія Грамматики и притомъ лишь немного перелистывалъ, считая ихъ какъ бы не стоящими вниманія: «*Krainische Leser (Grammat. Slaw. Spr. in Krain etc. 1804. S. 302. Anm.) die noch weniger als ich in Russischen Grammatiken geblättert hatten....*» Любопытно было бы знать, откуда почерпнулъ онъ познанія въ Русскомъ языкѣ, если едва читалъ наши Грамматики! Теперь, вотъ что говоритъ онъ объ Русскомъ Ломоносовскомъ спряженіи (стр. 305): «Въ спряженіи глагола *двигаю* (у Русскихъ), по нашему *vsdigam* (знач. поднимаю), перепутаны 4 формы *dvigam, dvigujem, dvignem, sdvigam*, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ въ нашемъ нарѣчій (Вотъ то-то и есть! Таппе же, какъ парочно, эти-то рѣшительныя слова и проглядѣлъ!) каждая имѣетъ у себя *полное спряженіе* и *особѣ* хотя и род-

ственное значеніе (вѣроятно, какъ наши *несу* и *ношу* и т. п.) *Потѣха глѣдѣть* (?), какъ этотъ глаголѣ (и тысячи ему подобныхъ) стараются тамъ извинить въ недостаткѣ то одной, то другой формы спряженія (У Ломоносова набралось въ этомъ глаголѣ ровнехонько 10 временъ и недостатка никакого не оказалось); а между тѣмъ лишь у самаго Грамматика *недостаетъ логики.*»

Копитаръ, рѣшившись разъ не вѣрить никому и ничему (вспомнимъ про исторію Краледворской рукописи и т. п.) кромѣ своей Глаголиты, крѣпко удивляется (просто не вѣрить), что у Чеховъ и Русскихъ (стр. 310.) форма на *ну* употребляется въ смыслѣ будущаго, и не жалѣетъ даже родной своей *dwignem*, называя ее *обрусачившеюся* (Тутъ ужъ кажется, мы ни душой ни тѣломъ!...) *russisirende Form*, вѣроятно за то, что она и по-Краински употребляется въ смыслѣ будущаго, а истыми Краинскими признаетъ лишь предложныя *vsdignam* и *vsdignem*. Упрекаетъ онъ насъ также за то, что мы не говоримъ: *So ga trije dvigali, pa ga niso dvignili*; а потомъ и насъ и Чеховъ уличаетъ въ подражаніи Нѣмцамъ, что мы будущее время составляемъ себѣ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, а не съ причастіемъ, какъ по-Краински: *bom* (т. е. *bodem*) *vsdignil*, собственно *буду поднималъ*. Но къ чему этотъ споръ Славянъ между собою? Будемъ лучше держаться умной нашей пословицы: Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ.

Замѣчательнѣе всего то, что умный Капитаръ чувствовалъ родство спряженія у Словенскихъ народовъ съ Греческимъ (а не съ Латинскимъ и Нѣмецкимъ):» *das slawische Verbum* (стр. 30.) *scheint interessante Aufklärungen über das griechische zu erhalten*», даже сознавалъ тождество формы *двинулъ* съ Греческимъ аористомъ (стр. 306.) и все таки рѣшился въ своей Грамматикѣ распѣвать Латинское спряженіе на Краинскомъ нарѣчій: «*wir wollen in altem Geleise* (стр. 302.), *wie es bisher alle Europäische Grammatiker thaten, die La-*

teinische Conjugation interpretiren.» Крѣпко, крѣпко тамъ облатылись!

Пожалуй и у насъ скажутъ, что наша форма на *ну* употребляется иногда въ смыслѣ настоящаго. Конечно, и не только эта форма, но и предложныя формы будущаго, да еще и не въ единичномъ, а въ учащательномъ (по моему, собирательномъ) смыслѣ; но тоже самое было и у Грековъ; вотъ примѣры:

II. II. 147. Ὡς δ' ὅτε κινήσει Ζέφυρος βαθὺ λήϊον. Словно когда Зефиръ заструитъ (соб. двинетъ, пошатнетъ) высокую жатву.

Odys. IV. 208. ῥεῖα δ' ἀρίγνωτος γόνος ἀνέρος, ὅτε Κρονίων ὄλβον ἐπικλώσει γαμέοντι τε γεινομένῳ τε. Ужъ и видно отродье челоуѣка, которому Кроніонъ дастъ (присудитъ) счастье и въ женѣ и въ дѣтяхъ.

«Хожу я по улицѣ, да не *нахожуся*:

Гляжу я на милую, да не *нагляжуся*.»

Здѣсь формы будущаго хотя, повидимому, стоятъ на равныхъ правахъ съ настоящими, а между тѣмъ очень хорошо помнятъ себя, какъ будущія; потому что переложите-ка стихи тѣ въ прозу и выйдетъ вотъ что:

«Часто хожу я по улицѣ; да и никогда не *прискуचितъ* мнѣ ходить по ней: не свожу я глазъ съ своей милой; да и вѣчно *буду глядѣть* на нее.»

Въ заключеніе, отдохну на удачномъ примѣрѣ, въ которомъ рядкомъ стоятъ всѣ три наши формы прошедшаго для выраженія дѣйствія въ самомъ себѣ моментаннаго и лишь моментанно представляемаго, указаніемъ на одну начальную, или на одну конечную точку его совершенія. Odys. VIII. 189.

Τὸν ῥα περιστρέψας ἦκε στεβαρῆς ἀπὸ χειρὸς
Βόμβησεν δὲ λίθος κατὰ δ' ἔπτηξαν ποτὶ γαῖαν
Φαιηκὰς δολιχῆρται....

Размахнувшись, швырнул онъ (камень) крѣпкой рукою;
Загудѣлъ камень, пригнувшись къ землѣ
Феакійцы, Долгія — Весла.»

(20) Здѣсь Фритчъ опять представляет свои возраженія противъ такъ называемаго учащательнаго значенія аориста: «Nec unum monemus (De aor. Graec. p. 12) si notio *solere* aoristo vere inesset, eam ubique (?) comparere, hoc vero cum secus esse omnes consentiant, ne illud quidem verum esse potest. Nec vero ulli (?) conjugationis (ut dicunt) formae iterationis notio impressa est, neque in Graeca lingua neque in aliis. Si ea uspiam emergit, ex sermonis contextu prodit.» Такъ объ чемъ бы кажется тутъ и толковать! Я же, право, пожалѣлъ бы столь хорошей Латыни для столь жалкаго силлогизма. А во всемъ виновато неудачное названіе собирательнаго аориста *учащательнымъ*. Эта учащательность сбиваетъ съ толку самыхъ обстоятельныхъ толкователей: слышать звонъ, да не знаютъ, гдѣ.

(21) Фритчъ старается отвергнуть возможность выраженія формою будущаго дѣйствій моментанныхъ, и ссылагается на употребленіе ея вмѣсто историческаго настоящаго (*praesens historicum*). Въ Kritik der bisherigen Grammatik на стр. 107. онъ говоритъ: «Нѣмецкому чувству языка *противенъ* такой способъ выраженія, да и въ Латинскомъ языкѣ онъ едва ли употребителенъ, хотя въ Греческомъ онъ очень обыкновененъ. Хер. 3. 1. 4. «ἡγήσατο δ' ὁ Θιμβρων καὶ περ' Ἀθηναίων τριακοῦσις ἰππέας ἑπὶν τε αὐτὸς μισθὸν παρέξει. Θимбронъ попросилъ также у Аѳинянъ 300 всадниковъ, говоря, что онъ самъ имъ заплатитъ (будетъ платить).» Не понимаю, что находитъ Фритчъ тутъ противнаго чувству Нѣмецкаго языка! Чѣмъ же дурно будетъ сказать это по-Нѣмецки такъ: Thimbron bat auch von den Athenern 300 Reiter, sagend, dass er selbst den Lohn zahlen werde? Просто сказать: Фритчъ взводитъ на родной свой языкъ напраслину. И по-Нѣмецки ничѣмъ не хуже нашего: *громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится*, говорятъ: Es wird nie donnern, ohne zu blitzen;

или даже и такъ: *so oft es donnert, wird es auch blitzen*, и смыслъ точь въ точь остается тотъ же, какъ и *wenn es donnerte, blitzte es auch*.

(22) Для объясненія формы на *ывалъ* съ этимологической стороны можно бы привести сужденія лингвистовъ Боппа, Потта и др. о значеніи и вообще назначеніи удлинненныхъ формъ въ глаголѣ; это, конечно, не помѣшало бы, да впрочемъ и не помогло бы мнѣ нисколько. Но приведу мнѣнія нашихъ Филологовъ объ этой формѣ.

Г. Катковъ (объ элем. и форм. Словено-Русск. языка стр. 203—208.) говоритъ, что въ такъ называемыхъ глаголахъ многократнаго вида распространеніемъ формы символически изображается *давность дѣйствія*, представляется прошедшее *сомнительно* и *неопредѣленно*.

Но какъ разумѣть здѣсь *давность дѣйствія*? Будетъ ли это давность безотносительная, или только давность, съ точки зрѣнія говорящаго? Принимая первое, слѣдовало бы употреблять ту форму въ рассказѣ обо всѣхъ древнихъ историческихъ событіяхъ; принимая второе, надлежало бы, упоминая объ какомъ либо происшествіи изъ своего младенчества, выражаться напр. такъ: *я не помню, какъ меня крещивали* (вм. крестили). Возьмемъ же правильную фразу: *прежде онъ ко мнѣ часто хаживалъ; но вотъ уже нѣсколько дней, какъ я его не вижу*. Гдѣ же тутъ *давность дѣйствія*, и что въ этомъ дѣйствіи *сомнительнаго*? Да и можетъ ли вообще какая бы то ни была форма изъявительнаго наклоненія, сама по себѣ, представлять дѣйствіе сомнительнымъ? Не сомнительность и давность дѣйствія языкъ имѣлъ въ виду, при составленіи этой формы, по слитіе неопредѣленнаго числа дѣйствій въ одно отвлеченное понятіе,—собрательноепредставленіе дѣйствій; подобно тому, какъ при словахъ: *лѣсъ, народъ* мы не отличаемъ въ своемъ представленіи отдѣльныхъ деревьевъ или людей.

Съ этимологической стороны образованіе той формы Г. Катковъ считаетъ двух-приемнымъ (стр. 204): къ глаголу 3-го (т. е. 4-го) класса *ходи* приложится характеръ 5-го *а*, вый-

детъ *ходиа*, откуда *хожа*, т. е. и проникнетъ въ предъиду-
щее *д*, и смягчить его на *ж* (*жд*): приставится (За чѣмъ
же это еще разъ)! вновь *а*, а будетъ *хожаа*; гласные
элементы раздѣлятся полугласною *е*, будетъ *хожава....*» Точ-
но, будетъ *хожава*, но не будетъ *хажива*, какъ всегда го-
ворилось по-Русски, а разница между этими формами не
малая, а именно: тогда какъ Ц.-Славянская *хожава* (если
только это не субститутъ вмѣсто доказательнаго *хождаа*, гдѣ
удвоеніе буквы *а* можно, пожалуй, принять еще и за пра-
вописный знакъ полногласнаго выговора буквы *а*) оказывается
формою, въ два приѣма образованною, въ Русской формѣ
хажива видно только однократное усиленіе коренной темы.
Далѣе въ Русск. *хажива* гласная корня *о* усилена перемѣ-
ною на тяжелѣйшую *а* и совлеченіемъ ударенія на корень,
грозившій безъ того потонуть въ долговязомъ окончаніи; въ
Ц. Словенск. *хожава* ничего такого не видно. И такъ то,
что (стр. 205.) отнесено Авторомъ къ языку Ц.-Славянскому,
можетъ быть примѣнено лишь къ Русскому. И вообще, спра-
ведливо ли приводить Русскія формы во внушительныя отноше-
нія къ Ц.-Славянскимъ, т. е. древне-Болгарскимъ? По это-
му-то поводу Авторъ совсѣмъ незаслуженно укорилъ свой
родной языкъ въ малосильности его слоудареній, будто
заставляющей насъ говорить *вм. устанавливаю, закладываю,*
устраиваю сокращено: *устанавлию, закладѣю, устройю*. Смѣю
завѣрить, что послѣднія формы суть Ц.-Славянскія и доселѣ
чувствуются еще, какъ такія; потому что отличаются пе-
реноснымъ своимъ значеніемъ отъ первыхъ, чисто Русскихъ,
и доселѣ для Русской груди ничуть не отяготительныхъ.
Непонятно еще, почему Авторъ, столь безпристрастно обли-
чивши въ самозванствѣ формы: *бывать, давивать, вмѣстѣ съ*
тѣмъ восхищается словомъ *давиваль*, и находитъ прелесть въ
подобныхъ звукахъ: «не давиваль ли?.... Не давиваль!»....
(стр. 207.) На мой слухъ эта форма (*давиваль*) ни чуть не
прелестнѣе такихъ напр. *мыываль, мывываль*; и если не въ
примѣръ другимъ, терпится, то, кажется, лишь потому, что

самыя формы *давать* и *бывать* принадлежать, вѣроятно, къ древнѣйшей формаци, нежели напр. *хаж-ив-а-ть*. Это впрочемъ нисколько не касается права Чеховъ, говорить себѣ на здоровье *bywawal* и, еще лучше, *bywawawal* (стр. 203). Въ груди у насъ, пожалуй, хватило бы духу и на такую четырехъярусную форму, да въ ухо-то наше ей не пролѣзть!

— Прот. Павскій (3-е Разсуж. стр. 24 — 25.) выводитъ форму *игрывать* отъ *играть* въ 5 приемовъ: *играть* 1) *игр-а-а-ть*, 2) *игр-а-в-а-ть*, 3) *игр-ѣ-в-а-ть*, 4) *игр(ѣ)-о-в-а-ть*, 5) *игр-ы-в-а-ть*. И того 5 разъ передѣлывалъ языкъ эту форму, пока добился наконецъ до такой, что лучше не лзя требовать. Однако справиться бы, употреблялись ли когда у насъ тѣ, что-то подозрительныя формы: *игравать*, *игрѣвать*. Замѣчательно, что здѣсь также, какъ и у Г. Каткова, точною отправленія принята Ц.-Славянская форма *играать*. Неужели однако, до введенія къ намъ Ц.-Словенской граматности, у насъ совсѣмъ не существовало формы, которая соотвѣтствовала бы той Ц.-Славянской *играа*, но выросла бы на почвѣ нашего языка? Если скажутъ, что дотолѣ и въ нашемъ языкѣ она звучала также, какъ въ Ц.-Славянскомъ, т. е. *играа*: такъ ради чего, какъ нарочно, тотчасъ по принятіи Ц.-Словенской граматности, долженствовала еще утвердить и какъ бы освятить употребленіе той исконной формы *играа*, мы вздумали мудровать надъ нею и ломали ее на разныя манеры до тѣхъ поръ, пока добыли себѣ *игрыва*.

— Заслуживаетъ особеннаго вниманія мнѣніе Тимковскаго, сближавшаго суффиксы прилагательныхъ: *ивый*, *ливый*, *авый* (Опытный способъ къ философич. познанію Росс. языка. Харьковъ. 1811. стр. 13.) съ примѣтою глагольных формъ *иве*, *ив*: «окончанія *авый*, *ливый*, *ивый* означаютъ казистое «приближеніе къ свойству и присвоеніе качества. Сии окончанія имѣютъ сходство съ окончаніями глаголовъ на *ивать*.» И потомъ на стр. 19. «Какъ въ производныхъ прилагательныхъ именахъ окончанія на *ивый* и *ливый* заключаютъ уча-

«щеніе качества, сему подобно входятъ въ глаголы оконча-
«нія на *ивать* или *ивать*.»

Въ Ц.-Слов. языкѣ суффиксъ *с* есть примѣта прошедш. причастія въ нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ и среднихъ глаголахъ, напр. *живый*, *благословивый*, *завывый* и пр., но въ Русск. языкѣ есть слова съ этою примѣтою въ своемъ окончаніи, однако же значеніемъ своимъ указывающія на причастіе страдательное, напр. *пиво*, то, что пьется, *жениво*, *лди-во*, *мльсиво*, *шовъ* и т. п. Въ Сербск. языкѣ буква та держится еще въ нѣкоторыхъ прошедшихъ причастіяхъ, тоже страдательныхъ, напр. *ливен* литый, *млевен* молотый (отъ *млети* молотъ), *жневен* жатый (отъ *жети* жать серпомъ). Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, не встрѣтилось бы особыхъ препятствій сравнить тотъ суффиксъ нашъ *с* съ Греческ. σ въ причастіяхъ аориста 1-го страд. напр. $\tau\phi\theta\epsilon\iota\varsigma$ = (*бивый*) битый. Тогда надобно будетъ предположить, что форма причастій на *вий* въ Ц.-Словенскомъ языкѣ измѣнила уже свое значеніе залога страдательнаго на дѣйствительное; но въ Русскомъ, какъ бы помня свою первобытную природу, входитъ въ составъ прилагательныхъ, произведенныхъ не отъ дѣйствительныхъ глаголовъ, но отъ общихъ, или, по крайней мѣрѣ, среднихъ, напр. *опасливый*, *боязливый*, *страшливый*, *гулливый*, *служивый* и т. п. Отсюда бы, кажется, только рукой подать до аориста собирательнаго, такъ что *служиваль*=*былъ служивый*, *гуливаль*=*былъ гулливый*, *шаливаль*=*былъ шаливый* и т. п.

— Въ Академической Грамматикѣ (1802 г. § 213) несправедливо сказано, что *бывало* прибавляется только къ формамъ прошедшаго и притомъ лишь тѣхъ глаголовъ, которые не имѣютъ такъ называвшагося давнопрошедшаго, многократнаго. Однако тамъ же приведена въ примѣръ *бывало хаживаль*, форма, которую я нахожу избыточествующею, просто сказать, излишнею. Во всякомъ случаѣ, если можно сказать: *бывало хаживаль*: то какъ же отвергать форму: *бывало ходилъ*?

Востоковъ (Простр. Грам. 1838 г. стр. 234.) весьма вѣрно указалъ на возможность приложенія того словечка *бывало* къ временамъ: настоящему, прошедшему и будущему. Нельзя лишь согласиться съ нимъ, будто при настоящемъ времени *бывало* употребляется для показанія дѣйствія давно происходившаго какъ бы еще продолжающимся. Но послѣ *бывало* время дѣйствія (какъ время) въ глаголахъ, къ нему относящихся, уже не различается; а различается лишь степень дѣйствія, то есть дѣйствіе совершающееся (въ какомъ бы то ни было времени), или совершившееся: такъ что *бывало читаю* есть форма совершенно равная *бывало читалъ*, и *бывало прочитаю* = *бывало прочиталъ*, *бывало загуляю* = *бывало загулялъ*.

(23) Г. Катковъ утверждалъ (объ элемент. и форм. яз. Словено-Русскаго. Положеніе 15-е): «Въ устроеніи глагольныхъ формъ нашъ языкъ имѣлъ наиболѣе въ виду различіе «дѣйствія осязаемаго и дѣйствія мыслимаго.» Изъ раскрытія этого положенія въ самомъ Разсужденіи (стр. 198—109.) оказывается, что подъ именемъ мыслимыхъ Авторъ разумѣетъ дѣйствія обычные, или только возможные, выражаемые такъ наз. видами: неопредѣленнымъ и многократнымъ; а осязаемыми называетъ онъ дѣйствія, происходящія въ данной кратъ времени, выражаемые видами опредѣленнымъ и однократнымъ. Это противоположеніе дѣйствій осязаемаго и мыслимаго едва ли удачно, и во первыхъ уже по самой сбивчивости тѣхъ названій: развѣ осязаемыя дѣйствія вмѣстѣ съ тѣмъ не мыслимы? Однако примемъ слова *мыслимый* и *осязаемый* за однозначачія съ словами *обычный* и *единичный*. Но развѣ глаголы вида неопредѣленнаго выражаютъ всегда лишь дѣйствіе обычное, мыслимое, а единичнаго, въ — очью совершающагося, и выразить не могутъ? Конечно могутъ, и вотъ примѣры: «*Залянуль я въ избу: тамъ ребятишки бѣгали и скакали по лавкамъ, другіе ползали и валялись по полу.*» — «*Гдѣ ты былъ? Вздилъ (а не ѣхалъ) въ городъ.*» Здѣсь дѣйствіе принимается какъ бы въ качествѣ состоящаго;

нѣчто подобное тому встрѣчается и въ Нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ также различаютъ: *ich habe gefahren*, и *ich bin gefahren*.

Съ другою стороны и глаголы вида опредѣленнаго означаютъ нерѣдко дѣйствія обычные, или, если угодно, мыслимые, напр.

«Всѣ долгу здѣсь послушны,
Блужить предатель сихъ дружинъ.»
«Чтобъ большимъ то рѣкамъ
Слава неслась до моря.»

Каждому данъ свой крестъ нести въ этой жизни. Онъ всякій разъ, какъ ѣдетъ въ Петербургъ, записываетъ ко мнѣ. Онъ ведетъ жизнь распутную. Время летитъ быстро, или идетъ медленно. Курица несется. Ты никогда не можешь ходить тихо, а всегда блужишь. Значитъ, ходить, летать и проч. при случаѣ суть такія же ощутимыя дѣйствія, какъ и летѣть, несть и проч., и наоборотъ: послѣднія могутъ, когда нужно, употребляться въ смыслъ дѣйствій обычныхъ, мыслимыхъ.

(24) Общія глаголы, по значенію, отличаются отъ возвратныхъ тѣмъ, что выражаютъ не дѣйствіе предмета на самого себя, но уже состояніе его, какъ результатъ того дѣйствія. Какъ бы средину между тѣми и другими занимаютъ глаголы, производимые какъ отъ дѣйствительныхъ, такъ и отъ среднихъ, съ приставкою *ся*, и означающіе качество (состояніе) предмета истинное, или только кажущееся, приписываемое ему наблюдателемъ, а также способность, иногда привычку къ дѣйствію, напр. *Рѣка издала синь ется, а вода въ ней одна-ко зеленовата; крапива жжется, хоть и не горяча; нитки реутся; дитя плачется.*

Еще замѣчателенъ случай, когда мѣстоименіе *ся* прилагается лишь къ третьимъ лицамъ глаголовъ среднихъ, и придаетъ рѣчи видъ безличности, чтобы тѣмъ показать дѣйствіе лица, независящее отъ его воли, а потому собственно не дѣйствіе, но состояніе. Напр. *мнѣ хочется пить* (хоть я и

не хотѣлъ бы, потому что нечего); *мнѣ не спится* (хоть я и хотѣлъ бы, потому что усталъ).

(25) Въ глаголахъ: *забываю, запоминаю* предлогъ за именно удерживаетъ значеніе мѣстности, такъ что *запоминаю*=изъ памяти вонъ, *забываю*=изъ предѣловъ (области) бывалаго—выбрасываю. Такое же значеніе предлогъ этотъ имѣетъ въ словахъ: *зазнаваюсь* (зазнаюсь), *заговариваюсь*.

(26) Прекрасна мысль Г. Каткова (объ Элем. и форм. Словено-Русск. яз. стр. 208), сближавшаго нашу приставку къ прошедшему и будущ. времени *у* съ наращеніемъ въ Санскрит. *а* и въ Греч. *ε*. Доводы его объ этимологическомъ тождествѣ *у, ε, ο*, встрѣчающихся въ древнихъ нашихъ памятникахъ, въ видѣ приставокъ къ глаголамъ, кажутся мнѣ вполне убѣдительными. Въ пользу этого удачнаго сближенія нашего *у* съ Санскр. наращеніемъ *а*, имѣвшимъ, по мнѣнію Боппа, сперва отрицательное значеніе, свидѣлствуетъ и синтаксическое значеніе нашего предглагольнаго *у*, заключающаго въ себѣ противоположеніе предлогу *при*: *убыть, прибыть*. *Убыль* есть то, что отъ долгаго бытія вещи, потерялось изъ ней. *Унести* показываетъ удаленіе дѣйствія изъ виду говорящаго. Но какъ въ Санскр. *а* и въ Гречес. *ε* перестали наконецъ сознать отрицательное значеніе, и видѣли только примѣту прошедшаго времени, такъ и въ Русск. рядомъ съ *у* — *родъ* (противоположно: *благородный*, какъ *увѣчный* противоположно: *долговѣчный*) стоитъ слово *уродился*, означающее только оконченное дѣйствіе, но собственно ни въ добрую, ни въ дурную сторону (какъ *погода*), а оттуда уже третьестепенное значеніе Малоросс. *уродливый* = красавецъ, до-родный. Въ Греческ. языкѣ не только забыто первоначальное значеніе наращенія *ε*, но и самой отрицательной частицы *α* напр. въ словѣ *ἀλλέω* донти (ср. *молозиво*), которая сознается еще однако въ словѣ *ἀμείλω* = *увольняю*. Наше *увольняю* должно бы собств. значить отъ своей воли отрѣшаю, не хочу его больше, а не даю во-

лю. Въ Греч. ἀμαλός (отъ μύλλω молотить, молоть) какъ бы умолоченный, умолотый, сл. мягкій, нѣжный, опять неясно сознается смыслъ частицы α; подобно тому какъ наши: *умолъ*, *умолотъ* значать и то, что чрезъ молонье или молотьбу теряется какъ и то, что собирается тѣми операціями. Можно думать, что и окончаніе родит. падежа въ именахъ существ. муж. рода *у*, напр. *меду*, *гороху*, подобно Англ. of (from), Франц. de, Нѣмецк. von и нашему *отъ*, означаетъ также лишеніе, отчужденіе, отдѣленіе.

О П Е Ч А Т К И.

Въ слѣдствіе чрезмѣрной поспѣшности печатанія не досмотрѣны слѣдующія опечатки:

Напечатано :		Читай.
Стр.	строка.	
6	12	прошедшее
8	13	δευταю
9	1	понятія, Есть
10	23	(§ 373)
12	28	свѣта, Копитаръ
33	16	быть
35	3	старожилами
47	3	этотъ Законъ :
54	23	глаголами.
55	12	не правильности
—	14	разсудка. «Желалъ бы
66	4	воззрѣнію* и находя
67	16	спряженія.
73	9	ἀμφί
—	19	ἀντικρὺ
—	21	αὐλός ἀνὰ
—	32	οὐ,
74	4	δέ
—	5	ἀρ'
—	8	ἐβην
—	14	Ἡ
75	13	Ломаносова
—	17	ἀριστα
—	18	πρός
78	10	Ἡμὸς δ' ἑωσφόρος εἶσι
—	11	ὑπεῖρ
79	1	II. XXIII, 26—28.
—	3	κατὰ
—	11	ἐμάχοντο
—	—	ἐγγὺς ἦσαν οἱ
—	12	οἱ
—	19	μὲν μήτηρ
—	—	κῦρος
—	31	plusquamperfect. :
80	5	ἐξεγένετο
—	15	не удалось
		прешедшее
		δευταю
		понятія. Есть
		(§ 374)
		свѣта. Копитаръ
		имѣть
		старожилами
		этотъ законъ :
		глаголами ?
		неправильности
		разсудка.» Желалъ бы
		воззрѣнію *) и находя
		спряженія ?
		ἀμφί
		ἀντικρὺ
		αὐλός ἀνὰ
		οὐ?
		δέ
		ἀρ'
		ἐβην
		Ἡ
		Ломаносова
		ἀριστα
		πρός
		Ἡμὸς δ' ἑωσφόρος εἶσι
		ὑπεῖρ
		XVII. 593—596.
		κατὰ
		ἐμάχοντο
		ἐγγὺς ἦσαν οἱ
		οἱ
		μὲν μήτηρ
		κῦρος
		plusquamperfect. ;
		ἐξεγένετο
		не удалось

Напечатано :

Читай.

Стр. строка.

81	4	ἀπάντων ἡμᾶς τῶν εἰρη-	ἀπάντων ἡμᾶς τῶν εἰρημένων
		μένων	
—	18	σὴν	σὴν
—	20	«а я	«А я
—	26	ἀπωλόμεσθ' ἄρ,	ἀπωλόμεσθ' ἄρ'
85	8, 9	τὴν ἀδελφὴν	τὴν ἀδελφὴν
—	21, 22	ἐμμένειν τε καὶ μὴ	ἐμμένειν τε καὶ μὴ
—	26	ῥαδίως	ῥαδίως
86	1	δοῦναι	δοῦναί
91	17	φιλεῖτε ἢ θέλειν	φιλεῖν ἢ θέλειν
92	4	οὐ	οὐ
—	5	ὑπελείπετε	ὑπελείπετε
94	3	αὐτῶν	αὐτὸν
96	8	ὅτε	ὅτε
—	10	ὧς	ὧς
—	11	φθερξάμενος ἐξ	φθερξάμενας—ἐξ
—	21, 22	ἔλθι... ἀπαντας.. λέκτρῳ	ἔλθι.. ἀπαντας.. λέκτρῳ
99	5	ἔλθω.. ἐλθέω ἢ пр.	ἔλθω.. ἐλθέω
—	10	(νίσομαι ***)	(νίσομαι ***)
—	22	fatur.	fatur.
—	33	ἀγρυπνίαις	ἀγρυπνίαις
128	34	прочтена. Намъ вѣрно да-	прочтена.
		ла себя	
139	16, 17	ἐγγυς ἐγείνοντο.. ἐπελά-	ἐγγυς ἐγείνοντο.. ἐπελάσαντο
		σαντο	
—	18	ἔβοντο	ἔβοντο
—	30, 31	ἦσαν ἢ εἶποντο	ἦσαν ἢ εἶπαντο
—	34	εἶναι	εἶναι
142	28	εὐδαίμονα	εὐδαίμονα
—	29	οὐκ ἔφη ὁμοιος	οὐκ ἔφη ὁμοιος
143	14	δράω	δράω
151	11, 12	ᾧτε.. γαμέοντι τε	ᾧτε.. γαμέοντί τε
154	30	бывати	бывавати
156	15	τιφθεῖς	τυφθεῖς
159	31, 33	ἀθελέω δοῦναι—ἀμέλγω	ἀμέλγω δοῦναι ἀθελέω увольную
		увольную	

Кромъ того часто тяжелое удареніе ставлено вмѣсто остраго, а острое вмѣсто тонкаго придыханія; иногда совсѣмъ недостаетъ придыханія или ударенія.

Сравнительная таблица видовъ (по системѣ Лангеншельда) и степеней (по Павскому).

В И Д Ы.

С Т Е П Е Н И.

1-й видъ. Совершенный.

Длительный, — *прочеть*. Однократный, *кинуть*.

1-я степень. Однократные глаголы.

Рѣшительные или Окончательные, — *прочеть*. Мгновенные — *кинуть*. Часть Однообразныхъ, — *скочить*.

2-й видъ. Несовершенный.

Неопредѣленный, — *мелькать, летать*. Опредѣленный, — *летать*. Продолжител. — неопредѣленные, — *мелькать*. Продолжител. — прерывистые, — *почитывать*. Разнообразные — неопредѣленные, — *летать*.

2-я степень. Многократные-неопредѣленные глаголы.

3-й видъ. Многократный, — *читывать, хаживать*.

3-я степень. Многократные дальніе глаголы.

Продолжительные-дальніе, — *читывать*. Разнообразные-дальніе, — *хаживать*.

